

Библиотека англо-американской классической фантастики

Росс Роклинн

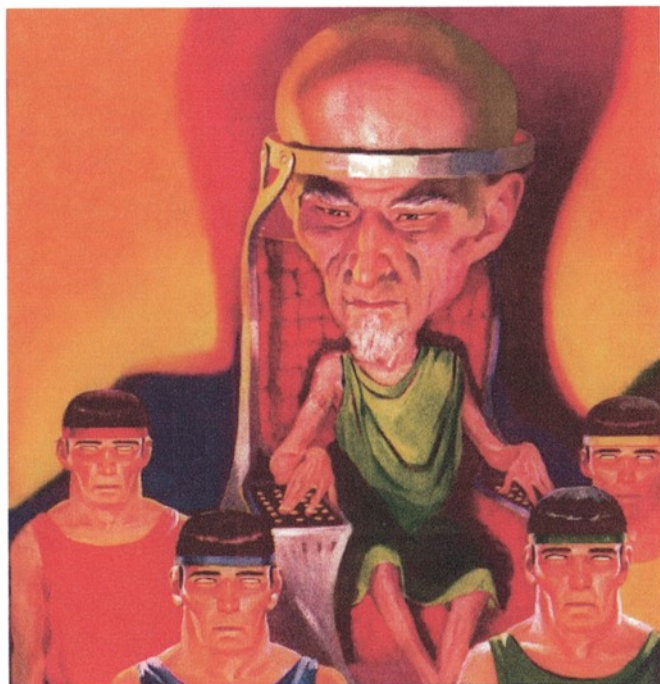
Росс
Роклинн

МОГУЧЕЕ НИЧТОЖЕСТВО

Том 2

МОГУЧЕЕ НИЧТОЖЕСТВО

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Библиотека англо-американской классической фантастики

МОГУЧЕЕ НИЧТОЖЕСТВО

Росс Роклинн

том 2

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»

2017

БААКФ-32 (2017)

Клубное издание

Росс Роклинн. МОГУЧЕЕ НИЧТОЖЕСТВО.
Сборник фантастики.
(а.л.:9,34)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

**Росс Луи Роклин (Росс Роклинн)
(Ross Louis Rocklin, 1913 — 1988)**

LUVIUM, INVINCIBLE CITY

A. R.
McKENZIE

See
BACK
COVER

AMAZING STORIES

SEPTEMBER 25c

WAR WORKER 17

BY
FRANK PATTON

МОГУЧЕЕ НИЧТОЖЕСТВО

- **ТЫ КТО**, мужчина или мышь? – требовательно спросила Джинни.

Вопрос был саркастичен и попал Теду Фриску точно в середину его вялого подбородка. Румянец, начавшийся в районе адамова яблока, разливался, пока не исчез в красной соломе, торчащей над его ушами.

– Я... Я мужчина, – пробормотал он, уставившись прямо в сердитое лицо доктора Джона Вудрофа, портрет которого висел на стене, как раз над его дочерью, и внезапно храбрость его вознеслась на немыслимые высоты. – Слушай, Джинни Вудроф, – воскликнул он, – Если у меня слегка и выдаются передние резцы, так это лишь потому, что мой дантист допустил ошибку, когда...

– Да я не имею в виду твой внешний вид, дурачок, – холодно прервала его Джинни. – Я просто хочу узнать, спустишься ли ты когда-нибудь в лабораторию и спросишь у папы разрешение жениться на мне?

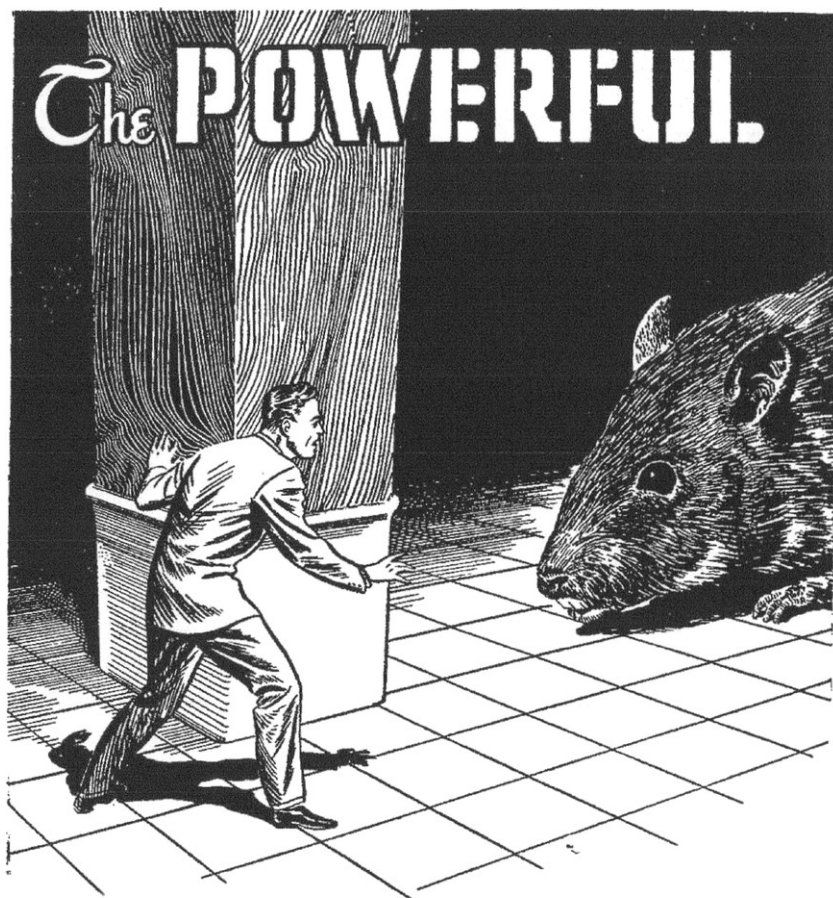
– А-а! – бледнея, протянул Тед. – О-о!..

– Потому что, – неумолимо продолжала Джинни, глядя на него опасно посверкивающими бездонными голубыми глазами, – если ты не сделаешь этого немедленно, то я приму предложение Уилла Шуйлера!

Это имя заставило Теда Фриска побледнеть еще больше. Уилл Шуйлер, менеджер отдела по управлению персоналом в «Скоординированных механических инструментах» в Пасадене, был смертельно опасным конкурентом Теда. Уилл Шуйлер олицетворял собой все, чего никогда не было в Теде Фриске. Высокий, темноволосяй, со значительным лицом, он умел справиться с любыми ситуациями, даже с теми, в которых была вовлечена Джинни Вудроф. Он любил Джинни. И даже уже предложил Джинни руку и сердце. И теперь все шло к тому, что Джинни выйдет за него, если Тед не будет действовать быстро и решительно. Но задачу, которую ему предстояло выполнить, Тед заранее ненавидел до глубины души. Доктор Джон Вудроф был несносен. Тед не раз чувствовал, что вот-вот провалится сквозь землю от одного только кислого взгляда доктора, брошенного на него. Этот человек был таким же взрывным и неожиданным, как и его фантастические изобретения.

В животе Теда Фриска уже начало бурлить.

– Я... Но... Но я не нравлюсь твоему отцу, – запинаясь, выдавил он. – Он... он...

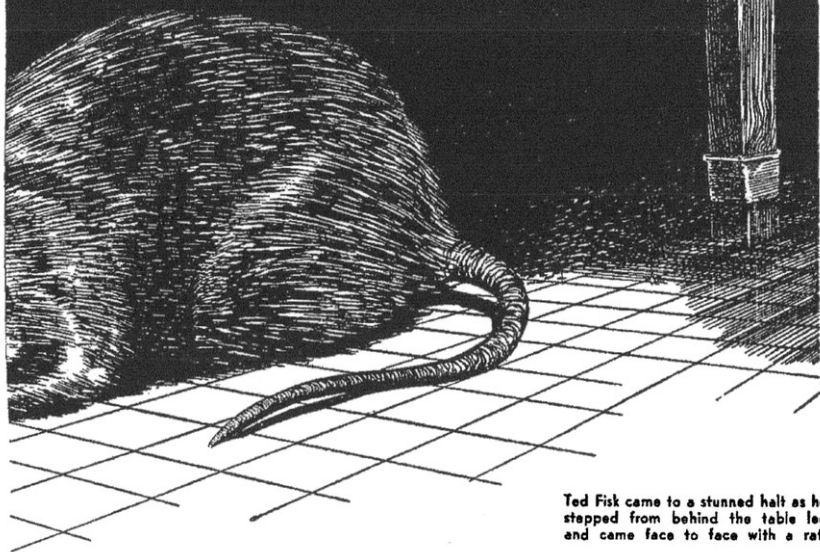
BY ROSS ROCKLYNNE

**Reduced to an inch-high mite, Fisk
had to fight a full-size man. Yet the im-
possible task could have been achieved
by the mere lighting of a cigarette!**

— Так кто ты? — сладким голосом повторила Джинни, — мужчина или мышь?

Этот решило все, и Тед сразу же понял, что все решено. Он издал придушенный писк, повернулся и направился к лестнице, ведущей в подвал. Больше он не мог терпеть такие муки. Джинни сказала,

PIPSQUEAK

Ted Fisk came to a stunned halt as he stepped from behind the table leg and came face to face with a rat!

что выйдет за него замуж. Это было три месяца назад. И с тех пор он все пытался собраться с духом и пойти попросить у доктора Джона Вудрофа руки его дочери. Ну, что ж, настало время пересечь Рубикон – или умереть... или... Неважно, что там было еще за «или», но Цезарь сделал это!

Тед промчался по лестнице и понесся по цементному полу ярко освещенной лаборатории, прямо к Вудрофу, который склонился, прижавшись глазом к микроскопу.

– Прошу прощения, сэр, – единым духом выпалил Тед. – Время настало! То есть, я получил согласие вашей дочери и...

– ТИХО! – Великий человек вскинул голову и обратил к Теду сверкающие львиной яростью глаза, которые впились в него, точно лезвия голубого пламени.

– Ты... Ты ничтожество! – прошипел доктор. – Ты... Ты ошибка природы! Как ты вообще посмел прерывать мой эксперимент своим бляением!.. Как ты смеешь курить в моей лаборатории сигарету! Вон отсюда! – взревел он.

ПОТОМ ТЕД внезапно осознал, что находится шагах в двадцати от Вудрофа, в другом конце лаборатории, сжавшийся позади

какого-то сложного оборудования, с кучей кнопок и длинных рычагов на наклонной поверхности. Тед не знал, как очутился здесь. Он даже не понял, как преодолел это расстояние. А еще он не понял, как так вышло, что в правой руке у него сигарета, а в левой серебряный портсигар, который Джинни подарила ему на день рождения. Так повлиял на него Вудроф.

Тед торопливо загасил сигарету и сунул зажигалку в карман пиджака. Фу-у! Вудроф работал над созданием противореагента нервно-паралитического газа, который начали применять немцы. Правительство организовало эту лабораторию в подвале его дома, чтобы он мог проводить работы, не прерываясь на поездки туда и обратно. Курить в лаборатории было смертельно опасно. Тед понял, что, очевидно, зажег сигарету, еще когда спорил с Джинни.

Наконец, он осторожно высунул голову из-за своего укрытия, и тут же у него на глаза навернулись слезы. Он все испортил! Никогда, никогда он не наберется смелости снова задать Вудрофу этот сакраментальный вопрос. Тед закрыл руками лицо и снова спрятался за установку. Печально, подумал он, что Шуйлер теперь женится на Джинни, потому что если Джинни что-то и ненавидит, так это трусость.

И лишь через несколько минут до него дошло, что он облокотился на кнопку установки. Тихий щелчок буквально ударил его по натянутым нервам. Тед отскочил. Панель управления установкой осветилась. Тед побледнел и взмолился Богу, чтобы Вудроф ничего не услышал. Вудроф очень щепетильно относился к своим изобретениям и всегда говорил, что они могут быть опасны. И уж тем более никому не позволял играть с ними. Некоторые он запатентовал, так, на всякий случай, а о других вообще заявил, что никому не покажет их, потому что Человечество еще не готово использовать такое. Вот так, не больше и не меньше. И если он обнаружит, что Тед запустил одну из его установок...

Тед отчаянно стал шарить по пультам, пока не нашел рычаг выключения. Толкнул его, и нажатые кнопки выскочили на свои места. Тед вздохнул с облегчением, глядя, пока поверхность установки постепенно темнеет. Пронесло!..

И тут он заметил нечто ужасное.

Он не мог поднять голову над установкой. Он стал ниже ее.

Он уменьшался! Да, несомненно, он *уменьшался*!

С фактами не поспоришь. Тед стоял, охваченный ужасом, и глядел, как верх установки быстро поднимается все выше и выше. Только теперь он вспомнил о конических рефлекторах. Они были направлены прямо на него, когда машина заработала. Очевидно,

его пронзили какие-то дьявольские лучи. Когда он выключил установку, лучи исчезли, но их действие продолжалось.

Тед открыл было рот, чтобы закричать, но не мог испустить ни звука. И не мог даже шевельнуться, насколько велик был его страх. Он видел, как стены лаборатории расширяются, точно квадратный воздушный шар, который надувает какой-то гигант. Установка высилась перед ним. Тед чувствовал, как от его ног во все стороны расширяется, разбегается цементный пол.

Мысль о том, что он так и будет уменьшаться, пока не затеряется в трещинах и щелях лабораторного пола, придала ему сил, и он, наконец, сумел вернуть контроль над своими мышцами. Прошел даже страх перед Вудрофом.

ОН БРОСИЛСЯ бежать вокруг машины, желая лишь добраться до Вудрофа и умолять его что-нибудь сделать. Но, к ужасу своему, Тед понял, что походил на лягушку, которая дошла до середины валежины, потом до середины середины, потом до половины остатка и так далее, но никогда не доберется до конца. Вопрос, обгонит ли Ахилл черепаху, получил, наконец, ответ, состоящий из трех букв: НЕТ! Потому что Тед уменьшался на бегу, его шаги становились все короче, сам он стал сантиметров шесть в высоту, а Вудроф был невероятным гигантом где-то вдаль!

Тогда Тед остановился и попытался справиться с паникой. Он дрожал. Он потел. Но настало время начать-таки думать. Он совершил ужасную ошибку. И эта ужасная ошибка ужасно разозлит Вудрофа. А также эта ошибка заставит Джинни отчаянно всплеснуть руками. И она начнет презирать его больше, чем прежде. Что же теперь делать?

Внезапно Тед понял, что перестал уменьшаться. Очевидно, эффект воздействия кончился. Если правы его расчеты, то он был ростом сантиметров пять, не больше. Одна мысль об этом заставила его похолодеть, но, по крайней мере, обычные люди могли еще увидеть его невооруженным глазом.

Затем он услышал страшный шум, гром и стук. Обернувшись, он увидел, как Джинни семимильными шагами приближается к нему. Она увидела его! Тед весь так и обмер. Она сделала еще шаг, а затем...

Тед с безумно колотящимся сердцем вовремя отскочил в сторону. Огромная, с высоким каблуком, туфля Джинни опустилась как раз на то место, где он только что стоял.

Затем он услышал раскаты грома. Но это был не гром. Это был голос Джинни, говорившей с отцом.

— Папа, а где Тед?

— Что? Что? — Тед увидел, как Вудроф поднял голову от микроскопа. — Что? Послушай, дочка, откуда мне знать, где он? Ну, да. Он был здесь. Пытался о чем-то меня спросить, но я, очевидно, напугал это ничтожество... — И он раздраженно откашлялся.

— О, папа! — На лице Джинни появилась странная смесь смущения и негодования. — Последнее время мы все задеваем его самолюбие. Я сама только что поспорила с ним. Иногда он такой нерешительный, что я... Ну, да, — раздраженно воскликнула она, — иногда я так сержусь на него за эту нерешительность, что даже испытываю желание действительно выйти за Уилла Шуйлера!

Тед Фиск нечаянно даже пискнул с протестом. Вудроф и Джинни топтались поблизости. Джинни плакала, ее зеленая юбка вилась вокруг стройных коленей.

— Ч-черт! — внезапно прогрохотал Вудроф, который услышал писк, и глаза его обратились вниз, прямо на Теда. — Нужно поставить еще одну мышеловку!

Тед Фиск бросился в укрытие под большой лабораторный стол, и на бегу до него дошла ужасная, полная жуткой иронии истина. Он вспомнил саркастический вопрос Джинни и понял, что теперь знает правильный ответ на него.

Он не мужчина. И дело тут вовсе не в размерах.

Он стал мышью!

СЛЕДУЮЩИЕ НЕСКОЛЬКО минут Тед сидел под столом, трясаясь от ужаса, пока Вудроф ходил по лаборатории, надеясь отыскать мышь, чей писк он слышал. Если бы Вудроф узнал, что пискнул протестующе Тед, его гнев не имел бы границ. И, сидя под столом, Тед разработал план дальнейших действий. Было невозможно предстать перед Джинни в таком виде. Нужно дождаться, пока Вудроф кончит работать и уйдет, каким-то образом узнать, как переключить уменьшающую машину на реверс и вернуть себе прежний облик. Никто бы в мире не смог разработать более умный план!

И, сидя под столом, Тед обнаружил, что его обоняние стало воистину сверхчеловеческим. Он чувствовал и мог классифицировать десятки лабораторных запахов, помимо того, что чувствовал раньше. Он даже узнал запах малиновой помады Джинни. Как же это возможно? — удивился он, но тут же нашел объяснение. Ну, да, конечно! Вкусовые рецепторы у него во рту и обонятельные клетки в носу стали теперь очень близко друг к другу, так сконцен-

трировались, что сделались в тысячу раз более чувствительными к молекулам запаха, витающим в воздухе.

Одновременно изменилось и многое другое. Для самого Теда его голос звучал нормально, но обычные люди слышали только слабый писк. Гортань его стала меньше и могла испускать лишь звуки с очень короткой длиной волны. По той же причине голоса Джинни и ее отца казались ему громовыми раскатами. Ведь длина волн их была для него теперь чрезвычайно велика.

И могу держать пари, – со страхом подумал он, – что я теперь могу прыгать весьма высоко вверх или падать с изрядной высоты, по той же причине, по которой муравей может нести груз в сотню раз больше веса его тела.

Чудесные возможности мира малых величин поразили его, но не было времени думать обо всех этих чудесах. Потому что именно в этот момент в лаборатории появился Уилл Шуйлер.

– Привет честному народу! – громом прокатился голос, но Тед тут же узнал его.

Он весь напрягся от ненависти и выглянул из-за ножки стола. И увидел, как Уилл Шуйлер, высокий, мужественный брюнет идет вперед, и как Вудроф тут же бросает свои бесполезные поиски мыши и с удовольствием пожимает Шуйлеру руку.

ШУЙЛЕР ВЗГЛЯНУЛ на Джинни, и на его лице промелькнуло какое-то самодовольное выражение.

– Приветик, милая, – нежно сказал он (прямо на глазах Вудрофа, подумал Тед, невольно завидуя своему сопернику). – В чем дело? Ты выглядишь какой-то испуганной?

– Разумеется, я испугалась, – яростно воскликнула Джинни. – Мы только что слышали писк мыши!

Шуйлер самодовольно рассмеялся.

– Не стоит тебе волноваться о мышах, когда я рядом, – сказал он. – Я сумею тебя защитить. – Он подмигнул ей, а затем стал еще оживленнее. – А я вот подумал, что бы вы оба сказали, если бы одинокий холостяк пригласил вас на ужин? Так каков будет ответ? Скажем – в шесть вечера.

Вудроф тут же ответил согласием и даже шутливо ткнул Шуйлера под ребра.

– Но мне что-то подсказывает, что недолго тебе, парень, ходить в холостяках, так ведь?

И он взревел смехом, откинув свою волосатую голову.

— Папа! — воскликнула Джинни. — Разумеется, мы принимаем приглашение. — И она повертела головой, явно пытаясь найти Теда. — С радостью.

— Отлично!

Шуйлер сунул правую руку в карман, чем-то там нервно играя. Тед глядел на него смертоносным взглядом из своего убежища под столом.

Вудроф выключил освещение, и все трое покинули лабораторию, закрыв за собой дверь. Затем Тед услышал приглушенные громовые раскаты голоса Шуйлера на лестнице.

— Я забыл в лаборатории шляпу! Вы идите, а я вас догоню! Или встретимся прямо в ресторане!

Шуйлер вернулся в лабораторию и включил свет. Тед смотрел, как он стоит у двери, прислушиваясь к шагам Джинни и ее отца, поднимающимся вверх по лестнице. Затем, с довольным выражением на лице, Уилл Шуйлер нетерпеливо сунул руку в карман. На свет появился плоский бумажный пакет. Уилл принялся лихорадочно разворачивать его. Куски обертки он аккуратно прятал в карман. Затем Тед увидел, что в пакете были завернуты смятые, влажные комочки газеты. А обострившееся обоняние тут же подсказало ему, что комочки были пропитаны фосфором.

Фосфор! Ужас пронесся по крошечному теперь телу Теда. Что... Что это значит?.. Он почувствовал, как весь холодеет от чудовищности того, что происходило у него на глазах. Он хотел было броситься вперед, с писком протеста. Но вовремя отбросил эту идею. А вместо этого, дрожа от странных чувств, он наблюдал, как Шуйлер мечется по лаборатории, разбрасывая пропитанные фосфором комочки в корзину для мусора, на полки, уставленные коробками с химикатами, под стулья и, наконец, под стол. Тед вовремя забился в самый уголок, чтобы его не увидели. Затем свет погас. Хлопнула дверь.

Тед был ошеломлен. Фосфор! Но ведь как только влажные комочки газеты высохнут, они моментально вспыхнут ярким и жарким пламенем!

УЖАСНАЯ ИСТИНА внезапно вспыхнула в голове Теда, как осветительная ракета над Лондоном. Шуйлер хочет уничтожить лабораторию Вудрофа, спалить ее дотла. Но почему? Ответ мог быть только один. Шуйлер был нацистским шпионом!

Тед дрожал, потел и задыхался от этого ужасного открытия. Но ничего другого быть не могло. Только это объясняло буквально все. Ведь именно на «Скоординированных механических инструмен-

тах» прогремели недавно взрывы. А Уилл Шуйлер был там начальником отдела кадров! Фактически, он мог нанимать на работу других нацистских саботажников. А теперь стал саботажником сам.

— Вот ведь пес шелудивый! — в ужасе прошептал Тед. — Он знает, что Вудроф работает на правительство, чтобы найти противодействие новому газу, что используют немцы. Он знает, что Вудроф уже год трудится над этим проектом. Уничтожив лабораторию, он уничтожит всю работу Вудрофа. Собака бешеная!

В голове у Теда царил настоящий хаос. Что теперь делать? Бежать за Джинни и Вудрофом и рассказать им все? Нет! Пока он им расскажет, даже если сумеет найти их, газеты уже высохнут, и весь дом Вудрофа станет бушующим адом. Нет, Тед должен предотвратить бедствие сам... но это ужасно, ужасно рискованно.

Однако он решился. Он развернул свое крошечное, пятисантиметровое тело, зарылся руками в огромный комок пропитанной фосфором бумаги, лежащий рядом, и с таким не тяжелым, но страшно неловким грузом выскочил из-под стола и бросил газету на цементный пол. И дрожь прошла по его телу. Газета была уже почти суха! Если бы она загорелась, пока он нес ее... От этой мысли Теда пробила крупная дрожь.

Было так темно, что он почти ничего не мог увидеть. Но сверхчеловеческое обоняние безошибочно привело его к мусорной корзине. Он видел лишь часть ее огромной оправы, но напряжился и прыгнул, как ему показалось, сразу на три с лишним метра. Торжествующе ухватился за край корзины. Попытался опрокинуть корзину, но это не удалось. Тогда он червячком заполз на край и прыгнул внутрь. И попал в массу мятой бумаги.

Тед задыхался, глаза его буквально вылезали из орбит. Он отчетливо представлял, что находится посреди потенциального зажигательного котла. Нужно было действовать быстро.

Он нашел два комка бумаги, пахнувшей фосфором, и выбросил их из корзины, как огромные баскетбольные мячи. Затем полез обратно на пол и подтащил эти комки на свободное место.

А ПОСЛЕ ЭТОГО Тед стал настоящим вихрем. Он собрал все опасные комочки газеты и сложил все это кучей на свободном месте посреди цементного пола. Оставался только один, но он на полках, вне досягаемости. Окна лаборатории были покрашены черной краской, поэтому было слишком темно, чтобы лезть туда наощупь. Нужно было включить свет. Но как?

Ну, Тед теперь был силен — даже сверхчеловечески силен, хотя и размерами не превышал мышь. Он обхватил обеими руками ножку

ближайшего к выключателю стула. Потом напрягся и потащил, потащил, задыхаясь и хрипя, пока не взорвался самыми грязными ругательствами. Стул даже не сдвинулся с места!

Тед пришел в бешенство. Он должен включить свет. Причем, как можно быстрее. Не теряя ни секунды. Калифорнийские ночи бывают прохладными, несмотря на то, каким бы жарким ни был день, но нынешняя ночь была теплой, потому что день был исключительно жарким. Шуйлер, конечно, принял это во внимание. В любой момент пропитанная фосфором газета на полке могла вспыхнуть белым, обжигающим пламенем.

Тед подошел к выключателю и смерил его взглядом. Он едва видел его, находящегося в полутора метрах над полом. Тед напряг крошечные мышцы ног и прыгнул. Высоко прыгнул, а на обратном пути скользил вдоль стены и практически коснулся выключателя, но тут обнаружил, что он из тех выключателей, в которых, чтобы включить свет, рычажок надо поднять *вверх*, а не опустить *вниз*.

Он должен включить его, пока летит в прыжке вверх.

Тед попробовал. Потом еще и еще. И так десять раз. Он не раз при этом ушибся и ободрался о стену. Наконец, он отступился и лег на пол, раскинув руки по цементу. Он был ошеломлен. Он рыдал от боли. Он был почти без сознания. И никто, никто не мог ему помочь!

Мысль об оставшихся комочках газеты привела его в чувства. Поднявшись на четвереньки, он попытался осмотреть лабораторию, насколько мог видеть в темноте. И увидел старый, драный плетеный стул. Этот стул был не такой тяжелый, как солидные деревянные стулья, но и располагался дальше всех от выключателя. Возможно, он сумеет перетащить эту рухлядь.

Тед устало поднялся на ноги, подошел и обхватил руками ножку плетеного стула. И стул стронулся с места! Торжество придало ему новые силы. Стул полз по полу неустанно, хотя и медленно. Тед напрягал все силы. Он не знал, сколько времени это отняло у него, и буквально рыдал и хрипел, когда придвинул стул под самый выключатель.

Потом он едва мог справиться с силами, чтобы взобраться на сидение этого стула. Осторожно обойдя дырки посередине, Тед подошел к плетеной спинке и полез на нее. Наверху он выпрямился, едва удерживая равновесие, но чувствуя торжество. Он победил! И эта победа заставил кровь быстрее бежать по венам!

Затем Тед повернулся к выключателю. Он стоял сразу под пластиковой коробкой, но мог работать только одной рукой, потому что

другой приходилось держаться. Он дотянулся до рычажка выключателя, но в таком положении не мог поднять ее вверх. С губ его снова сорвались ругательства, Тед не знал, что еще можно сделать. Он опять проиграл.

А затем под его весом старый стул вдруг начал крениться. У Теда глаза полезли из орбит. Но стул наклонился к стене и уперся в нее. Тед облегченно вздохнул. А затем, безумно ликуя, вцепился обеими руками в выключатель — и лабораторию залил поток света!

ПОСЛЕ ЭТОГО было достаточно просто добраться до полок. Ведь теперь Тед видел, что делал. Он измерил глазами расстояние. Пригнул по заранее рассчитанной двухметровой дуге и приземлился на самом краю верхней полки. Шуйлер везде рассовал здесь комочки газеты. Тед бегал среди бутылок и коробок с химикалиями, устраняя опасность — переносил комочки на пол, сбрасывая их с полки на полку, и делал все это под прессом гнетущего страха. Нельзя было ожидать, что удача будет сопутствовать ему вечно. Комочки бумаги были уже почти совсем сухими!

Закончив на полках, он спрыгнул на пол сам и остался цел. За три минуты он перетащил к образовавшейся посреди пола куче все комочки, кроме одного. К последнему он приблизился с нервами, натянутыми, как струны. Они, казалось, аж звенели. Ему пришлось сделать усилие, чтобы заставить себя взять последний комок. Но он справился с собой, хотя сердце безумно стучало, артерии бились в висках от невыносимого страха.

Он бросил этот последний комок в образовавшуюся кучу и тут же бросился бежать.

И весь ад, казалось, вырвался на свободу!

Взревело раскаленное добела пламя, дьявольские щелчки напоминали треск очередей десятков пулеметов, паливших одновременно. Тед повернулся, прикрывая глаза от огня. Повсюду носились искры, закрученный столб дыма бил в потолок. Но через минуту самовозгорание прекратилось и ничего не загорелось, лишь тлели угольки на цементном полу.

У Теда буквально подкосились ноги. До сего момента он действовал только на нервном перенапряжении. Однако, несмотря ни на что, какой-то инстинкт заставил его выключить свет. Он все еще не хотел, чтобы Джинни или ее отец увидели его в таком «мелком» виде. Однако после этого он устал до смерти и не мог уже ни о чем думать, кроме сна. Спать, спать, спать!.. А утром, до того, как в лаборатории появится Вудроф, нужно будет как-то переключить установку на обратный ход и вернуть себе прежние размеры. Но сейчас

мозги его были слишком затуманены. И конечно, еще предстояло раскрыть предателя Шуйлера. Это будет просто. Но потом, потом. А сейчас — спать. И Тед полез в свое убежище под лабораторным столом.

Однако едва он заполз туда, как обоняние предупредило его о новой опасности. Да так предупредило, что на загривке встали дыбом все волоски. А когда он увидел эту опасность, то весь окаменел от ужаса.

Крыса!

Тед смотрел прямо в ее светящиеся глаза. Ясно видел злой треугольник ее носа. А также белые, острые зубы. И крыса тоже страстно уставилась на него.

Тед не знал, сколько прошло времени прежде чем он оглянулся. Он лишь знал, что крыса хочет убить его и съесть.

Однако всю свою смелость Тед истратил на предыдущие подвиги Геракла. От усталости он пошатывался, как пьяный. Так что он просто набрал полную грудь воздуха и шикнул на крысу.

И крыса, пронзительно запищав, развернулась и убежала в испуге.

Удовлетворенно улыбаясь, Тед, наконец, расслабился и заснул крепким сном.

ТЕД РЕЗКО открыл глаза. Разбудил его стук двери. Однако, судя по окружающей темноте, все еще была ночь. Он прислушался. Внезапно вспыхнул свет. Тед тут же вспомнил, что случилось вечером, и внезапно понял, кто мог посетить лабораторию посреди ночи. Высунув голову из-за ножки стола, он убедился, что был прав. Уилл Шуйлер! Саботажник стоял у двери с настороженным выражением лица, и осматривал лабораторию. Затем его взгляд упал на грудку обугленной бумаги. Он со свистом всосал воздух сквозь сжатые зубы. Глаза его удивленно расширились. Даже цвет лица стал, казалось, каким-то зеленоватым.

Целую минуту Тед думал, что Шуйлер развернется, выйдет и заперет за собой дверь, потому как увидел доказательства, что кто-то узнал его планы и помешал ему. Но вот кто? Тед явно читал этот роковой, ужасный вопрос в глазах Шуйлера. Тот был смущен и испуган.

Но в голове у Теда тоже кипели вопросы. А где Джинни и ее отец? Почему Шуйлер так свободно вернулся? Впрочем, ответ на последнее был очевиден. Его надежный план поджечь лабораторию не сработал. И он вернулся узнать, почему.

А вот что Шуйлер станет делать теперь?

С нарастающим страхом Тед глядел, как высокий красавец стоит у двери, явно обдумывая свои действия. Затем Шуйлер злобно выругался, зыряка повсюду диким взглядом. Верхняя губа его приподнялась в оскале. Он бросился через лабораторию – и кровь Теда застыла в жилах, когда он увидел, что негодяй схватил двадцати пятилитровую канистру с бензином, которую Вудроф держал под рукой, чтобы промывать свои колбы и реторты.

Шуйлер нервными движениями открутил пробку канистры и принялся бешено, куда попало, плескать бензин на полки с химикатами. Он мчался по лаборатории, разливая бензин повсюду: на турбины и генераторы, на стопки резиновых ковриков, на стулья и аппаратуру.

Тед начал бой, еще не успев ничего сообразить. Он не знал, что собирается делать, знал лишь, что должен что-то сделать, причем очень быстро. Шуйлер вел себя, как последний псих. Он был полон решимости сжечь весь дом. Вероятно, ему отдали такой приказ прямо из Берлина, и теперь он должен его выполнить. И Тед Фиск был почти уверен, что Джинни и Вудроф в доме. И они погибнут в пожаре!

С яростным криком Тед прыгнул и приземлился прямо на ухоженную голову Шуйлера. Продолжая вопить, он вцепился негодяю в волосы и орал ему в самое ухо. Шуйлер с хриплым криком обернулся, но никого не увидел. Канистра с бензином вылетела у него из рук, когда схватился за волосы. Но Тед уже был во временной безопасности на его широком плече. В очень временной, но он должен был найти какой-то способ помешать Шуйлеру поджечь лабораторию. Однако Шуйлер увидел его, когда Тед прыгнул. Рука его взметнулась и сомкнулась вокруг Теда. Теду стало больно от того, как Шуйлер стиснул его, но еще более от мысли, что он допустил грубую ошибку. Он позволил Шуйлеру поймать себя и тем самым лишился всех шансов помочь Джинни и ее отцу.

ТЕД ПОЧТИ что лишился сознания, но тут же почувствовал, что чувства возвращаются к нему, потому что Шуйлер ослабил свою хватку. Затуманенными глазами Тед смотрел на Шуйлера. А Шуйлер никак не выражал свое удивление. Очевидно, он уже нашел для себя объяснение.

– Ага! – рявкнул он. – Значит, Вудроф уменьшил тебя одним из своих устройств, чтобы ты шпионил за мной!

– Он ничего не знает об этом! – пропищал Тед, но тут же прикусил язык. – Отпусти меня ты... ты, змея! – пропищал он, колотя по воздуху кулачками, разумеется, без толку.

Шуйлер неприятно рассмеялся, глядя, как пленник извивается у него в кулаке.

— Не будь идиотом, — холодно сказал он. — Я не могу отпустить тебя теперь, когда ты все знаешь. — Лицо Шуйлера отвердело, он явно принял решение. — Я должен убить тебя.

Тед уже подумал об этом. Ему даже хотелось сейчас умереть. Так что он перестал отбиваться. Его заниженное самомнение снова вернулось под напором последних обстоятельств.

А затем распахнулась дверь, и в лабораторию вошел Вудроф в сопровождении Джинни. Джинни выглядела восхитительно в фиолетовом халате в цветочек, плотно обернувшем ее стройную фигурку. Волосы ее были спутаны, на ногах красовались домашние тапочки. Ее прекрасные глаза были еще затуманены сном. Очевидно, она спала, когда они с отцом слышали крики Теда.

— Что тут происходит? — спросила Джинни.

Густые, седые брови Вудрофа чуть приподнялись.

— Уилл! — сказал он яростно и одновременно недоуменно. — Что, черт побери, ты...

Но его прервал крик Джинни, когда она увидела Теда.

— Тед! — взвизгнула она, бледнея.

Они с отцом представляли собой яркую картину полного замешательства. А Тед, несмотря на опасность, не мог вымолвить ни слова. Как он не хотел, чтобы Джинни увидела его таким! Он побагровел, как свекла. Но он знал, что долг требует предупредить Вудрофа о Шуйлере.

— Шуйлер... — пропищал он, но тут же закричал от боли, поскольку Шуйлер стиснул его в кулаке.

Когда перед глазами перестало все плыть, Тед увидел у Шуйлера пистолет 45-го калибра, какой обычно используется в американской армии. А Шуйлер как раз что-то втолковывал Джинни и Вудрофу, которые отшатнулись от него, внезапно поняв, что все не так, как они считали.

— Не бойтесь, — говорил Шуйлер. — Не стоит тратить последние секунды на страх. Лучше уж помолиться.

— Но... но, Уилл, — пробормотала Джинни, наивно закрывая рукой горло. — Вы... Ты не можешь... Я думала, что ты ушел домой!

— Ты думала, что я ушел домой! — с неопишуемой ненавистью передразнил ее Шуйлер. — Когда ты сказала мне, что любишь этого тюфяка и больше не хочешь общаться со мной, я решил, что тоже больше не хочу общаться с тобой.

ОН ПЛОТНО сжал губы. Он не чувствовал никакого стыда за свое намерение сжечь лабораторию. Если бы Вудроф завершил работу над противодействием нового нервно-паралитического газа, то Шуйлер встретил бы смерть от рук других нацистских шпионов.

— Я пытался дать вам шанс, — сказал он. — Я пригласил вас на ужин, чтобы вы не сгорели во время пожара в доме. Но ваш драгоценный Тед Фиск, — он злобно стиснул Теда так, что у него затрещали кости, — сумел в темноте собрать мои маленькие подарочки. Помнишь, Джинни, что было, когда мы вернулись час назад и твой отец пошел спать? Я попросил тебя дать мне, наконец-то, точный ответ. И ты сказала, что любишь Теда, поэтому у меня не оставалось другого выбора. Я ушел, а ты заперла дверь, но ведь у меня уже был ключ. Поэтому я вернулся и спустился в подвал. Я никак не мог понять, почему не возник пожар, когда мы уехали ужинать. И я должен был убедиться, что в этот раз все пройдет без осечки.

Вудроф как-то неожиданно постарел и посерел.

— Нацистский шпион, — прошептал он. — А я даже не подозревал. И каков твой план теперь?

— Несколько измененный, — огрызнулся Шуйлер. — И, гарантирую, улучшенный. Эта машина, которая уменьшает людей, несомненно, стоит где-то в лаборатории. Я отыщу ее и научусь ею пользоваться. Мой фюрер будет рад иметь подобное устройство. Наши ученые изучат его. Можно ведь уменьшить целую армию, перевезти ее хотя бы в чемодане, а затем вернуть к первоначальному размеру. Это будет означать быструю и легкую победу. Что же касается вас... — Он замолчал, помахивая пистолетом. — Ну, я не могу позволить себе всякие там сентиментальные глупости. Учиться управлять установкой я буду на вас. Я уменьшу вас до микроскопических размеров. Никто никогда не найдет ваши тела, так что меня не станут подозревать...

— Но ты не можешь быть таким бессердечным! — воскликнула Джинни, поняв, наконец, истинную сущность Шуйлера, и пятна гнева вспыхнули на ее щеках. — Ты же говорил, что любишь меня...

— Я много чего говорил, — резко прервал ее Шуйлер. — Но время сейчас такое, что я не могу позволить себе всякие сентиментальности, как я уже говорил!

Он был бледен от собственного решения. И Тед понял, когда Шуйлер шагнул вперед, что Шуйлер сам нервничает перед убийством. Еще несколько секунд, и...

В голове Теда царил хаос. Он был реалистом и прекрасно понимал, что все это случилось из-за его ошибки. Он ведь мог — должен был! — каким-нибудь образом остановить Шуйлера, но так глупо

попался! Теперь положение стало куда хуже, чем прежде. Враг хотел завладеть самым могущественным оружием в мире, и не только Джинни с отцом, но и много миллионов людей погибнут из-за этого — из-за него, Теда Фиска!

Тед мысленно простонал и по давнишней привычке его рука сама полезла в карман рубашки за сигаретой. Но остановилась на полпути, потому что ему в голову пришла одна идея. И внезапно в нем вспыхнула надежда. Шанс есть!

Есть один шанс... вот только получится ли? Но это уже неважно, он должен попробовать.

ТЕД ПОПЫТАЛСЯ привлечь внимание Вудрофа.

Старый ученый в замешательстве захлопал глазами, когда увидел машущего рукой Теда. Он все еще ничего не мог понять, когда Тед достал из своего кармана зажигалку. Сердце у Теда упало. Но он должен верить, что Вудроф отреагирует, как надо.

Он вытянул руку, отчаянно молясь, подвел зажигалку под левую локтевую артерию Шуйлера и крутанул колесико. Очевидно, Бог все-таки есть, поскольку, всегда капризная, его зажигалка загорелась с первого раза.

— Мне отмщение, и аз воздам! — Но это уже сказал не Бог, а шепнул Тед. Пламя рванулось буквально волной, обхватывая запястье Шуйлера. В Теда ударила почти невыносимая волна жара. И одновременно произошло несколько событий. Из рта Шуйлера вырвался вопль боли. Металлически звякнул о цементный пол пистолет, выпавший у него из руки. Вудроф закричал. Воздух наполнился вонью горелого мяса, а левая рука Шуйлера разжалась и Тед упал на пол. Целый и невредимый.

Невредимый и торжествующе вопящий. Его план сработал! Шуйлер, совершенно ошоломев, завывал от боли. Он даже и не подумал сопротивляться, когда Вудроф бросился на него. Старик мог бы поднять уроненный Шуйлером пистолет. Но он предпочел действовать по старинке. Он взмахнул кулаком, послышался чмокающий звук удара прямо по лицу предателя и шпиона. Шуйлер упал на спину, словно его лягнула гигантская лошадь. Рухнул, как громом пораженный, чуть дернулся и затих.

Вудроф стоял над ним.

— Грязный пес! — взревел он. — Хотел убить нас! Хотел предать Соединенные Штаты! Я еще милосердно поступил с тобой! У тебя рука обгорела до самой кости!

Так оно и было. Джинни шагнула вперед, но тут же с отвращением отвернулась. Правда, подумав секунду, она повернулась обратно,

нагнулась, и Тед с ужасом увидел, что она намеревается поднять его.

Он помертвел, но ничего не мог поделать. Тонкие пальцы девушки осторожно сомкнулись вокруг него.

— Отпусти меня! — взвыл несчастный влюбленный. — Это... Это просто неприлично! Ты... Ты же разлюбишь меня, если увидишь в таком виде!

НО ДЖИННИ, разразившись смехом, осторожно поставила Теда на стол. Затем уставилась на него, безуспешно пытаясь взять себя в руки и прекратить неприлично хохотать. Тед было спрятался за микроскопом, но тут же покорно вышел к краю стола, видя, что они оба глядят на него. В глазах Вудрофа была странное, удивленное выражение.

И Тед рассказал им все, как попал под лучи устройства, а потом не посмел привлечь ничье внимание.

— Да если бы ты не включил случайно уменьшающую машину, парень, — с восхищением вскричал Вудроф, шлепая себя ладонями по бедрам, — то что бы сейчас было со всеми нами? Шуйлер уничтожил бы мою работу над противодействием нервно-паралитическому газу! А теперь мы поймали этого нацистского шпиона!

— Выходит, ты — случайный герой! — Джинни очаровательно улыбнулась, нагнулась и принялась рассматривать его, пока Тед не покраснел от смущения, затем ее лицо стало озадаченным. — Но, Тед, кое-чего я тут не понимаю. Ты использовал зажигалку, чтобы обжечь руку Шуйлера. Но обычное пламя не бывает таким раскаленным и никак уж не могло бы так сжечь ему запястье. Это было ужасно! — Девушка передернула плечами.

Несмотря ни на что, Тед не мог не почувствовать себя ужасно важным и умным. Только представить, что сам доктор Джон Вудроф ждет, пока Тед поделится с ним информацией! Его крошечная грудь невольно выпятилась, как у боевого петушка.

— Просто это было *не обычное* пламя, — заявил он. — Жидкость в зажигалке сконцентрировалась и стала в тысячу раз более воспламеняющей, чем бензин. Она была сжата, когда сжало меня. И пламя, должно быть, было не меньше тысячи градусов по Фаренгейту! И я сам не сгорел рядом с ним лишь потому, что тоже был сжат.

— Это уж точно, парень, — закивал Вудроф. — Ты был еще как сжат. Даже не представляю, сколько тебе потребовалось сил, чтобы собрать всю разбросанную Шуйлером бумагу. Но что, если

бы, обьятая пламенем рука Шуйлера сжалась вместо того, чтобы расслабиться.

Тед буквально позеленел при мысли об этом, но храбро ответил:

— Это была единственная возможность, которой я должен был воспользоваться, сэр. — И он взглянул прямо в глаза Джинни, мокрые от слез и сверкающие гордости за него. — Ну, сейчас, я думаю, стоит заняться Шуйлером. Но есть еще кое-что, что я хотел бы сказать. — Он взглянул на Вудрофа без всякого страха и стеснения. — Я хочу жениться на вашей дочери, сэр. И предупреждаю вас, сэр... Да, я вас предупреждаю, что мне абсолютно все равно, дадите вы свое согласие и благословение или нет. Мы любим друг друга, понимаете? Ну, что вы ответите?.. Хотя, конечно, лучше, чтобы вы все-таки дали ваше родительское благословение, — промямлил он под конец.

Как говорить, начал за здоровье, а кончил... Впрочем, Тед тут же гордо вскинул голову. Тот, кто сумел прогнать мышь, просто шикнув на нее, подумал он, конечно же, может уже ни о чем не беспокоиться.

Вудроф удивленно рассмеялся.

— Конечно, конечно, мой мальчик! — взревел он. — Я даю вам обоим свое благословение!

Тед испустил долгий вздох. До этого мига он вообще не был ни в чем уверен. Затем он отчаянно взглянул на великаншу, какой стала Джинни, на ее лицо и так восхитительно приоткрытые губы. Потом опять повернулся к Вудрофу.

— Пожалуйста, сэр, — умоляюще попросил он, позабыв о своем новообретенном достоинстве. — Пожалуйста, верните мне первоначальный размер... и побыстрее, чтобы я смог поцеловать Джинни!

The powerful pipsqueak, (Amazing Stories, 1943 № 9), пер. Андрей Бурцев

ASTOUNDING

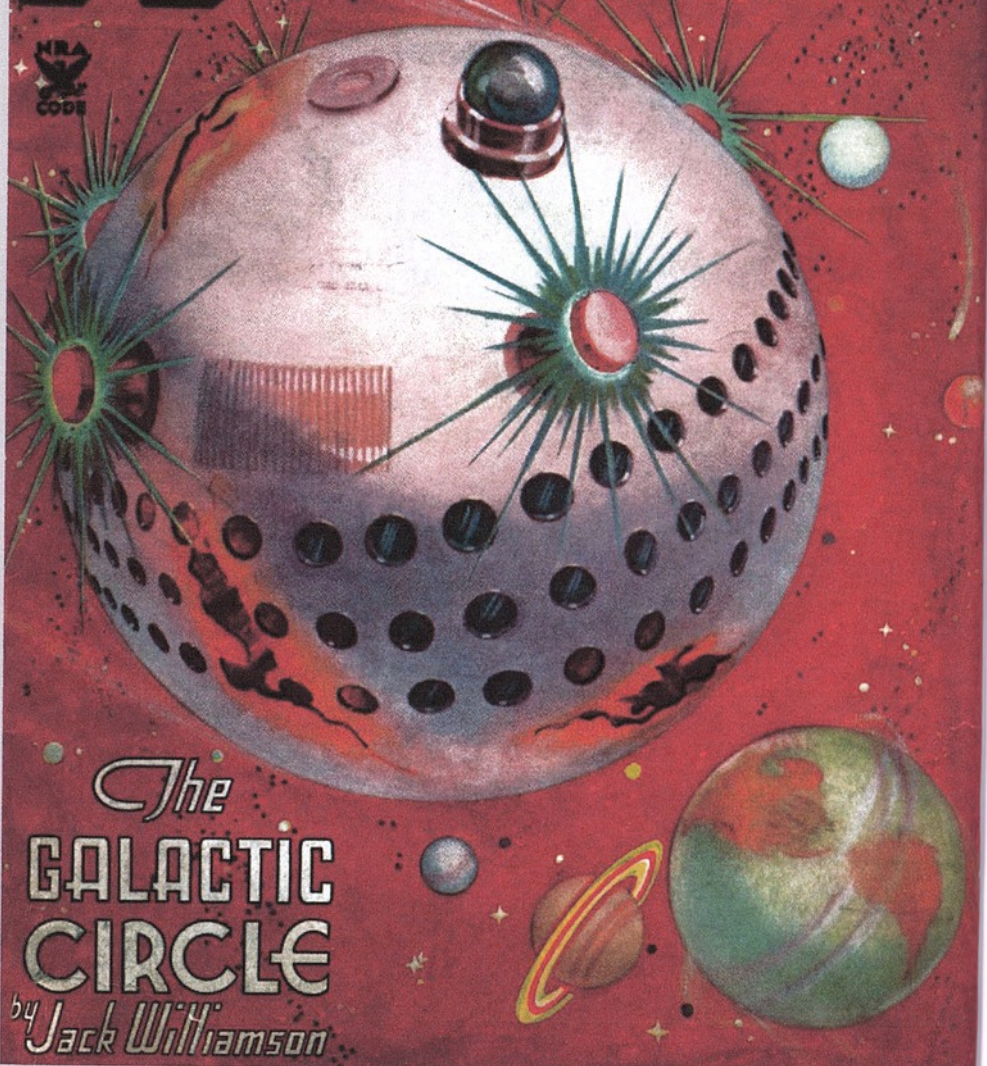
CONTENTS COPYRIGHTED 1988

STORIES

AUGUST

20

MRA
CODE

The
GALACTIC
CIRCLE

by Jack Williamson

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЖЕЛЕЗА

ДОКТОР МЕРРА вышел из лаборатории, расположенной в одиноком доме на вершине холма, в вестибюль. Зыркнул вверх-вниз хмурым, острым взглядом.

— Лемманс! — позвал он голосом, напоминающим звук ржавой пилы. — Идите сюда немедленно.

Приоткрылась одна из дверей, выходящих в вестибюль, и из нее высунулась голова с редкими волосами на макушке.

— Вы меня звали, сэр?

— Разумеется, вас. Кого же еще? — Лицо доктора Мерра стало озлобленно-раздраженным. — Немедленно идите сюда!

И он вернулся в лабораторию, хмуро сдвинув брови. При этом он нервно крутил пальцами и напряженно стискивал губы.

Открылась дверь, и в лабораторию осторожно вошел Лемманс, на остроносом лице которого, как всегда, был написан нервный страх. Войдя, он тут же остановился и стал молча ждать.

Мерра выпрямился с рычанием.

— Что-то вы слишком медлительны для дворцового, — проворчал он. — Идите сюда, вы должны будете кое-что сделать для меня. Только ничего не испортите.

Лемманс подошел к Мерра, который с отвращением впился в него взглядом.

— Я должен кое-что сделать и хочу, чтобы вы помогли мне. Вы ведь знаете, что сегодня я уволил Рейнольдса?

Лемманс чуть наклонил голову.

— Да, сэр, — коротко ответил он.

— Сегодня вечером вы примерно на час займете его место. Мне придется обшарить всю страну, чтобы найти другого ассистента, у которого была бы хоть половина мозгов Рейнольдса. Жаль только, что он оказался лодырем. Идемте, я покажу вам, что нужно будет сделать. — Он резко выпрямился. — Вы что-нибудь понимаете в науках? — потребовал он.

В глазах Лемманса мелькнул ужас, точно такой же, как у любого другого человека при вопросе, что мог бы выявить недостатки вопрошаемого.

— Я... Я... Нет, сэр, — пробормотал он.

Мерра раздраженно пожал плечами.

— Так я и думал, — бросил он. — Ладно, садитесь. Я поясню вам основные принципы, на которых основывается мой эксперимент.

Лемманс сел, и Мерра, возвышаясь над ним, стал нетерпеливо кусать нижнюю губу.

— Мне нужно пояснить вам это, чтобы вы ничего не испортили. Видит Господь, это так просто, что никто, кроме последнего дурака, не мог бы ничего испортить, но я не хочу рисковать... Ладно, поехали. Если бы вы были в комнате со стенами полуметровой толщины, без окон и дверей, как бы вы могли выйти из нее?

Глаза Лемманса становились все больше, он заикался и запинаясь. Он ненавидел Мерра такой ненавистью, какая редко возникает у людей, и в то же время до смерти боялся его. Вот и сейчас боялся его прервать, как боялся попасть в ловушку. А эти маленькие ловушки Мерра устанавливал с особым удовольствием.

Но отвечать все же пришлось.

— Я мог бы выйти, сэр, мог бы, если бы... — с трудом выдавил он.

— Заткнитесь! — с неожиданным гневом зарычал Мерра. — Думаю, вы хотели сказать, что могли бы, если бы у вас была паяльная лампа! Но в комнате нет ничего, кроме вас. Так как? Могли бы вы выйти?

Лемманс едва заметно вздохнул.

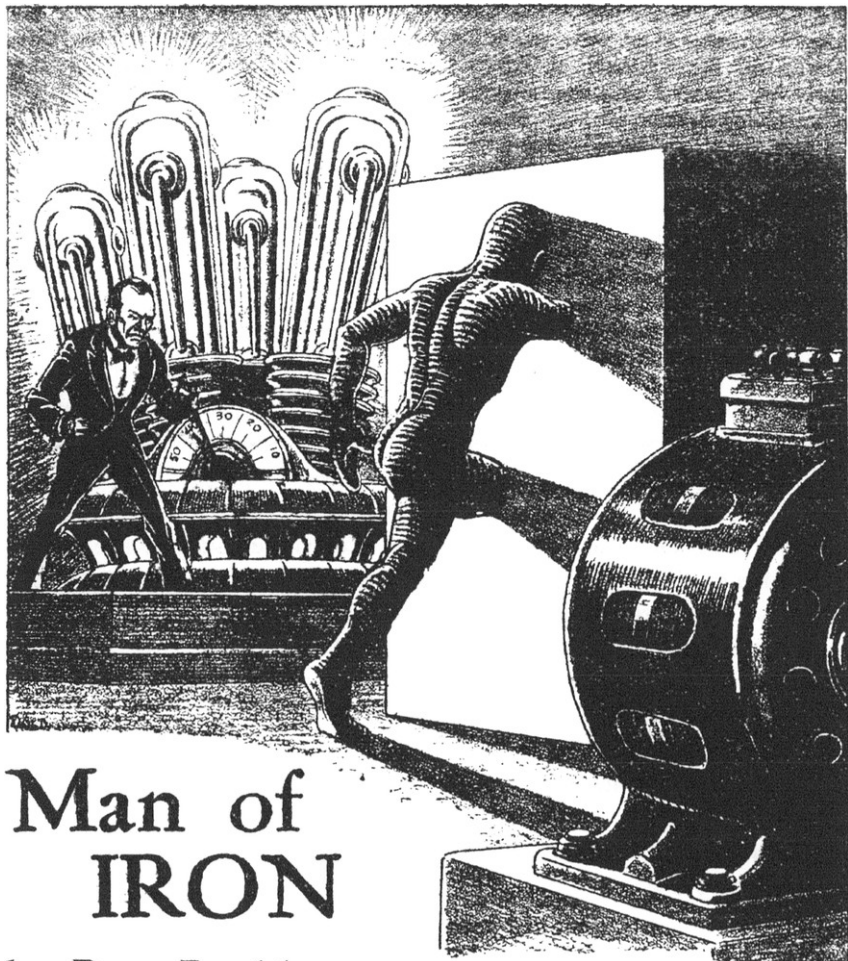
— Тогда нет. Никак бы не мог. Я должен решительно сказать — никак!

— Вот и неправильно! — очень обидно засмеялся Мерра. — Вы ошибаетесь. Есть у вас такая возможность. Вы могли бы выйти из комнаты, если бы могли пройти сквозь стену. — Он сделал театральную паузу, глядя, как багровеет лицо Лемманса. — Вы мне не верите, — холодно продолжал он. — Но это правда. Вероятность такого события составляет одно на единицу с тридцатью тремя нулями. Но этого можно достигнуть даже при первой попытке. Вы понимаете, почему?

Он так долго ждал ответа, что Леммансу пришлось, в итоге, рискнуть.

— Я... Я не... не...

— Да все очень просто! — рявкнул Мерра. — Просто молекулам вашего тела и молекулам стены почти невозможно столкнуться, когда вы шагаете сквозь стену. Но это в том случае, если выпадает ваш единственный шанс. Другими словами, два разных тела могут занять одновременно одно и то же место. Неимоверно редко, но такое случается. Но я могу искусственно создать для этого все условия! — буквально выплюнул он эту фразу в лицо Леммансу. — Я

Man of IRON

by Ross Rocklynne

могу сделать так, что молекулы тела будут отталкивать молекулы любого вещества — а, следовательно, занять его место. И я собираюсь впервые провести такой эксперимент. Я уже пробовал его на неодушевленных предметах, теперь хочу провести на себе.

Он шагнул к помосту, на котором стояли четыре радиолампы, каждая высотой в половину человеческого роста. Они были темными и мертвыми, но торчавший перед ними рычаг мог включить динамо в углу комнаты, что дало бы лампам жизнь.

Мерра щелкнул выключателем, и лампы засветились странным, колеблющимся светом, природу которого знал только доктор. Комнату заполнило гудение динамо.

Мерра подозвал Лемманса. Лемманс подошел, чувствуя, как душу его стискивает рука страха. Что-то, чему он не мог дать названия, подсказывало ему, что теперь в руки ему идет шанс — тот самый шанс, о каком он мечтал, бессонными ночами, лежа с открытыми глазами и строя нереальные планы. И сейчас Лемманс боялся лишь того, что живущий в нем демон страха не даст ему воспользоваться этим шансом.

Он остановился возле Мерра.

— **ВОТ ЭТОТ** маленький переключатель, — проскрежетал ему в самое ухо голос Мерра. — Он с делениями, видите? Ноль, десять, двадцать, тридцать, сорок и пятьдесят. Когда я назову любое из этих чисел, поверните переключатель так, чтобы указатель указывал на него. Это все, что вам нужно сделать. Только не напортачьте! А сейчас пока отойдите, — сказал он, прошел в угол комнаты и принялся нервными движениями снимать одежду со своего дряблого тела.

Лемманс наблюдал за ним, и внезапно губа его поднялась в беззвучном зверином оскале, а свет отразился от узких щелочек, которыми стали его глаза. Он давно уже прокрутил в уме мириады подобных ситуаций, чтобы начать теперь действовать, поскольку Мерра был именно тем, кого Лемманс ненавидел больше всех на свете.

Десять лет миновало с тех пор, как Мерра снискал расположение родителей Лемманса, причем до такой степени, что они доверили все свои сбережения его финансовой мудрости, надеясь, что он правильно распорядится их деньгами.

Мало того, что Мерра присвоил себе эти деньги, но он еще и немало на них наварил, наварил тем же способом, что и деньги его покойных братьев.

Впоследствии, искусной манипуляцией законами доказав их неспособность хоть как-то наказать его, Мерра бросил их всех, так сказать, на тонущем корабле.

Корабль этот сплошь состоял из ужасов бедности, немощности, болезней и смерти. Первым умер отец Лемманса, затем вскоре ушла следом за мужем и его мать. И молодой Лемманс остался совсем один в мире, и жгла его память о предательстве Мерра.

Зная, что ничего он не сможет напрямую сделать с Мерра, как не могли его родители, он копил и копил в себе эту ужасную ненависть.

Десять лет. Пять из них, чтобы занять эту важную должность в доме Мерра, и еще пять, проведенные в составлении плана, как убить Мерра и не попасться при этом. И вот теперь внутренний голос подсказал ему, что время пришло. Вот он, самый совершенный и безошибочный план из всех возможных.

Он смотрел, как Мерра раздевается, а затем затягивает свое мускулистое тело – включая лицо, руки и ноги, – в какой-то гибкий, металлический костюм.

Затем доктор снова повернулся к нему.

– Не забывайте, что я сказал, – голос его прозвучал каким-то необычно напряженным и надтреснутым. – Действовать по мере того, как я буду называть числа.

Мерра повернулся и бросил взгляд на стоящий посреди комнаты блок, без малейших примесей железа – куб два на два метра. Затем перевел пристальный взгляд на большую лампу, бросавшую на него неосоздаваемые проникающие колебания. И по нему прошла дрожь – так дрожит дерево на зимнем ветру. Доктор Мерра очень боялся результатов эксперимента, жизненно важного для него.

Затем по-прежнему напряженным, приглушенным голосом, он словно с трудом вытолкнул из себя слово:

– Десять!

Дрожа от грызущего его страха, что может изменить сам себе, Лемманс повернул переключатель, поставив указатель на число десять.

МЕРРА НАПРЯГСЯ, стиснув кулаки и упираясь пятками в пол. Когда Мерра щелкнул переключателем, он секунду оставался неподвижным, затем расслабился, тяжело вздохнув.

– Чувствую себя в норме, – выдохнул он. – На секунду я испугался, что воздух, проходящий через мое тело, создаст эффект, который я не предвидел заранее. Но ничего не случилось. – Тут голос его наполнился радостным волнением. – Это коренным образом изменит наш мир. Молекулы воздуха свободно проходят сквозь молекулы моего тела. Они летят так, словно меня тут нет. И я могу дышать этим воздухом. Какая радость! Я боялся, что... Ладно, сейчас это неважно. Двадцать! Лемманс, вы не понимаете, что происходит? – Тон его стал вдруг необычно приветлив, очевидно, от радости, что эксперимент проходит удачно. – Мой костюм сделан из металла, который я назвал *мерралит*. Дал ему свое имя, потому что я создал этот сплав. Именно он делает эксперимент возможным. Конечно, колебания, испускаемые лампами, тоже кое-что зна-

чат. Но именно *мерралит* улавливает эти колебания и передает их молекулам, из которых состоит мое тело, создавая поле индифферентности ко всем посторонним молекулам. Обычно, посторонние молекулы, ударяющиеся в мое тело, отскакивают при ударе. Теперь же они просто проходят в сравнительно обширные промежутки, разделяющие молекулы моего тела. По этой причине у вашей руки все же есть один шанс из многих миллиардов миллиардов пройти сквозь стену. Такой призрачно маленький шанс, потому что и рука, и стена сопротивляются друг другу. Я же уничтожил это сопротивление... Я сказал двадцать, Лемманс!

— Я уже перевел переключатель на двадцать, — прошептал Лемманс.

— Гм-м... Что-то не чувствую никаких изменений, — проворчал Мерра. — Тридцать!

Лемманс щелкнул переключателем, переведя его на тридцатку, и Мерра снова вздохнул.

— Чем интенсивнее колебания, — продолжал он, — тем меньше сопротивления испытывают молекулы воздуха, проходящие через индифферентное поле. Вот сейчас я почувствовал различие. Труднее стало дышать. Почти весь воздух проходит сквозь меня. Но кровь все же захватывает часть кислорода. Однако не понимаю, как это происходит. Выходит, я не могу задерживаться в этом кубе.

ОН СТРОНУЛСЯ, наконец, с места, подошел к железному кубу и медленно, неуверенно, странно замедленным движением, протянул к нему палец. Было в этой ситуации нечто нереальное, что помешало на мгновение Мерра поверить, что палец его действительно проникнет в железную стену.

Лемманс смотрел, чувствуя, как холодок суеверного страха заставляет ошетиниться волоски у него на загривке.

Палец коснулся железа — но не остановился. Он продолжал входить в железо, и железо не могло задержать его проникновение.

— Проходит! Проходит! — закричал, задыхаясь от восторга и ужаса, Мерра. — И никаких неприятных ощущений!

Он завопил во все горло и прямо, решительно погрузил в куб руку. Затем обе руки, потом ногу.

Смех клокотал у него в горле. Мерра вытащил руки, снова погрузил их в железо и опять вытащил. Потом принялся махать ими. Затем, задыхаясь, отступил.

— Я войду туда целиком. Придется несколько секунд побыть без воздуха, но это не причинит мне вреда.

На пробу он снова ввел руки в куб.

— Сорок, Лемманс! Прежде я не замечал, но есть разница, по сравнению с перемещением рук в воздухе. Почти как в воде. Разумеется, ведь железо плотнее воздуха.

Лицо Лемманса побелело, поскольку он подумал, что сейчас предстоит ему сделать. Решимость его ослабела. Рука задрожала, на лбу вспыхнули крошечные бусинки пота, когда он перещелкнул переключатель на сорок.

Он изумленно смотрел, как Мерра легко и уверенно снова подходит к кубу, размахивая на ходу руками. словно через ревушую Ниагару услышал он голос Мерра:

— Я должен пройти сквозь этот куб, Лемманс... Мало воздуха... Пятьдесят!

Глаза Лемманса дико сверкнули, когда Мерра подошел еще на шаг. Он смотрел, как доктор остановился, глубоко вдохнул, стараясь насытить свою кровь кислородом. Затем сделал шаг, шаг, занявший долю секунды, но Леммансу эта доля показалась часами.

Нужно было рассчитать точно, когда Мерра достигнет середины куба.

Он перевел переключатель на пятьдесят, и тут же лицо доктора и вся передняя часть его тела вошли в куб, молекулы его тела и молекулы железа спокойно пролетали друг мимо друга, не касаясь и не сталкиваясь.

Но доктор не стал бы задерживаться в кубе дольше, чем требовалось бы, чтобы пройти шесть шагов. Секунду спустя он весь погрузился в железо и скрылся из глаз. Момент настал!

Лемманс напрягся. Стук пульса в ушах казался ему ударами кузнечных молотов. Пальцы затряслись на переключателе. Расширившимися глазами он наблюдал, как исчезает Мерра. Миг — и его нет. Ни следа, словно он никогда и не существовал!

Лемманс почувствовал, как его глаза вылезают из орбит при мысли о том, что он собирается сейчас сделать. Он ненавидел Мерра жуткой ненавистью, но все равно, его маленькая душонка вся трепетала от ужаса при мысли об убийстве человека. Но Лемманс в отчаянии вспомнил, что это же человек, которого он подстерегал десять лет. Не могут же десять лет ненависти пролететь напрасно, из-за одного лишь мига неуверенности! Мерра ушел в куб, железо окружало его со всех сторон. Время настало. Пробил час расплаты!

Он внутри. Он будет смят, сокрушен. Никто никогда его не найдет. Да никто и не станет искать. Как может кто-нибудь заподо-

зрить, что он нашел свой конец внутри цельного железного куба? И пока мысли Лемманса беспорядочно носились у него в голове, рука лежала на переключателе. Ужас и решимость боролись в нем. И решимость победила. Переключатель защелкал, перемещаясь обратно по шкале.

Сорок... Тридцать... Двадцать... Десять... Все! Нулевая отметка! Конец!

БЕДНЫЙ ЛЕММАНС! Десять лет он размышлял о мести, строил планы, наслаждался своим будущим поступком, но так и не понял, что это действительно конец. Конец всему! Он думал, что, когда переведет переключатель на нуль, Мерра просто будет стиснут железом или задохнется от отсутствия воздуха.

Он не понял простых слов доктора, поясняющих принципы его эксперимента. Да и откуда ему было понять, если само слово «молекула» он услышал лишь несколько раз в жизни, и во всех случаях это слово влетало ему в одно ухо и вылетало из другого.

Все его размышления не шли дальше мести. Возможно, с ним ничего бы и не произошло, если бы он догадался хотя бы спросить, почему, раз молекулы тела человека не взаимодействуют с молекулами окружающих предметов, Мерра не проваливается сквозь пол. Только Мерра мог ответить на этот вопрос. Но он уже больше ничего не ответит.

Лемманс подумал было о том, что будет, когда две твердые частицы займут один и тот же объем пространства. Но ему не хватало воображения и чисто научных знаний, так что он додумался лишь до того, что Мерра будет просто раздавлен, вжат в объем куба, не оставив ни следа о *свершенном преступлении*.

Железо — вещество плотное, потому что у составляющих его молекул слишком ограниченный объем пространства для перемещения. Когда железо нагревается, его молекулам придется большая скорость, и они отлетают на большее расстояние.

Железо расширяется, объем пространства, в котором сосредоточены миллиарды молекул, — из которых составлено железо, — увеличивается, чтобы молекулы могли иметь более свободный диапазон движений. Когда же железо охлаждается, естественно, возникает тенденция к его сжатию. Молекулы уменьшают скорость и сокращают свои пути.

Плотность вещества уменьшается, если железо подвергают такой температуре, что оно становится жидким — плавится, — а потом и парообразным.

Мерра занимал в кубе место одновременно с идентичным объемом железа. Когда же Лемманс переключил выключатель на ноль, Поле молекулярной индифферентности между двумя различными телами исчезло.

И тут же в ограниченном объеме пространства произошла молниеносная и жесточайшая молекулярная война.

Следствием ее явилось выделение огромного количества тепла. Пространство, не предназначенное для них природой, внезапно заняли миллиарды дополнительных молекул. Каждая молекула железа получила гораздо большее число соударений, чем то, к которому была приспособлена.

В результате, кинетическая энергия молекул становилась все больше и больше. Каждое соударение придавало молекуле все большую скорость, после чего ее полет становился все длиннее и длиннее. Подобный безумный процесс длился кратчайшую долю секунды, затем у молекул появилась тенденция к непреодолимому расширению.

А ВНЕЗАПНОЕ мощное расширение — это всего лишь другое описание взрыва. Именно это произошло с кубом железа, в которое погрузился Мерра. И куб взорвался с ужасающей силой, оценить которую Лемманс был уже неспособен, поскольку мгновенно превратился в молекулярную пыль и свободные электроны. Но взрыв не успокоился, уничтожив мстителя с мелкой душой.

К счастью, особняк, в подвальном этаже которого Мерра проводил свои эксперименты, одиноко стоял на вершине холма, окруженный густым лесом. В это время во всем доме не было больше никого, так что жертв оказалось лишь две — Лемманс и Мерра, и если смерть первого произошла в соответствии с законами, созданными человеком, то смерть второго не входила в перечень преступлений, описанных человеческой юрисдикцией.

Там, где на вершине холма стоял дом, возник ослепительный огненный шар, состоящий из раскаленных газов и молекул, лишенных своих электронов. Долю секунды спустя шар превратился в огненный столб и устремился в небо. Это сопровождалось ревом, словно два вулкана принялись соревноваться, кто превзойдет кого в извержении. Огненный столб быстро погас, но еще минут пять земля дрожала и раскачивалась в муках землетрясения, производящего глупостью одного человека в сочетании с гениальностью другого.

Сейсмографы по всему миру зафиксировали толчки, встряхнувшие всю планету.

Когда все начало успокаиваться, оказалось, что холм, на котором стоял дом, исчез, разнесенный в пыль и прах. Пыль эту вынесло в верхние слои атмосферы, где еще два месяца после этого она обнаруживала свое присутствие, подарив Человечеству потрясающе красивые закаты и восходы солнца, какие только кто-либо видел на нашей планете.

Man of iron, (Astounding Stories, 1935 № 8), пер. Андрей Бурцев

THE GENIUS OF LANCELOT BIGGS

BY
NELSON S. BOND

Fantastic

JUNE
20c

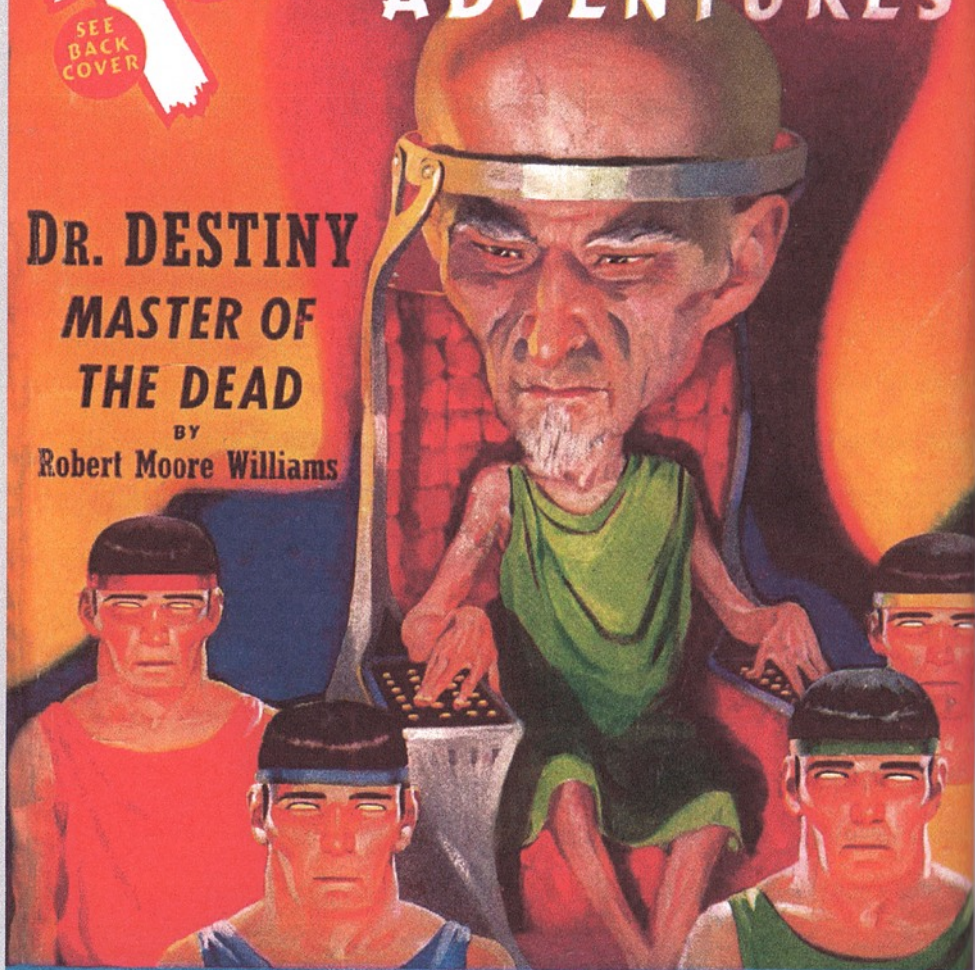
ADVENTURES

SEE
BACK
COVER

DR. DESTINY MASTER OF THE DEAD

BY

Robert Moore Williams

GREAT STORIES BY MAURICE DUCLOS
★ ROSS ROCKLYNNE ★ THORNTON AYRE ★

ОТРАЖЕНИЕ, КОТОРОЕ ЖИЛО

I. ТРИДЦАТЬ ОДНА МИНУТА ПОПОЛУДНИ

— Ну, ладно, ладно, — улыбнулся Рацетти, направив курносый пистолет в живот профессора Хармона Брауна. — Несправедливо, что ты должен умереть, верно?

Выцветшие глаза Брауна были широко открыты. Поднятые руки тряслись.

— Вы не должны убивать меня, — хрипло выдавил он. — Просто не должны. Только не сейчас. Не сейчас, когда я могу столько дать миру.

— Ха-ха, — с выражением сказал Рацетти. — Сочиняешь прямо на ходу, верно? А меня что, заботит этот треклятый мир? Вот прямо сейчас, когда мне выписали пожизненное?

— Вы заслужили пожизненное заключение, потому что совершили ужасное убийство. Вы не можете винить меня в том, что я был в составе присяжных, исполняя долг честного американского гражданина. И сейчас вы должны сидеть в тюрьме.

— Должен? Должен сидеть, да? — пробрюзжал Рацетти. — А с чего ты вообще решил, что я кого-то пришел, ты, старый канюк? Ты должен заплатить за то, что твои присяжные постановили вердикт: «виновен»! Ты был тем единственным психом, который потребовал такого вердикта. Так что это *твоя* вина! Да, я сбежал, и теперь могу убить тебя.

Его близко посаженные глаза переметнулись к Джиму Стэнтону, который тоже стоял с поднятыми руками.

— И ты тоже, здоровяк, — чуть ли не печально продолжал Рацетти. — Тебе просто не повезло, что ты оказался здесь. Но должен же я защищать себя?

— Конечно, — ответил Джим Стэнтон.

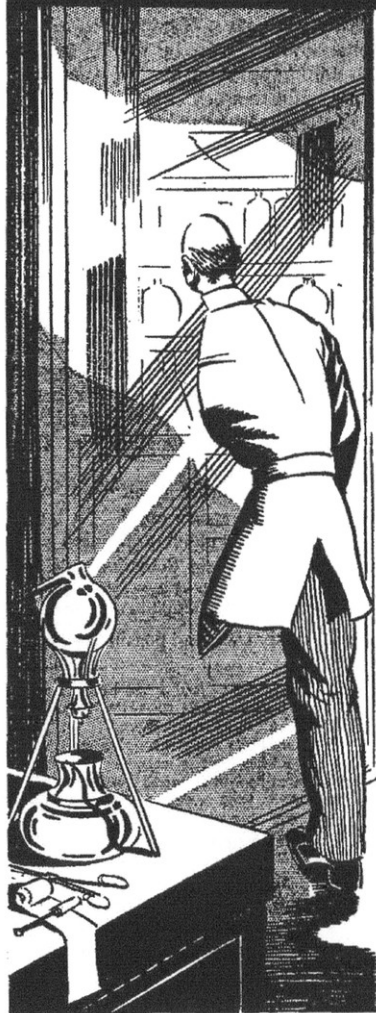
Он был сотрудником Патентного бюро и как раз изучал возможности одного из изобретений Брауна. Судя по твердому взгляду голубых глаз, он был не расположен продолжать эту увлекательную беседу.

— Значит, вы сбежали? — спросил Стэнтон.

Рацетти помогал.

— Ну, да, я вколол себе изрядную дозу, — и уже говоря, он подумал, что не стоило принимать столько морфия, поскольку уже чувствовал головокружение и слабость.

The REFLECTION

THE end of the universe was right here in Professor Braun's laboratory, and he could cross it with one step

Он еще твердо держался на ногах, но перед глазами все расплывалось. Но это ничего. Это не только действие морфия. *Что-то еще было в этой комнате.*

ОНИ НАХОДИЛИСЬ в подвале дома, служившем Брауну лабораторией. Странность помещения состояла в том, что у противоположных стен, по обе стороны лестницы, спускавшейся из кухни, были установлены огромные зеркала.

По крайней мере, они походили на зеркала, но странные в них виделись отражения. Например, Рацетти, стоя спиной в паре десятков сантиметров от зеркала, видел на противоположной стороне лестницы *спину*, отраженную в другом зеркале.

Собственную спину! Но как это могло быть? Да, зеркала все отражают. Если встать лицом к

зеркалу, то в нем отразится ваше лицо.

И все же, хотя оба человека, которых он собирался убить, были обращены к зеркалу по другую сторону комнаты, он видел переднюю сторону их тел!

THAT LIVED

An eerie sensation swept through Stanton as he grasped Professor Braun's hand

Непонятно все это было. Но Рацетти не собирался об этом волноваться. По крайней мере, не сейчас. Это все из-за дозы. Это *должно быть* из-за дозы, кольнувшись, он и прежде частенько видел странные вещи.

Рацетти стиснул в руке пистолет. Нервы его были напряжены перед своим третьим и четвертым – или это было четвертое и пятое? – убийством.

Стэнтон встревоженно наблюдал за его лицом. Что он мог сделать? Но в голове у него мелькали обрывки забавных мыслей. Мысли, совершенно не соответствовавшие ситуации, поскольку ему грозила гибель.

Еще полчаса назад он рассмеялся бы, если бы кто-то сказал ему, что он вскоре встретится лицом к лицу со смертью...

II. ОДНА МИНУТА ПОПОЛУДНИ

ДЖИМ СТЭНТОН рассеянно насвистывал какой-то мотивчик, нажимая пальцем кнопку звонка. Он немного скептически отнесся к требованиям Брауна. Старик написал в Патентном бюро, что сделал изобретение, которое коренным образом изменит всю транспортную систему во всех ее проявлениях. Далее он написал, что они должны отправить к нему человека для экспертизы, иначе он, Браун, продаст это изобретение кому-нибудь другому.

Когда открылась дверь, скептицизм Стэнтонa только окреп. У Брауна были ниспадающие на плечи седые волосы, впалая грудь, брюшко и блеклые голубые глаза. Короче, он *слишком уж походил* на эксцентричного изобретателя, носящегося с безумной идеей.

Но когда Стэнтон представился и старик предложил ему войти, у него оказался удивительно чистый и мягкий голос. Закрыв дверь, он повернулся и стоял, потирая руки и оценивающе разглядывая рослого – метр восемьдесят – Стэнтонa.

Затем хихикнул.

– Так вы из Патентного Бюро, да? Так вы и выглядите! Так и выглядите! Скептический, скептический взгляд. Но я все покажу вам, Стэнтон. Скоро вы поймете, что эта ночь будет поворотным моментом в истории!

Стэнтон пошел за стариком по крутым лестничным пролетам в подвал.

– Мое изобретение, – кричал на ходу Браун, – сделает бесполезными поезда, автомобили, океанские лайнеры, лифты и самолеты. Все это будет уже ненужно. Хотя, разумеется, внедрять его нужно будет очень осторожно, – он даже на секунду остановился и потряс в воздухе тощим указательным пальцем. – Это может привести к самому ужасному экономическому кризису в истории Человечества!

И Браун включил в подвале свет.

Стэнтон огляделся.

– Не туда, не туда, – воскликнул Браун, взмахнув дрожащей рукой. – Это просто полки с химикатами. В углу полуразобранный

рентгеновский аппарат. А вот здесь камера Вильсона. В общем, всякая электрическая дребедень. И не требуйте с меня чертежей. После вы все запишите на бумаге. А пока что я обещаю вам демонстрацию эксперимента. И не обращайтесь на запах. Это мешок гниющего картофеля. Вот сюда! Посмотрите на эти установки.

УСТАНОВОК БЫЛО две – по одной у противоположных стен, как раз по обе стороны лестницы, по которой они спустились в подвал. Больше всего они походили на рентгеновские аппараты. По крайней мере, так показалось Стэнтону.

Расположены они были так, что, включенные, они, очевидно, посылали лучи через все помещение плоскими, вертикальными стенками.

– Немного напоминает рентгеновские аппараты, – словно прочитав его мысли, сказал Браун, возбужденно потирая руки. – Немного! Тут вот есть аноды, катоды и мишени. Но вы можете обнаружить, что служащие мишенями экраны созданы не из обычных материалов, какие обычно используют в рентгенах. Совсем другие здесь материалы, Стэнтон, совсем другие! Приятно видеть, что вы хоть немного разбираетесь в науке! Вы ведь знаете, что обычная рентгеновская трубка испускает свет, тепло и рентгеновские лучи? То есть, колебания, в десять тысяч раз более быстрые, чем свет из обычной лампы?

– Да, и такие колебания отражаются на рентгеновском экране, – не выдержал Стэнтон. – Я это все знаю. Давайте ближе к сути. Чем наш новый экран отличается по своему действию от рентгена?

– Я не знаю, чем они отличаются, – резко ответил Браун. – Я не знаю ничего, кроме того, что они творят с пространством. Может, перетрясают частицы эфира. Откуда мне знать, что они делают? Я даже не знаю, почему скорость молекул увеличивается при нагревании. Мы все еще очень многого не знаем, не так ли? – Тут он подскочил к одной из установок и включил ее. – Я лишь наблюдаю за их эффектом.

У Стэнтонна были крепкие нервы. Здоровое сердце. И, вообще, могучий организм. Однако, «эффект» заставил его содрогнуться как мысленно, так и физически.

В подвале возник черный лист небытия, отрезав треть помещения, словно то улетело в черноту, существующую лишь в межзвездном пространстве!

Стэнтон невольно сделал шаг назад и, чувствуя необычайную робость, постарался взять себя в руки.

Браун обеими руками схватился за свой животик и весело засмеялся. Можно даже сказать, захохотал.

— Хо-хо-хо! — заливался он. — Вы боитесь упасть! Боитесь, что там ничего нет! Куда же девался ваш скепсис?

И он продолжал смеяться, пока лицо Стэнтона не пошло красными пятнами.

— Выключите эту штуку, — раздраженно сказал он. — Что это вообще такое?

Браун перестал смеяться так резко, словно у него где-то внутри находился тумблер, переключающий настроение.

— Это конец пространства, — очень серьезно сказал он.

— Продолжайте с этого места, — терпеливо сказал Стэнтон и опустился на стул. — Наверное, — продолжал он, — сначала вам лучше все рассказать. Тогда я смогу задавать правильные вопросы.

ДЕРЕВО ЗАСКРИПЕЛО по дереву, когда Браун подвинул к нему другой стул и сел, чуть не соприкасаясь коленями со Стэнтоном.

— Когда вы удаляетесь от стационарной точки в пространстве, — начал Браун, — то, — если двигаетесь по прямой, — в конечном итоге возвращаетесь на первоначальное место. Это закон, применимый к теории конечной, сферической Вселенной. Эйнштейн сказал, что такой путешественник неизбежно перемещается по большому кругу вдоль трехмерной поверхности большой четырехмерной сферы*. — В голосе его послышалось презрение пополам с жалостью. — Эйнштейн немного недокумекал. Вселенная — *действительно* сфера, но внутренняя часть ее является многомерным барьером. Вот это и есть *моя* Вселенная! Таким образом, в какую бы сторону мы ни пошли — мы всегда появимся с противоположной стороны, то есть, чтобы удалиться от точки входа *вглубь*, диаметр моей сферической Вселенной становится несуществующим, потому что мы пересекаем измерения, а не двигаемся по их естественной кривизне. Как вы помните, Вселенная Эйнштейна многомерная. В его Вселенной параллельные линии сходятся, — так же, как и в моей. Наши с ним

* Здесь: важная аналогия между нашим пространством и сферой. Что происходит с прямой линией, прочерченной на поверхности сферы? Она всегда возвращается к своей исходной точке. Она не может, если так выразиться, продолжаться вечно. В конечном итоге, она всегда возвращается обратно. По Эйнштейну, пространство изгибается до тех пор, пока не замыкается в сферу. Имеется в виду все пространство, как суперсфера, не в сфере Евклидовой геометрии, а в гиперсмысле, так что, хотя пространство кажется нам бесконечным, оно всего лишь сфера кажущейся бесконечной плоскости. Таким образом, прямая линия (согласно нашей концепции) в действительности изогнута, и в конечном итоге возвращается, по гиперизогнутому пространству, в первоначальную точку. (прим. ред.)

Вселенные настолько подобны, что мне кажется, Эйнштейн пытался сказать то же самое, что говорю я! А теперь, — с гордостью продолжал он, надувая морщинистые щеки, — так как я знаю, что Природа создала конечное пространство, почему же такое не могу создать и я? Смотрите!

Он вскочил со стула и подошел к черной стене небытия, выхватил из кармана желтый карандаш и принялся потихоньку толкать его в черноту. Втолкнул его туда до половины.

— Видите, он исчезает! — крикнул Браун, оглядываясь на Стэнтона. Глаза Стэнтона заинтересованно заблестели.

Внезапно Браун вынул карандаш и, подойдя, вручил его Стэнтону. Стэнтон, нахмурившись, осмотрел карандаш. Карандаш был сломан в том месте, до куда был погружен, причем слом — или срез? — был очень чистым и гладким.

— Браун снова принялся хохотать.

— Хо-хо-хо! Сейчас вы наверняка задаетесь вопросом, куда девалась половинка карандаша? — Потом он опять-таки резко прекратил смеяться и испытующе глянул на Стэнтона. — Полетел странствовать по Вселенной. Откуда я знаю, насколько это далеко? Через всю Вселенную, триллионы световых лет. Но вот тут находится искусственный конец пространства, который создала моя машина, фактический его конец. Он действует согласованно с равной областью конца пространства, к которой обращен и которой параллелен. Если наш путешественник достигнет этого предела, то появится из него. Но с другой стороны! Вот куда девалась половинка карандаша. Она ушла на другую сторону Вселенной, *пересекая* ее сферу вместо того, чтобы перемещаться по поверхности по кривой!

— Святой Боже! — пораженно воскликнул Стэнтон. — Это же путь, по которому пойдут первые исследователи межзвездного пространства!

— Ха! — воскликнул Браун. — Какая ерунда! Потому что как бы они вернулись, если не через внутреннюю часть нашей супер-Вселенной? Ведь мой искусственный конец пространства расположен *между* естественными концами пространства, в котором заключена наша Вселенная*.

* На самом деле, новая концепция Брауна очень проста. Представьте резиновый шарик. Затем возьмите женскую булавку для шляп и воткните ее в шарик (это иллюстрация того, что сделал Браун с карандашом). Вы пропихнули булавку внутрь шарообразной Вселенной, сквозь резиновую оболочку шарика, и конец булавки находится теперь внутри него, в пространстве, которое Браун называет гипер-Вселенной. Не забывайте, что по этой аналогии наша Вселенная — всего лишь резиновая оболочка шарика, и ничто иное. Кончик булавки находится внутри шарика

Он смотрел, как Стэнтон вертит в руках карандаш, задумчиво глядя на него. Браун был чрезвычайно доволен собой. У него прошло расстройство желудка, и даже девался куда-то ревматизм. Он был счастлив, что хоть кто-то оценил проделанную им работу.

Но если бы он мог заглянуть хотя бы на десять минут в будущее – а именно оказаться в двадцать две минуты пополудни, – то узнал бы, что окажется лицом к лицу со смертью, поскольку, как глава жюри присяжных, именно он провозгласил вердикт «виновен», ставящий жирную точку в деле Рацетти против Штатов...

III. ТРИДЦАТЬ ДВЕ МИНУТЫ ПОПОЛУДНИ

БРАУН НЕ МОГ отвести испуганных глаз от ужасного, черного дула пистолета, который Рацетти направлял прямо ему в живот. Он прямо-таки чувствовал, что в животе у него словно кипит кислота и оттуда растекается по всем его конечностям.

Браун не хотел умирать. И не потому, что был трусом, нет. Просто он знал, что может дать всему миру нечто грандиозное.

– У-уйдите! – запинаясь, взмолился он. – Уйдите, Рацетти. Не убивайте меня. А я со временем дам вам миллион долларов. Да, да, так-то вот!

Он с ужасом замолчал, потому что увидел, как Рацетти просто, по-дружески, улыбается ему.

– Я пробыл в тюрьме десять лет, – сказал он, – а вы говорите о деньгах. Да у вас нет зелени на приличные похороны, не говоря уж о миллионе. А теперь заткнитесь... и молитесь.

Рацетти помотал головой. В глазах у него все плыло. Он еще удивился, что у него хватает сил ровно держать прицел. А на другой стороне комнаты, между фигурами своих жертв, он видел отражение собственной спины.

Или, по крайней мере, чего-то, *похожего* на его спину! И впервые он вдруг подумал, что это не его спина. Он внезапно почувствовал, что там, за зеркалом, возможно, находятся люди, а не зеркальные отражения, люди, которые...

Внимание его обратилось к странностям этих зеркал. Теперь он заметил еще одну странную штуку – его отражение, а также отражения Брауна и Стэнтонa, располагались не та той стороне! Если бы это *действительно было* зеркало, то его отражение должно на-

Вселенной. А теперь проткнем шарик булавкой насквозь. Если мы будем перемещаться по кривой поверхности шарика, то обнаружим, что конец булавки появился с другой стороны Вселенной. Но для того, чтобы кончик булавки вернулся обратно в прежнюю точку, ему придется еще раз пересечь Вселенную изнутри. (прим. ред.)

ходиться на противоположной стороне комнаты, как показано в зеркале.

А вся комната была такая, как и виделась глазу, а не перевернутая, какой должна быть в зеркальном отражении.

И зеркала не отражали сами себя. Там, где должны были стоять зеркала, в отражениях были просто стены черной пустоты.

Мысли у него окончательно смешались. Рацетти снова помотал головой.

— Ну, ладно... — пробормотал он. — Так зеркала это или что, говори, ты, старый канюк!..

И тут, прежде чем Браун заговорил, вмешался Стэнтон.

— Вы что, так одурманены, что даже не понимаете, как легко можно это проверить? — безразличным тоном спросил он.

— Что? Ничем я не одурманен, по крайней мере, тем, что ты имеешь в виду, — огрызнулся Рацетти. — Наверное, ты хочешь, чтобы я повернулся и прикоснулся к этому зеркалу? Ладно!

Он злобно усмехнулся и попятился к зеркалу, стоящему позади, по-прежнему держа обоих на мушке. Он горел решимостью узнать, почему отражения в этих зеркалах такие неправильные.

Время было тридцать три минуты пополудни. Если бы Рацетти мог заглянуть всего лишь на одиннадцать минут в прошлое, то услышал бы объяснение, хотя вряд ли понял бы его...

IV. ДВАДЦАТЬ ДВЕ МИНУТЫ ПОПОЛУДНИ

— **ЭТОТ КОНЕЦ** пространства, — продолжал Браун, шагая по помещению ко второй установке, — вообще бесполезен кому бы то ни было. Нам нужен, как я уже говорил, противоположный конец пространства. Вот, смотрите!

Он нажал кнопку. И на другой стороне комнаты появилось кажущееся обычным зеркало. В тот же миг стена небытия тоже преобразовалась в зеркальную стену. И в каждом из этих зеркал появилось отражение, прямо противоположное, чем то, какое показало бы обычное зеркало.

Лицо Брауна вспыхнуло каким-то юношеским энтузиазмом.

— Вспомните законы природы, — захихикал он. — Вспомните законы! Два конца пространства, параллельные друг другу, встречаются в этой точке. Свет, проникающий через один конец пространства, тут же появляется в другом, причем в том же направлении. Вот смотрите, я зажигаю спичку — но видите вы сейчас вовсе не отражение. Этот тот же самый свет, прошедший по ультра-измерениям, с одного конца нашей маленькой Вселенной к другому. И *оба* этих конца находятся в этом же помещении!

— М-да!.. — промычал Стэнтон и принялся ходить взад-вперед перед одним из «зеркал».

В «отражении» он видел себя на другой стороне комнаты! Видел свои слегка обвисшие сзади штаны!

Затем он повернулся к Брауну и кивнул.

— Итак, вы были правы, — почтительно произнес он. — Вы не шутили, когда говорили, что это коренным образом изменит все виды транспорта в мире.

Браун взволнованно закивал, потирая руки.

— И изменит! — возбужденно закричал он. — Изменит...

Вряд ли он был так в этом уверен, если бы мог заглянуть хотя бы на шесть минут в будущее.

V. ТРИДЦАТЬ ТРИ МИНУТЫ В ПРОШЛЫЙ ПОЛДЕНЬ

Пятясь, Рацетти ровно держал пистолет, хотя в глазах у него все расплывалось, да и в голове стоял какой-то туман. Ему даже в голову не пришло, что расплывалось не в глазах. Глаза тут были вообще не при чем.

И он рассмеялся над Стэнтоном, решившим, что морфий отнял у него способность мыслить. Да, он убьет Стэнтона — а потом и Брауна. Но вначале он хотел удовлетворить свое любопытство.

Он пятился осторожными шагами. Главным образом, он хотел удостовериться, что расплывчатость зрения происходит из-за расплывчатости отражений. И он хотел убедиться, прежде чем совершить свое третье и четвертое — или четвертое и пятое? — убийства, что там, в зеркалах, не могло быть людей и не могло быть другой точно такой же комнаты. Разумеется, это и не могли быть другие люди, потому что он все же различал в зеркалах лица Стэнтона и Брауна.

Но, может, кто и любил рисковать, только не Рацетти. Он всегда действовал лишь наверняка.

Он взглянул на собственное отражение. И почувствовал облегчение. Отражение пятилось точно так же, как пятился он. Правда, пятилось по направлению к нему самому, но это было естественно для здешних странных отражений.

Пятясь и глядя на свое отражение, он не видел зеркала позади себя. Поэтому не знал, когда спина коснется его поверхности. Он все пятился и пятился...

И внезапно увидел кое-что, отчего его кровь застыла в жилах.

Теперь он понял, какой хитрый трюк с ним сыграли.

Потому что за тем, что он считал зеркалом, действительно была комната! И доказательством этого служил человек, выходявший из нее спиной к Рацетти.

В любой момент этот человек может обернуться, и в руке у него окажется пистолет. А что там делают люди в комнате позади него, позади другого зеркала?

Да он же окружен!

После этого Рацетти действовал холодно, очень быстро и не раздумывая. Он криво улыбнулся, нажимая спусковой крючок, и стрелял в человека, повернутого к Рацетти спиной.

И одновременно он закричал. Потому что позади него тоже была комната! И в ней тоже были люди! И они выстрелили ему в спину, пока он стрелял в человека на другой стороне комнаты.

Он падал, все еще крича и посылая, уже наугад, пулю за пулей. И с удовлетворением видел, как фигура на другой стороне комнаты, тоже падает, а из спины у нее хлещет кровь.

Затем Рацетти лежал и уже не замечал, что половина его тела, до талии, лежит на одной стороне помещения, в то время как другая половина лежит на другой стороне.

А не замечал он этого потому, что был уже мертв, покончил сам с собой, совершил самоубийство, чего бы никогда не сделал, если бы только мог заглянуть на семь минут в прошлое...

VI. ДВАДЦАТЬ СЕМЬ МИНУТ ПОПОЛУДНИ

— **ЗНАЧИТ**, — сказал Стэнтон, — твердые объекты должны вести себя точно так же, как световые волны, верно?

— Конечно же! — закричал Браун. — Разумеется! Сейчас я покажу вам, Стэнтон. Даю вам слово, что я не потеряю свою руку, как половинку карандаша.

Стэнтон неловко кашлянул.

— Ну, ладно, — сказал он. — Покажите.

И тогда Браун решительно сунул руку — свою *правую* руку — в «зеркало», и рука появилась на другой стороне комнаты из другого «зеркала». Стэнтон с дурацкой улыбочкой пересек комнату и протянул пальцы к этой руке. Браун закудахтал от удовольствия, схватил руку Стэнтона и потряс ее. Стэнтон поспешно выдернул у него свою руку. Эта демонстрация произвела на него огромное впечатление.

— Вот видите? — сказал Браун, шагнув целиком через зеркало. — Один конец пространства вы можете установить в Сан-Франциско, другой в Нью-Йорке. Зафиксируйте их параллельно друг другу. И тогда, сделав один только шаг, вы перейдете с одной стороны континента на другую. Так же, как я только что пересек в этой комнате всю Вселенную.

— Это же громадные выгоды для торговли со всем миром! — воскликнул Стэнтон. — Просто невероятно. Я должен попробовать это сам...

Он прошел через один конец пространства и тут же появился из другого, целый и невредимый. Не было ни малейшей боли. Не было вообще никаких ощущений.

Он был потрясен открывающимися возможностями и уже усаживался на стул, чтобы прийти в себя и все как следует обдумать, как вдруг...

НА ВЕРХНЕЙ ПЛОЩАДКЕ лестницы, ведущей из кухни, дружелюбно улыбаясь, стоял какой-то коротышка. И в руке у него был пистолет с коротким стволом.

— Поднимите руки, — не переставая улыбаться, вежливо попросил он и спустился в подвал.

Стэнтон медленно встал со стула и поднял руки. Затем бросил взгляд на Брауна. Браун тоже поднял руки. И весь дрожал от страха. Стэнтон тут же догадался, что Браун знает причину этого вторжения, а еще Стэнтон увидел, что этот коротышка явный наркоман.

— Я тут вообще ни при чем, — сказал он.

— Ты просто оказался не в том месте не в то время, — ответил Рачетти. — Тебе не повезло, здоровяк.

Он быстро и тщательно обыскал обоих, держа их под прицелом.

Затем сделал шаг назад, и губы его скривились в усмешке, а глаза усталились на Брауна.

— Ну, да, — буркнул он, — это так несправедливо, что ты должен умереть, верно?

Но если бы он мог заглянуть всего лишь на три минуты в будущее...

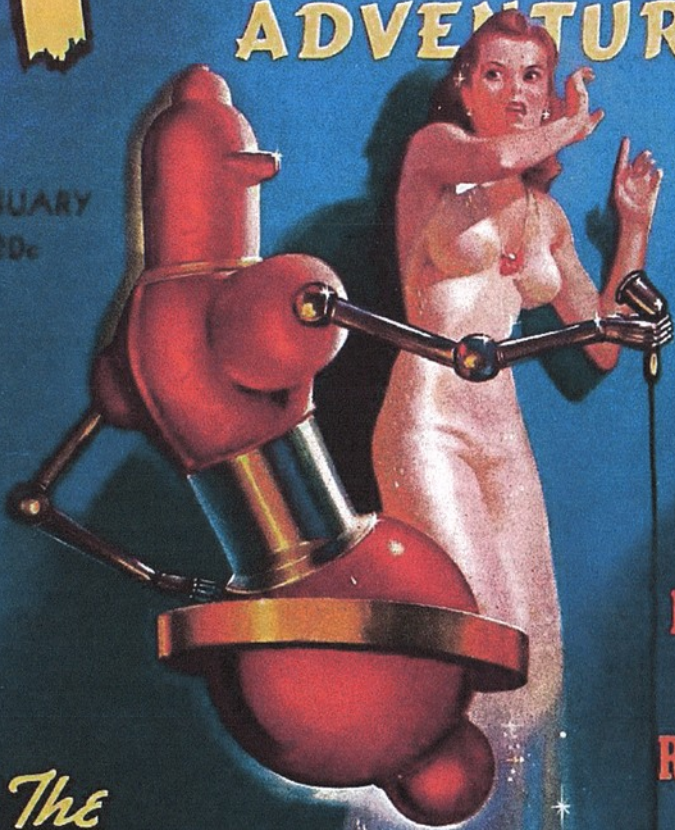
The reflection that lived, (Fantastic Adventures, 1940 № 6), пер. Андрей Бурцев

The Golden Amazon Returns By THORNTON
AYRE

fantastic

ADVENTURES

JANUARY
20c

The FLOATING ROBOT

by DAVID WRIGHT O'BRIEN

RICHARD O.
LEWIS

EDMOND
HAMILTON

ROSS
ROCKLYNN

WILLIAM P.
McGIVERN

ИСЧЕЗАЮЩИЕ СВИДЕТЕЛИ

— **ИСЧЕЗЛА!** Просто растворилась в воздухе! — пораженно воскликнул окружной прокурор Паркинс. — Государственный главный свидетель! Без нее у нас просто нет дела!

Дик Бойл смотрел на своего начальника.

— Это уже пятый пропавший свидетель подряд. И пять проигранных подряд дел...

— Да! — взревел Паркинс, вскакивая на ноги. — И клянусь Небесами, это последнее дело, которое я потеряю. Бойл, мы должны здесь обнюхать и вылизать все вдоль и поперек!

— Вылизать?

— Вот именно. Представляю себе заголовки сегодняшних газет. «Стэйт» сообщает, что окружной прокурор Паркинс обещал выставить нового свидетеля. Тайнственный свидетель знает об исчезновениях свидетелей, и на этот раз этот трюк не пройдет».

Бойл уставился на него.

— Вы что, спятили? Какой в этом смысл? Что еще за новый свидетель? Почему вы хотите выставить себя дураком...

Паркинс усмехнулся.

— Никем я себя не выставлю. Я ничего не проиграю, если мой *новый* свидетель тоже будет похищен...

— Похищен?

— Да, Бойл. И этим похищенным будете вы. Вы пойдете в эту западню...

— Стоп! Стоп! — прервал его Бойл. — Я вовсе не стремлюсь подставлять свою шею... — Затем на его губах появилась кривая усмешка. — По-моему, в этом что-то есть. Да, это единственный способ раскрыть тайну исчезающих свидетелей.

— Точно! И когда вы точно узнаете, в чем тут дело, то я получу от вас отчет и буду знать, как действовать дальше.

— Спасибо, — криво усмехнулся Бойл, — за то, что вы верите, будто после всего этого я буду еще способен писать отчеты. Но на этот раз исчезла Патрисия Велни, а Пат — та девушка, на которой я собираюсь жениться...

Паркинс пристально посмотрел на него.

— Я этого не знал.

Бойл стиснул зубы.

— Ладно, теперь знаете и можете рассчитывать на меня.

Паркинс хлопнул его по спине.

— Отлично, — воскликнул он. — За вами будет вся сила Закона!

ВСЕ ПРОИЗОШЛО с внезапной стремительностью.

Дик Бойл шел по улице на дне каньона, образованного параллельными рядами утесов-небоскребов, и мысли его были заняты Патрисией Велли и ее исчезновением. Разумеется, небрежен он

WITNESSES

BY
**ROSS
ROCKLYNNE**

был намеренно — такова была его роль. Однако он и не думал совсем утратить бдительность.

И вот началось.

— Вот он! — услышал Бойл чей-то шепот, и из переулка на него выскочило человек пять!

Бойл развернулся к ним, махая руками. И инстинктивно понял, что это и есть тот момент, которого он так

ждал. Но, Господи! Как неожиданно все произошло!

Тем не менее, он собирался драться, хотя было заранее ясно, что проиграет. И он стал драться.

— Вот тебе! — выдохнул он, и один из его целеустремленных бородатых противников отлетел назад с воплем боли. Но остальные не были обескуражены. На Бойла обрушился град ударов и пинков, затем от точного попадания в подбородок мир вокруг, казалось почернел. Но, даже теряя сознание, Бойл не утратил торжествующей усмешки!

ОЧНУЛСЯ ОН где-то, где было тихо, как в могиле. Он открыл глаза и осторожно ощупал голову.

— Кхм! — кашлянул он и тряхнул гудящей, как колокол, головой, чтобы прояснить мозги.

Затем поднялся и сел на краю такой-то грубой лежанки. Обошел взглядом комнату. Стул, умывальник, покрытый линолеумом пол, приоткрытая дверь и незанавешенное окно, за которым брезжил рассвет. И на его загорелое, юное лицо вернулась торжествующая усмешка. Окружной прокурор оказался прав! На него напали и похитили!

И теперь он должен заняться делом.

Бойл медленно поднялся, полный любопытства и намерения раскрыть загадку исчезновения Патрисии Велни.

Первым делом он подошел к открытому окну, недоуменно наморщив лоб. Если он был пленником, то его, получается, что-то плоховато охраняли! Ни решетки на окне, абсолютно ничего, что могло бы помешать ему бежать через окно или дверь.

Но это удивление оказалось ничем по сравнению с тем изумлением, которое он ощутил, выглянув в окно. Сначала, под окном, не ниже двух с половиной метров, он увидел нечто похожее на сад. Сад щедро раскинулся вокруг в буйстве цветов и заканчивался плющом, покрывшим стену вдали. А за стеной было большое шоссе. Оно было совершенно пустым, но тянулось на много километров в обе стороны. И где-то совсем уж далеко, где шоссе исчезало у горизонта, Бойлу показалось, что он мельком заметил какой-то город, город, который должен быть Виватауном. А на горизонте поднималось солнце. Бойл секунду глядел на него в изумлении.

Потом со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы. Где же он? Если он пленник, то почему тут никого нет? Было просто, как дважды два, выпрыгнуть из окна, перелезть через стену и *убежать*. Бойл рассмеялся. Разумеется, здесь кроется ловушка.

И тут он внезапно увидел какую-то фигуру. И странная же была эта фигура!

Это был явно человек, ползущий на животе, медленно, сантиметр за сантиметром, через обилие цветов. Бойл смотрел на него, вцепившись сильными руками в подоконник. Человек все ближе и ближе подползал к стене, а потом внезапно вскочил на ноги и, хва-

таясь за плечо, полез на стену, явно стремясь вырваться на свободу, и вдруг... исчез.

Исчез!

У Бойла задрожали руки, а рот раскрылся в беззвучном вскрике ужаса. Великий Боже! Этот человек – Бойл даже мельком увидел его исхудалое, аскетичное лицо с усами – хотел вырваться на свободу, но исчез, исчез без следа, словно его и не было.

Бойл заставил себя успокоиться, отошел подальше от окна, сдвинув темные, густые брови, шокированный и одновременно изумленный.

– Просто исчез! – прошептал он и неуверенно рассмеялся.

Что же произошло? У его похитителей есть какие-то интегрирующие лучи? И они убили этого человека, дематериализовав его тело? Бойл не видел никакого другого объяснения! Но это было слишком, слишком фантастично! Разумеется, должно быть какое-то иное, банальное объяснение.

Бойл резко повернулся, словно получил какое-то незримое предупреждение. За дверью послышался какой-то звук. Бойл сделал пару шагов вперед и рывком распахнул дверь. И тут же холод наполнил его живот, а кровь отхлынула от лица.

– Это вы! – прохрипел он, чувствуя, как холодный, обильный пот внезапно покрыл его кожу.

– Э-э... да! – пробормотал невысокий человек с усами, стоящий перед дверью. – Это никто иной, как я! – У него было причудливое, аскетически исхудалое лицо и французский акцент. – Я видел, как вы смотрели из окна. Это забавная игра. Каждый пытается убежать. Почти достигает своей цели, а затем – пух! – он махнул рукой. – Все. Конец бегству. Беглец снова оказывается в доме.

БОЙЛ ЗАСТАВИЛ себя немного расслабиться.

Медленно, не спуская глаз с незнакомца, достал носовой платок и вытер лоб. Затем слегка усмехнулся.

– Я наблюдал за вами целую минуту, – признался он. – А вы, выходит, заметили меня! Единственная разница в том, что я думал, будто вы призрак, но теперь-то я знаю, что вы – настоящий. Скажите мне, что вообще тут такое?

Француз недоуменно уставился на него.

– Я имею в виду, – продолжал Бойл, – есть ли здесь другие – помимо нас двоих? И где мы вообще? Где люди, которые привезли нас сюда?

Француз улыбнулся медленной, словно бы дразнящей улыбкой.

— Они вокруг нас! — воскликнул он и указал на окно. — Несколько минут назад там была ночь. Теперь полночь. *Comprenez-vous?**

Бойл взглянул в окно и почувствовал, как глаза у него вылезают из орбит. На улице был яркий день. Наверняка, полдень!

— Друг мой, все очень просто! Идемте, я познакомлю вас с остальными — очаровательная у нас компания! Только ступайте осторожней. Главное — сохранять равновесие.

Нахмурившись, Бойл последовал за быстрым маленьким чело-вечком. И оказалось, что идти, переставляя последовательно ноги, здесь было не просто. Бойл чувствовал потрясающую тенденцию упасть вперед и действительно, приходилось прилагать усилия для сохранения равновесия. Тайны множились быстрее кроликов!

Француз привел его вниз, в покрытый коврами холл, освещен-ный единственной лампой, а ведь холл этот был в несколько раз больше, чем любое помещение, виденное Бойлом прежде. Здесь повсюду стояли кресла и журнальные столики, заваленные журна-лами и газетами. Окна были открыты. И Бойл заморгал, взглянув на них. Потому что снаружи уже наступала *ночь*!

В зале находилось довольно много людей, и все повернули к нему заинтересованные лица. А некоторые даже встали. Непода-леку сидела девушка с темными волосами и задумчивыми карими глазами. Как только Бойл увидел ее, то невольно воскликнул:

— Трисия!

Ее глаза расширились.

— Дик Бойл! Ну, надо же... — закричала она.

БОЙЛ РИНУЛСЯ к ней и восторженно подхватил на руки. Она утонула в его объятиях — объятиях чистой радости, из которых долго не возвращалась. Затем внезапно выскользнула у него из рук.

— С чего это вы вдруг! — воскликнула она, и щеки ее загорели гневным румянцем. — Послушайте, вы мне не нравились прежде и не нравитесь теперь — даже если мы попали в один перепплет. Ска-жите, во всяком случае, откуда вы тут появились? Когда я видела вас в прошлый раз, вы молчали о деле Энтони, точно мумия фа-раона, а женщине-репортеру и так приходится несладко! — И она усмехнулась.

Бойл усмехнулся ей в ответ.

— Все та же старая, добрая Трисия! В конце концов, моя дорогая, я просто исполнял распоряжение окружного прокурора и старался, чтобы ничего не просочилось в прессу. Кроме того, вы, вероятно, все равно бы изуродовали полученную информацию, как Бог чере-паху! Вы не созданы для работы репортером, и прекрасно знаете

* *Comprenez-vous?* — Вы понимаете (франц.) (прим. перев.)

это. Так что лучше готовили бы в кухне еду... ну, скажем, в доме некоего Дика Бойла... Ладно, ладно, — вскинул он вверх ладони, — мы это уже проходили! — Он снова усмехнулся, на этот раз криво, и повернулся к собравшейся вокруг них группе людей. — Не нужно мне представляться, — сказал он и назвал их по именам одного за другим, наслаждаясь появлявшимся на их лицах замешательством. — На самом деле, все очень просто, — продолжал он затем. — Вы все были главными свидетелями в разных делах в суде. Ваши снимки появлялись в газетах. Вы... — Он указал на француза. — Ваше имя Монтклифф, Этьен. Монтклифф, вы химик, работаете в «Интернациональной химической корпорации». Вы проанализировали образцы крови и доказали их сходство, после чего преступник был бы осужден. Но как раз в это время вы исчезли, а убийца вышел на свободу. Так было со всеми вами... и со мной, — добавил он.

Лицо Монтклиффа посмурнело.

— Нет нужды о чем-либо умалчивать, *mon ami*, — быстро и серьезно проговорил он. — Уверяю вас, те, кто держат нас здесь, не могут услышать, о чем мы говорим. — Он пристально поглядел на Бойла. — Вы детектив, да? Окружной прокурор, желая раскрыть тайну исчезновения своих ключевых свидетелей, назвал вас главным свидетелем в каком-нибудь важном деле, например, в убийстве, *n'est-ce pas?**

Бойл быстро огляделся. Здесь было семь мужчин и пять женщин, большинство из них в возрасте чуть больше среднего. На лицах у всех был написан искреннее любопытство и явная честность. Исключение составлял лишь сицилиец с каким-то болезненным лицом, некий Тонио Пэггли, как вспомнил Бойл, который собирался дать показания против лидера мощной преступной группировки, когда исчез. Бойлу сразу не понравился угрюмый, злобный блеск его черных глаз. Но он решил не обращать на него внимания.

После слов француза он отбросил роль, которую играл до сих пор, и все рассказал.

— Как мы и надеялись, — с кривой усмешкой закончил Бойл, — меня похитили. По идее, я должен был попасть в гущу событий, обнаружить главарей похитителей, обмануть их и вернуть похищенных их семьям.

— **ХА-ХА!** — сказала Патрисия Велни с явным сарказмом. — Ну вот, теперь вы здесь. И что собираетесь делать? Поздравляю вас, мистер Бойл, с вашей проницательностью! Вы позволили похитить себя. Но для чего? А вы не подумали, что если бы отсюда можно

* *n'est-ce pas?* — не так ли? (франц.) (прим. перев.)

было сбежать, то к этому времени мы бы уже нашли какой-нибудь способ бегства?

Бойл с намеренной невежливостью проигнорировал ее и повернулся к грузному, откормленному бор... пардон, бизнесмену по имени Хаггарт.

— Знаете ли вы, — почтительно спросил он, — сколько времени пробыли здесь?

— Ну, наверняка, не больше семи-восьми дней, — быстро ответил Хаггарт, — хотя, как вы уже, несомненно, выяснили, смена дней и ночей происходит здесь так быстро, не дольше восьми-десяти минут за сутки... так что невозможно уследить за временем.

Бойл улыбнулся всей группе.

— Уже знаю, — негромко сказал он. — Все указывает на то. Вы говорите, что пробыли здесь — как подсказывают вам ваши чувства, — примерно неделю. Но исчезли вы, мистер Хаггарт, почти год назад. Я хорошо помню ваше дело. Вы были свидетелем по делу убийства Халлоуэя и заявляли, что владеете доказательствами, которые бесспорно докажут вину Джона Варни. Ну, так вот, — криво усмехнулся он, — Варни оправдан, так что теперь слишком поздно что-либо предпринимать. И я хотел бы знать, почему не освобождают тех из вас, кого больше нельзя использовать в качестве свидетелей?

Бойл всматривался в их лица и видел один лишь страх. Да он и сам чувствовал, как холодная волна гуляет вверх-вниз по его спине. Он сам не смел обдумать мысль, которая все время крутилась у него в голове.

Монтклифф откашлялся и пожал плечами.

— Этот вопрос задаем мы все, — сказал он, и по его тонкому, аскетическому лицу промелькнула какая-то тень. — Многие из нас давно уже не нужны нашим похитителям. Мы находимся здесь уже много дней *нашего* времени, что составляет, по крайней мере, месяцы времени *внешнего*. Разумеется, мы уже никому не опасны!

И тут, внезапно, все они поняли то же самое, что понял Бойл. С ними со всеми случилась какая-то странная метаморфоза. Их метаболизм был чудовищно замедлен! Практически, они существовали на значительно более медленном уровне, чем их похитители. Похитителям они должны были казаться бесконечно медленно движущимися статуями, в то время как сами похитители мелькали перед ними с быстротой молний!

В свете этого не удивительно, что бегство казалось крайне, чудовищно невозможным!

Патрисия Велли посмотрела на него с любопытством.

— А вы умный, раз поняли это так скоро, — нехотя сказала она. — Интересно, каким же образом?

Дик Бойл невинно улыбнулся.

— Хотя они и замедлили наш метаболизм, но не могли замедлить силу тяжести! — сказал он. — Это ощущается при ходьбе.

Повинуясь внезапному порыву, он взял со стула подушку и выпустил ее из пальцев. Он не видел, как подушка падала. Она просто исчезла из воздуха и уже лежала у его ног на полу.

Монтклифф криво усмехнулся.

— Это первое, что мы узнали, — признался он.

Внезапно глаза его вспыхнули странным светом, он схватил Бойла за руку и повернулся к Патрисии.

— Идемте, мисс Велни. Сыграем в нашу ежедневную игру!

Лицо его сияло от радости, как у ребенка.

Патрисия пожала плечами и двинулась к нему. Вместе, передвигаясь оживленно, но тщательно сохраняя равновесие, они прошли по залу и вышли на открытую площадку. Снова было утро, солнце с видимой скоростью мчалось по небу.

БОЙЛ ШЕЛ с ними, чувствуя себя неловко. Он знал, что произойдет. Они спустились с посыпанной гравием площадки вниз, к железным воротам.

— Просто удивительно, — говорил на ходу Монтклифф, — как быстро это происходит. *Пуфф* — и мы уже там, откуда начали.

Патрисия окинула Бойла холодным взглядом.

— Вы дурак, что позволили себе попасться в эту ловушку, — высокомерно сказала она. — Но я не думала, что вы еще и фараон.

Глаза Бойла внезапно сверкнули.

— Разумеется, вы изо всех сил стараетесь оттолкнуть меня, — огрызнулся он. — Вы все еще сердитесь, потому что я не имею привычки выслушивать болтовню каждой, кому вздумается выплакаться у меня в жилетку. И вы привыкли подолгу копить в себе недовольство.

— Я не собиралась плакаться в вашу паршивую жилетку! — вспыхнула она.

— А я не фараон! — отрезал Бойл. — И, кроме того, я попал в эту ловушку лишь потому, что рассчитывал тут найти вас. Подумайте об этом и...

Его прервали на середине фразы. Дик Бойл даже не понял, что произошло. Просто что-то мелькнуло перед глазами, прошелестело в ушах — и вот он уже снова стоит в зале! Патрисия и Монтклифф тоже были здесь, выглядя на удивление беззаботными. Никто из остальных тоже не удивился. Пара человек улыбалась, очевидно, заметив его ошеломленный вид.

— Значит, вот как это происходит! — воскликнул Бойл. — Вот почему мне показалось, что вы исчезли, Монтклифф. Один из наших похитителей просто подошел к вам, пока вы стояли, как статуя, и

утащил обратно в дом. Ему, вероятно, понадобилась на это пара минут, а вам — меньше секунды. О, Господи!

Он замолчал, постепенно приходя в себя.

Сицилиец Тонио Пэгги пожал узкими плечами.

— Вы еще ничего не знаете, — безразлично сказал он. — Мы занимаемся этим просто со скуки.

— Это плохо, — нахмурился Бойл. — Я не вижу, как мы можем сбежать при таких условиях.

— Правильно, — саркастически осклабился Пэгги. — И никто из нас не видит, как мы можем сбежать. И, насколько я понимаю, мы никогда не сбежим. А когда им надоест за нами присматривать, они просто ликвидируют нас. Я бы не удивился, получив в любой момент пулю в брюхо.

Бойл беспомощно глянул на Монтклиффа. Француз посмотрел на него в ответ, его подвижное лицо было хмурым и недоумевающим.

ВСЕ МОЛЧАЛИ. Все они были в такой ситуации, когда никто не мог ничего предложить, и все понимали, что могут находиться в ужасной близости от смерти!

Бойл поймал взгляд Патрисии Велни. Она медленно покачала головой, в глазах ее плескалась боль.

Повинуясь какому-то импульсу, она шагнула к Бойлу. Она ничего не говорила, хотя губы ее пару раз шевельнулись. Затем она опустила глаза. Даже подавленный собственными мыслями, Бойл почувствовал, что желает ее близости, и понял, что она пыталась передать ему свои извинения и, возможно, сожаления, что только что вела себя слишком грубо. Бойл улыбнулся ей. И неожиданно понял, что никогда раньше, в нормальном мире нормальных людей, не чувствовал, насколько она дорога ему. Странно, что вся сила чувств нахлынула на него именно в этот момент. А затем...

Затем она *исчезла!*..

Там, где она только что стояла, осталась лишь пустота!

Бойл почувствовал, что задыхается.

— Трисия! — прохрипел он.

Он завертелся на месте, осматриваясь. Мысли путались. Но ее не было нигде.

— Боже милостивый! — вскричал Бойл и ударил себя кулаком по лбу.

Внезапно Монтклифф схватил его руку словно стальным захватом.

— Придите в себя, — дошел до сознания Бойла его голос.

Бойл выдернул у него руку и помотал головой. Медленно повернулся, рассматривая всех присутствующим сузившимися, как щелочки, глазами.

— Мы выберемся отсюда, — зловещим голосом сказал он. — И без всяких там «возможно» и «если»! Затем я попал сюда. Это мое задание, как детектива. Мы *выберемся!*

На тонком лице Монтклиффа была написана жалость.

— Значат ли эти слова, что вы уже знаете способ? — тихо спросил он.

Бойл внезапно обмяк и со стоном отвернулся. Он с трудом подошел к окну и, схватившись за подоконник, откинул занавески, которые, под порывами ветерка, колыхались так быстро, что казались глазам Бойла пенистой марлей. Снова была ночь, по небу мчалась луна, но через несколько минут уже должно начаться утро. Звезды летали по небу быстрее светлячков. Прилагая отчаянные усилия, Бойл пытался заставить себя думать. Он пустыми глазами таращился из окна, пока взгляд его не упал на стену метрах в сорока от дома. На стене, как раз напротив окна, был установлен какой-то конусообразный объект, черным конусом-жерлом направленный точно на окно.

— Что это? — спросил Бойл.

Монтклифф невесело рассмеялся.

— Это причина нашего состояния. Я думаю, он излучает какие-то странные волны, которые замедляют наш метаболизм так, чтобы мы не могли уйти из этого ужасного дома и сада.

Бойл уставился на конус.

— Выходит, если бы мы сумели разбить его...

— Разбить его? — фыркнул Монтклифф. — Вы что, думаете, я не пробовал? Но я не могу пройти к нему даже десяток шагов. Как только я направляюсь в его сторону, меня тут же возвращают обратно в дом. Они не позволят вам даже приблизиться к нему.

— Привет всем, — раздался внезапно позади них чей-то голос.

БОЙЛ РЕЗКО повернулся. Рядом с ними стоял маленький, пухлый человечек, небритый, добродушно глядящий на них.

— Ну, вот, — ответил он на их удивленные взгляды, мигая глазками, — значит, теперь и я тоже присоединился к вам. Рад встречи. Меня зовут Харриган. Меня, видите ли, занесли в категорию дубль-х, и, таким образом, добавили к вашему стаду. Готовому идти на бойню, насколько я понимаю.

Он часто мигал, и сквозь это мигание прорывалось отчаяние, переполнявшее его глаза.

— Готовому идти на бойню, — медленно повторил Бойл, остальные собрались вокруг, и в их ушах тоже явно звучала эта зловещая фраза.

— Разумеется, — сказал Харриган, пытаясь выглядеть откровенным. — Произошло изменение политики. Важная шишка, с вашей

невольной помощью, получила немало зелени, чтобы начать операции в другом штате. Он уже думал отпустить вас, люди, но... как я уже и сказал, произошло изменение политики. Теперь вас убьют, и все из-за этой проклятой девчонки. — И когда все усталились на него, коротышка попытался подобрать другое слово: — Ну, вы знаете: перережут, убьют, перекроют кислород...

Бойл, стиснув зубы, шагнул к коротышке и схватил его за пухлые плечи.

— Говори яснее, — резко сказал что. — О чем ты вообще говоришь? Я имею в виду не убийство, а... Ты говоришь о Патрисии?

— Ну, ясен день, — буркнул Харриган. — Эта взрывная девчонка надула всех вас. Она принялась активно угождать боссу, а когда я стал возражать против убийства всех вас — поймите, я не убийца, — она добилась для меня дубль-х. Она послала меня к вам, понимаете, что она сделала?

— Ты лжешь! — крикнул Бойл и отвесил толстячку увесистую пощечину.

Харриган отлетел назад, побелев от гнева. Но тут же взял себя в руки.

— Я не лгу, хвастун, — сказал он со смертельным спокойствием. — И я прощаю вам этот удар, потому что знаю, что вы сейчас чувствуете. Но вы должны принять это: Патрисия Велни больше не ваша милашка... она сейчас милуется с боссом. Эта девица явно знает, с какой стороны намазан маслом бутерброд.

Мгновение Бойл глядел на него, затем застонал, и плечи его опустились.

Смутно он слышал ропот голосов и истеричное рыдание какой-то женщины. Затем Бойл повернулся, вскинул голову и осмотрел собравшихся.

— Ладно, — мрачно сказал он, и глаза у него стали ледяными. — Со временем я это переживу. Мы еще не проиграли и, если я хоть что-то понимаю, не проиграем. Ну, Харриган, давайте, рассказывайте! Кто стоит за всем этим?

Харригана он узнал уже достаточно, чтобы заставить его говорить. И Харриган назвал пятерых человек, управляющих объединением. И на всех них, насколько знал Бойл, были прежде заведены дела. Вдохновителем, очевидно, являлся Арно Вэчель, физик, лишенный всех званий адвокатами одного из крупнейших университетов. Именно он создал замедляющее метаболизм излучение*, а

* Метаболизм тела имеет непосредственное отношение к нашему чувству времени или к ощущению течения времени. Замедляющий метаболизм доктора Вэчеля, несомненно, использует именно это. Время всегда относительно, и возможно, его обычная скорость течения вообще не есте-

также сопутствующее ему поле. Главные излучатели размещены в подвале этого дома, а вспомогательные — конусы на стене, окружающей дом, поддерживают поле. Но если вы не подвергаетесь основному излучению, то второе не оказывает на вас никакого воздействия. Другими словами, те, кто держит пленников в этой странной неволе, могут без всяких препон разгуливать по дому и саду, живя при этом в обычном темпе времени.

— Значит, — сказал Бойл, когда Харриган закончил, — если мы сумеем уничтожить хоть один проектор на стене, то будем свободны!

Лицо Харригана вновь стало насмешливым.

— Не думайте, что это так просто. Скорее всего, это невозможно. Но могу сказать вам одно. Я сумел сохранить свое оружие.

— **ОРУЖИЕ?** — воскликнул Бойл. — Давайте его мне! Господи, да это решает все!

Харриган попятился от него.

— Нет, — сказал он, сунув руки в карманы брюк. — Здесь его увидят. Я был одним из тех, кто забирал вас, торчащих, точно статуи, когда вы думали, что пытаетесь бежать, и возвращал в дом. Вашим людям требовалось часа два обычного времени, чтобы дойти до стены. Тогда я выходил и забирал вас обратно — просто совершая небольшой моцион. Понимаете? — Лицо его стало жалобным. — Так вот, тут то же самое. Мне понадобится целых пять минут, чтобы достать пистолет из наплечной кобуры. Это будет походить на очень замедленное кино. Один из *них*, — тут по его лицу промелькнула жгучая ненависть, — наверняка увидит, что я достаю оружие, и всему придет конец.

— Верно, — раздосадовано поморщился Бойл, затем нахмурился и глубоко задумался.

Остальные беспокойно топтались вокруг.

— Все безнадежно, — упавшим голосом пробормотал Монтклифф. Но Бойл не обратил на него внимания.

— Возможно... — пробормотал он себе под нос, затем резко повернулся. — Харриган!

Харриган, озадаченный, подошел к нему.

Бойл коротко кивнул на конус на стене.

— Как хорошо ты стреляешь? — спросил он. — И если тот конус будет разрушен, то исчезнет ли поле?

ственная, а просто определяется нашей собственной физической реакцией. Таким образом, излучение метаболизма можно было бы назвать, для большей точности, излучением времени. По крайней мере, у нас нет никаких научных данных, которые могут опровергнуть это утверждение (прим. ред.)

На первый вопрос Харриган хитро усмехнулся.

— Черт, да я могу попасть комару в глаз.

После второго засомневался. Он считал, что если разрушить конус, то поле излучения исчезнет, но уверен в этом не был.

— В любом случае, — печально сказал он, — как я достану пистолет, чтобы меня не увидели *они*?

— Это еще надо продумать, — ответил Бойл, но глаза его уже сверкали.

Понизив голос, он принялся задавать Харригану вопросы. Как только поле отключится, у них останется меньше тридцати секунд, прежде чем прибежит охрана.

— Понятно, — сказал Бойл, по-прежнему говоря полупшепотом, чтобы его не слышали остальные. — Начинайте драку с Пэгги!

— Драку с Пэгги?

— Ну, да. Оскорбите его. Скажите что-нибудь такое, чтобы он набросился на вас. Ударьте его. Пусть он ударит вас в ответ. Сделайте зрелище захватывающим. О, Боже, может, они собираются убить нас прямо сейчас, но если увидят драку в замедленном темпе, то, может, им станет интересно, и они решат подождать и досмотреть все до конца. Понятно? А затем — голос его упал до еле слышного, хриплого шепота, — затем достаньте пистолет с *явным* намерением застрелить Пэгги. Понятно?

ГЛАЗА ХАРРИГАНА расширились. Мясистые губы вытянулись в беззвучном свисте. Но лицо стало бледным.

— Но это наверняка имеет мало шансов на успех, — растерянно пробормотал он.

— О каких шансах вы говорите, — рявкнул Бойл, — когда они вот-вот могут расстрелять нас.

Харриган с несчастным видом кивнул головой, повернулся и отошел от окна.

Монтклифф и остальные недоуменно глядели на него, когда он снова подошел к ним.

— Так что, вы нашли, в конце концов, способ? — спросил Монтклифф, переводя взгляд с Харригана на Бойла и обратно.

Бойл промолчал. Харриган же неожиданно взвился.

— Да пошел к черту! — заорал он. — У нас нет никакого выхода! Я тут такой же заключенный! — Взгляд его внезапно обратился к Пэгги, маленькому, худому сицилийцу, и на мясистых губах возникла насмешка. — Заключенные и стукачи — больше здесь никого нет. Даже тюремщиков мы не видим. И мне плевать, кто тут стукач, хотя я знаю это наверняка!

На лице Тонио Пэгги промелькнул целый ряд выражений, от замешательства до скептицизма, а затем до безмолвного гнева.

— На кого это ты намекаешь? — буркнул он.

Харриган не стал тратить впустую слова и время. Он подошел к Пэгги.

— Я намекаю на тебя, грязный стукач! Ты собирался наварить капусты на деле Джо Бронхофа, верно? Да я вижу тебя до самых лживых, гнилых кишок!

И он отвесил ему пощечину. На щеке Пэгги вспыхнуло красное пятно. Он шагнул назад, с недоверчивой яростью глядя на толстячка жгучими черными глазами. Внезапно сунул на миг руку в карман, и, словно по волшебству, в руке появился длинный, ужасный нож. Он вскинул руку и метнул его в обидчика.

— Смотрите! — закричала одна из женщин.

Пэгги метнул нож в полную силу, однако, он не разобрался во всех причудах медленного существования. Потребовалось не меньше минуты настоящего времени, чтобы нож отделился от его пальцев. К этому моменту вся сила замаха уже пропала, и нож просто полетел по короткой дуге на пол.

Харриган, снова усмехнувшись, взмахнул кулаком. Пэгги восстановил утраченное было равновесие и, издав невнятный вопль, бросился на Харригана. Целую минуту, — что, должно быть, составило не меньше часа во внешнем мире, — они возились, стискивая друг друга в объятиях и пытаясь наносить удары. Пэгги пришлось похуже, но упорства было ему не занимать.

Он продолжал драться, приходя во все большее неистовство, белый от гнева. И, наконец, его упорство было вознаграждено. Очередной его удар попал Харригану прямо в подбородок. Харриган отшатнулся, даже не от самой силы удара — каковой не могло быть в их замедленном мире, — но просто потеряв равновесие. Он что-то невнятно выкрикнул, и рука его юркнула под пиджак.

Наблюдая за этим, Бойл стиснул кулаки, чувствуя, как стучит в висках. Неужели у Харригана ничего не получится? Но действия его бели безупречны и естественны. С удовольствием ли наблюдали их тюремщики за дракой? И что они сделают теперь? Сейчас все зависело от Харригана.

И ХАРРИГАН безупречно сыграл свою роль.

— Получай, стукач! — прохрипел он.

И в руке у него появился большой пистолет.

Бойл не спускал с него глаз.

— Вот теперь ты получишь, крыса! — взревел он.

И пистолет — длинноствольный, большого калибра, выстрелил.

Бойл не спускал с него глаз. Не может быть, мелькнуло у него в голове, чтобы их тюремщики спокойно стояли и наблюдали, как Харриган достает пистолет, может, даже спорили между собой,

следует ли забрать его или дать Харригану застрелить Пэгли, который все равно должен умереть, как и все остальные. Так что они сделают?

Бойл получил ответ так быстро, что у него захватило дух.

Звука выстрела не было слышно. Звуки обычного мира не воспринимались ушами тех, кто существовал в замедленном времени. Но из дула пистолета вырвался дымок. Пэгли застыл у стола, поняв, что оружие выстрелило. Монтклифф издал хриплый вскрик и рванулся вперед. Остальные начали отступать от Харригана. И никто не понял, что Харриган выстрелил через окно в конус на стене.

Затем раздался торжествующий, пронзительный крик Харригана: — *Попал! Точно в серединку! А теперь все вперед!*

Бойл напрягся. Он ничего не почувствовал, но все же сразу понял, что переход произошел. Конус был разрушен!

И тут в уши Бойла ударила мешанина звуков. Низкие, нарастающие гудки поезда вдали. Шум машин на шоссе. Человеческие голоса. Жужжание насекомых. Шелест ветерка.

Вернулось реальное время! Замедляющее поле исчезло!

И, словно из пустоты, в воздухе проявились три человека.

Бойл мельком увидел пораженное выражение их небритых морд, пока они соображали, что произошло. Потом их лапы потянулись за оружием. Для них настоящим шоком явилось внезапное возвращение их пленников к норме. Но они быстро прикинули, что к чему. Вот и потянулись за пистолетами.

БОЙЛ УВИДЕЛ это одновременно с Монтклиффом и Харриганом. Словно по команде, они все трое ринулись вперед. Бойл издал хриплый вопль, похожий на рык леопарда, схватив руку одного из гангстеров. Раздался выстрел, раскатившийся эхом. Позади Бойла кто-то болезненно вскрикнул, но оборачиваться не было времени. Стиснув зубы, он ударил гангстера коленом в пах.

— Получай, гаденыш! — прошипел он, взмахивая кулаком.

Послышался отвратительный звук, и бандит упал. Бойл выхватил у него пистолет, отступил на шаг и скривил губы в дикой гримасе. Пистолет снова выстрелил, эхо снова раскатилось по залу. Монтклифф отбросил своего обмякшего противника и восхищенно улынулся.

— *Bien!**

Второй гангстер был явно мертв. Однако третий отпрыгнул назад с искаженным лицом. Его пистолет выстрелил раз, другой, прежде чем Бойл выстрелом выбил оружие у него из руки, а затем бросился вперед и одним ударом покончил с бандитом.

* *Bien!* — Прекрасно! (франц.) (прим. перев.)

Затем Бойл развернулся и наклонился над Харриганом. Харриган лежал на полу, лицо его было смертельно бледным. Мытные глаза уставились на Бойла.

– Мне... конец! – выдохнул он. – Но мы отправили их... в ад!

Голова его наклонилась на бок. Бойл закрыл ему начинающие стекленеть глаза, чувствуя на своих щеках жгучие слезы. Затем вскочил на ноги и быстро осмотрелся. Пэгги сидел, нянча раненое бедро, лицо его было болезненно-землистым. Остальные как оцепнели. Все заняло меньше минуты. Но даже этого короткого интервала было достаточно, чтобы выстрелы услышали все, кто мог еще находиться в доме.

– Монтклифф! – рявкнул Бойл. – И остальные мужчины! За мной! Женщины, оставайтесь здесь. Позаботьтесь о Пэгги, сорвите занавески и свяжите ими бандитов! Прекрасно. Вперед!

Он бросился к двери, взводя на ходу затвор пистолета. Монтклифф бежал рядом с ним. А по пятам за ними спешили остальные мужчины.

В коридоре они внезапно слышали приближающиеся шаги. И внезапно из-за поворота выскочило на них пять человек.

Бойл не стал тратить времени впустую и без долгих предисловий выпустил в них пару раз. Монтклифф последовал его примеру. Трое упали, остальные побежали обратно, вопя от страха.

– За ними! – крикнул Бойл, и в голосе его звучало ликование.

Все-таки есть упоение в бою!

Они побежали вверх по лестнице. Бойл выстрелил еще раз, один из преследуемых упал и со страшным грохотом покатился вниз. Второй вдруг обернулся и принялся стрелять. Бойл застонал и опустился на колено, когда одна из пуль попала ему в мякоть правой ноги. Но пистолет в его руке снова дернулся от выстрела, и стрелявший негодяй тоже полетел вниз. Есть!

– Вперед! – крикнул Бойл Монтклиффу. – Вверх! Я не могу бежать!

– *Oui!** – выдохнул Монтклифф.

Он уже обежал Бойла и хотел ринуться вверх по лестнице, когда наверху, где оставались два последних бандита, послышался резкий, гортанный голос с властными интонациями. Оба бандита поспешно расступились. Между ними прошел человек с седыми волосами, одетый в ниспадающую блузу. Лицо его, вне всяких сомнений, было гораздо интеллектуальнее, чем у его подручных, и, наверное, могло бы быть даже красивым, если бы не было искажено гневом.

В руках он держал автомат.

* *Oui!* – Да! (франц.) (прим. перев.)

МОНТКЛИФФ ОСТАНОВИЛСЯ, словно громом пораженный, и со свистом всосал между стиснутыми зубами воздух.

— *Mon Dieu!** — хрипло прошептал он.

Седовласый улыбнулся ужасной улыбкой.

— Глупцы! — процедил он, обнажая в улыбке крупные зубы.

Он стоял на лестничной площадке, глядя на них сверху вниз уничтожающим взглядом, очевидно, пересчитывая их по головам.

— Да ладно вам, Вэчель, — сказал Бойл спокойным голосом, хотя глаза его превратились в узкие щелочки. — Сдавайтесь. Мы знаем о вас и ваших замыслах. Бросьте оружие, и я обещаю, что вас, по крайней мере, не приговорят к смертной казни.

Арно Вэчель, которого лишили всех званий и заслуг и выгнали из самого престижного университета страны за неэтичные эксперименты на студентах, вновь улыбнулся.

А за ним появилась фигурка Патрисии Велни.

— Погоди, любимый! — воскликнула она. — Дай и мне увидеть это забавное зрелище. Я тоже хочу полюбоваться идиотами, прежде чем мы покончим с ними.

— Пат! — воскликнул Бойл, в ужасе распахнув глаза.

Даже сейчас, после слов теперь уже мертвого Харригана, он все цеплялся за мысль, что Патрисия Велни не может быть предательницей. Но теперь он все видел и слышал сам.

— Что вы творите, — с мукой в голосе продолжал он. — Ну, и дурак я был. Как только я мог влюбиться в женщину, падшую так низко, как вы? Ладно, на сей раз вы, может, и победили, но и для вас придет день расплаты, грязная...

Красивое лицо Патрисии Велни побледнело от ярости. Затем она резко рассмеялась и шагнула к человеку с автоматом. Взяв его под руку, она еще раз рассмеялась прямо в лицо Бойлу.

— Ну, а вы, маленький грязный шпик, любитель копать в чужом грязном белье, — воскликнула она, — неужели вы действительно думали, что я могу хоть раз взглянуть на вас с интересом? Я рождена для великих свершений! И я встретила, наконец, настоящего человека... — Она с нежностью взглянула на зверски искаженное лицо Вэчеля, который усмехнулся ей в ответ, — человека, который вознесет меня на вершину славы! Человек, достойного меня! Моего дорогого Арно!

Тут мир побагровел в глазах Бойла и, несмотря на мучительную боль в ноге, он бросился вверх по лестнице.

Голова Вэчеля, дернувшись, начала поворачиваться от Патрисии. Какое-то изумление промелькнуло у него на лице. А затем он по-

* *Mon Dieu!* — Мой Бог! (франц.) (прим. перев.)

чему-то упал. С резким криком он взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, а потом покатился по лестнице прямо на Бойла.

Бойл схватил его и покатился вместе с ним, успев только крикнуть:

— Монкклифф, займитесь остальными!

И начался бедлам! Послышались выстрелы. Бойл катился по лестнице, сомкнув окостеневшие пальцы на горле Вэчеля. Вэчель отчаянно цеплялся за него и яростно вопил. Бойл не разжимал тиски своих рук, пересчитывая ребрами и затылком все ступени. Потом они ударились об пол с такой силой, что мир почернел вокруг Бойла.

Но даже несмотря на уплывающее сознание, он продолжал терзать горло своего противника. Внезапно тот перестал трепыхаться под ним. Бойл лежал сверху и душил, душил, а потом боль, прокатившаяся по его голове и телу, заставила его скатиться с Вэчеля, и он уже не понимал, что происходит.

Но сознание Бойл окончательно не потерял. Он слышал топот ног где-то наверху, затем дважды выстрелил пистолет. Потом раздался голос Монкклиффа, что-то ликуяще кричавшего по-французски. Потом по лестнице пробежали чьи-то легкие шаги и послышалось сдавленное рыдание. Бойл перевернулся, слишком слабый, чтобы пытаться встать. Патрисия Велни стояла возле него на коленях, и ее прекрасное лицо было мокро от слез.

— Трисия, — запинаясь, выдавил Бойл.

— Дик, — в тон ему неуверенно сказала она.

А потом, без всякого перехода, внезапно впилась ему в губы страстным, долгим поцелуем. После чего отстранилась и глянула ему в глаза.

— Я решила, что вы мертвы, — проговорила она.

— А вы всегда так целуете покойников? — неуверенным, но крепнущим с каждым словом голосом отозвался Бойл.

Потом он заворочался и с трудом приподнялся на локте. Патрисия положила его голову к себе на колени.

— Так это вы столкнули Вэчеля с лестницы? — изумленно воскликнул он. — Да, вы столкнули его!

— Конечно, — тихо ответила она. — Я все это время ждала удобного момента. Я так боялась, что он начнет стрелять, прежде чем я буду готова.

Бойл смерил ее озадаченным взглядом.

— Так вы хотели сделать это с самого начала. Но как... зачем.... Я не понимаю... Зачем вы надули бедного Харригана?

Глаза Патрисии снова наполнились слезами.

— Я была в отчаянии, — просто сказала она. — Я не знала, как вытащить вас из этой смертельной ловушки. Значит, я должна была отправить к вам кого-то, кто знает о лучах и о том, как можно бороться с ними. Это было единственное, что я могла сделать. Я устроила так, что Вэчель подверг Харригана излучению и посадил к вам. И благодарите Бога, что он знал, что можно сделать. Я лишь надеюсь, что он не станет ненавидеть меня за то, как я подставила его.

— Не станет, — тихонько сказал Бойл. — Теперь уж точно не станет. Думаю, он, как и я, понял, что вы не так плохи, как...

Его прервал сбежавший с лестницы Монтклифф, перепрыгивающий сразу через три ступеньки.

— *Bien!* — закричал он. — Мы победили! Пять схвачено и еще трое мертвы! А вот, — добавил он, бросая красноречивый взгляд на валявшееся без сознания тело Вэчеля, — и вдохновитель всей этой гадости! Я взял на себя смелость вызвать полицию, мистер Бойл. — Тут его брови нахмурились, когда он заметил Патрисию Велни. — *Mon Dieu!* — удивленно воскликнул он.

Патрисию беспомощно уставилась на него.

— Это накатило внезапно, — пояснила она. — Не думайте, что он *правился* мне.

И она беспомощно оглянулась на Бойла.

Бойл погладил ее руку и одарил широкой улыбкой.

— Чудеса никогда не прекратятся, — сказал он. — Трисия, после того, что вы сделали для нас, я прошу вам даже убийство, скандал и поджог Белого дома.

Услышав это, Патрисию Велни так и засветилась восхищением пополам со смущением.

Бойл принял это как одобрение и тут же добавил:

— Ведь жена всегда должна быть напарницей, не так ли?

— Дик Бойл!

Глаза Патрисию засияли еще ярче, и она обвила руками его шею. Бойл поцеловал ее и через ее плечо подмигнул Монтклиффу.

The vanishing witnesses, (Fantastic Adventures, 1941 № 1), пер. Андрей Бурцев

THRILLING WONDER STORIES

15¢

OCT.

A THRILLING
PUBLICATION

FEATURING

ISLAND IN THE SKY

A Complete Amazing Novel

By MANLY WADE WELLMAN

IN THIS ISSUE

VICTOR ROUSSEAU

ROSS ROCKLYNN

FRANK BELKNAP LONG

ГОЛОС

ЭММАНУИЛ МАРКУС ВИК жил лишь ради одного и игнорировал возможность неудачи. Он представлял себя завоевателем времени.

Это было его единственным стремлением и желанием. Ради этого он пренебрегал такими вещами, как любовь, слава и радость человеческих отношений. Но он чувствовал, что когда начнет путешествовать во времени, то человечество не сможет предложить ему и десятой доли славы и уважения, которые он заслужил.

Эммануил был человеком с фантастическим воображением. Мысленно он уже жил на миллиарды лет в будущем, когда Вселенную достигнет тепловая смерть. Ему хотелось стать свидетелем этой смерти. Он хотел увидеть, как планета остывает и умирает, а все ее атомы превращаются в чистую энергию.

Он хотел побывать там, где не могло существовать уже никакой материи.

Побуждаемый этим пылким желанием, он сметал все препятствия, возникающие у него на пути. Он получил высшее образование с длинным списком ученых степеней в Массачусетском технологическом институте, этот худой, изможденный молодой человек с внешностью старика, с черными, как смоль, глазами и раздражительным характером. Он получил высокооплачиваемую синектуру, которая смогла бы финансировать его проект.

Он подошел к вопросу приобретения жены с чисто механистической, хотя и весьма эффективной тактикой. Ему нужна была женщина определенного типа. И он нашел такую, заставил себя влюбиться в нее, а затем, так как ограничивал свое время для общения с людьми, быстренько сделал ей предложение.

— Мирабель, я хочу тебя. И ты будешь моей.

Это взволновало Мирабель. Он хотел ее. Вот так они поженились.

Миновало восемь лет. Эммануил непрерывно работал. Он что-то там изобрел для ликвидации шума клапанов и получил огромный гонорар. Он построил дом в полной глуши и переехал в него со своей общительной женой. Там она и сидела в одиночестве, пока он работал над решением самой большой проблемы, которая когда-либо стояла перед Человечеством.

И мечта его начала воплощаться в жизнь. Еще одно усилие, еще один день!..

Когда он проснулся, день был ярким и солнечным. Эммануил улыбнулся, быстро оделся и спустился к завтраку. Мирабель только что заварила кофе. Глядя на мужа печальными глазами, она думала

о том, существует ли любовь между нею и сидящим напротив нее человеком, озабоченным чем угодно, кроме нее самой.

Она ковырялась в тарелке, исподтишка наблюдая за ним. Любовь? Он больше любил свои аппараты. Он ел энергично, что означало крайнее волнение. Затем вскочил со стула, подошел к ней и поцеловал без малейшего признака страстной любви.

— Можешь позвать меня в двенадцать, дорогая, — сказал он и пошел работать.

Спустившись в свою лабораторию, он остался наедине со своим оборудованием и самым большим своим творением. Жена знала, что он забыл о ней сразу же, как она исчезла из его поля зрения.

НАСТУПИЛО ДВЕНАДЦАТЬ часов. Мирабель позвала. Никто не ответил. Поскольку ей не разрешалось бывать в его личном святилище, она не стала спускаться вниз. Она звала снова и снова, но ответа не было. Тогда Мирабель испугалась. Возможно, произошел несчастный случай, и он лежит там раненый, весь в крови!

Наконец, Мирабель не выдержала и сбежала по крутой каменной лестнице, задыхаясь от волнения и тревоги. У подножия лестницы она поспешно окинула взглядом лабораторию.

Но тут было все спокойно, аккуратно расставлено, уложены в ряд коробки с какими-то химикатами. Стояли динамо-машины, преобразователи и масса другого странного, механического оборудования. Все это озарили слепящим светом несколько ламп на восемьсот ватт.

Внимание ее привлек гигантский куб у южной стены, чуть не достигающий потолка. Она присмотрелась. В кубе была почти незаметная дверь и окно, подобное иллюминатору. Его окружала какая-то волнистая, призрачная аура.

Она заставила себя пройти по лаборатории к этому кубу и прижать лицо к окну. Затем отшатнулась и воскликнула:

— Эммануил!

Он был внутри и смотрел на нее через свои очки в черепаховой оправе, сдвинув брови и сжав губы.

Мирабель снова позвала его. Ни одна мышца не дрогнула, глаз не моргнул. Она почувствовала слабость в ногах и стала все громче выкрикивать его имя, а паника охватывала ее все сильнее и сильнее. Затем она услышала какой-то звук, похожий на треск.

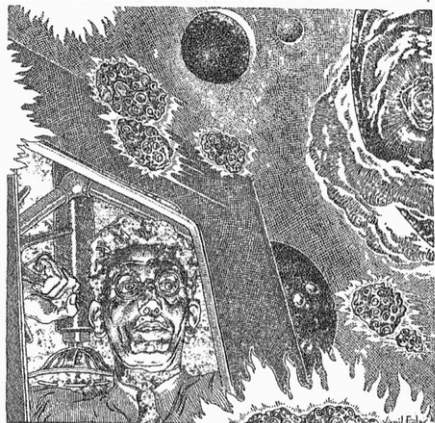
Тут она застонала и мягко опустилась на пол, потеряв сознание.

Очнувшись, долго лежала неподвижно, широко раскрыв глаза и вновь и вновь переживая ужас неизвестности.

Затем она поднялась, взбежала по лестнице и схватила телефонную трубку.

Прибыли два полицейских, прошли вниз. Затем поднялись потрясенные, с бледными лицами. Они позвонили сержанту и рас-

Physicist Emanuel Weck Makes a Date for the Death of the Universe—and Finds Himself with Decillions of Years to Kill!

Emanuel began throwing the lever that slowed down time

THE VOICE

By ROSS ROCKLYNNE

Authors of "Exiles of the Planetoid," "The Mathematical Kid," etc.

сказали о том, что видели и слышали. Сержант приехал с топором. Но топор только громко стучал по кубу, не оставляя ни малейших следов. Сержант позвонил начальнику полиции, который приехал, уехал и вернулся с окружным прокурором.

Они задали Мирабель массу вопросов, но не смогли добиться от нее никаких вразумительных ответов.

Затем окружной прокурор сказал начальнику полиции:

— Ну, и что вы думаете? Она тут болтает о путешествии во времени.

— Давайте взглянем сами, — ответил начальник полиции,

который еще сам не спускался в подвал.

Они взглянули. Потрогали куб. Осторожно постучали по нему костяшками пальцев. И почувствовали, как по спинам бежит холодок. Затем они уехали. В этот же день окружному прокурору удалось дозвониться до физика Ветштайна, — одного из самых известных ученых в мире.

ВЕТШТАЙН ОКАЗАЛСЯ тучным голландцем. Он привык дико жестикулировать своими пухлыми ручками. Лицо у него было круглым, с выпуклыми губами и носом картошкой. Стоя в лаборатории, он смотрел на Эммануила в кубе, на темные громады машин, и глубокомысленно морщил лоб.

Почти весь день в подвале стояла полная тишина. Все словно замерло. Затем внезапно опять началась серия сухих, отрывистых равномерных звуков определенной высоты, несомненно, испускаемых аппаратом, в котором, словно в камере, был заключен Эммануил Маркус Вик.

Окружной прокурор спустился в подвал. Профессор Ветштайн стоял посредине, стиснув свои ручки, и буквально лучился радостью.

— Это жже замечательно! Чудненько!

— Что замечательно? — слегка испуганно спросил его окружной прокурор.

— Все жже замечательно! Тот человек в кубе — великий человек. Увы, он решил работать в одиночку. Но он жже победил время!

Окружной прокурор недоверчиво поморщился.

— Вы можете мне не верить, — радостно воскликнул великий физик. — Но поверьте своим глазам! Он жже путешествует во времени! Он перемещается в будущее. Время идет, но он жже не стареет ни на чуть! Такое состояние можно назвать феноменом статиса времени!

— И вот что еще интересно, — заметил окружной прокурор. — Металл этого аппарата и даже стекло окна настолько прочны, что их не удалось поцарапать даже топором. Но почему?

— Это жже не металл прочный, а время. Да, это жже прочное само время!

— Время прочное, — повторил окружной прокурор. — Но почему?

— Время жже всегда прочное. Да! Ваше время жже прочное, мое время жже прочное! Вы не можете изменить его поток. Оно течет и течет все с одной скоростью. Не важно, что вы будете делать, но вы жже все равно умрете, не дожив и до ста лет. А человек там, в кубе? Он стоит там в своем собственном времени, и вы жже не можете изменить его снаружи. Ни топором, ни динамитом! Металл этого аппарата живет жже медленнее, и человек внутри тоже живет медленнее. Человек и металл, они жже вне времени. Возможно, они проживут там годы, возможно, даже тысячи лет. — Глаза великого ученого сияли так, что, казалось, из них сыпались искры. — Это жже чудесно!

Он любовно погладил пухлыми ручками куб, в котором стоял неподвижный, как статуя, Эммануил Маркус.

— Время прочное, — задумчиво пробормотал он, затем отступил и стал приглядываться к едва заметной волнистости, окутавшей машину, какому-то энергополю, покрывавшему ее и распространявшемуся не дальше, чем пыль распространяется от старых обоев. — Тут жже должно быть какое-то средство управления потоком времени, которое не допустит внутрь объект с нашего течения времени.

— А что это за звук? — спросил окружной прокурор.

— Это жже, — заявил Ветштайн, — самое удивительное! Даже вдвойне удивительное, потому что это жже результат вибрации голосовых связок герра Вика. Это жже не в полном смысле речь, но все жже его голос. Он говорит что-то, чего мы жже не узнаем еще много лет!

Окружной прокурор устало вздохнул и раздавил каблуком на цементном полу свою сигару.

— Кажется, я начинаю понимать, — с тревогой сказал он. — Вы думаете, что он что-то говорит своей жене?

— Он жже обратил последние слова именно ей. Возможно, его жже захватило внезапно, и он отправил ей прощальный привет. Это вот что я думаю.

— И сколько займет времени, чтобы получить это сообщение?

Великий физик пожал округлыми плечами.

— Этого я не знаю, но это могут быть годы. Он же не шевелится, у него же не дрогнул ни единый мускул на лице. Он же, вероятно, сказал что-то быстро. Может, дня через три он закончит первую букву первого слова. Слушайте и записывайте!

И он прикрыл свои круглые глазки. Звуки больше всего напоминали азбуку Морзе, передаваемую любителем. На лице Ветштайна появилось полное довольство. Потом он открыл глаза.

— Прозвучала одна-единственная вибрация голосовых связок Эммануила Вика, единственная вибрация, которую в обычном состоянии мы же даже не слышали бы! Нижний предел нашей слышимости двадцать колебаний в секунду, а верхний — двадцать тысяч таких колебаний в секунду. Самый низкий бас равняется девяноста колебаний. Самой высокой сопрано — триста. Я же примерно прикинул, что голос Вика составляет сто десять тысяч колебаний. В замедленном темпе мы слышим лишь шипение, потому что большую часть этих колебаний не могут уловить наши уши.

— А как же мы можем понять, что он говорит, профессор? — спросил окружной прокурор. — Не можете же вы стоять здесь неделю и слушать.

Ветштайн фыркнул в ответ.

— Мы установим здесь автоматическую звукозаписывающую машину. Она запишет голос, даже если для этого потребуются годы.

— Но это же миллионы записей! — присвистнул окружной прокурор. — Во сколько же это нам обойдется?

— Вы думаете о деньгах, когда перед нами же самый великий эксперимент всех эпох? Фу! В лаборатории нужно установить не только звукозаписывающее устройство, но и специальную видеокамеру с осциллографом, чтобы непрерывно снимать лицо Вика и с течением времени замерить сумму его микродвижений. И через несколько месяцев мы же сумеем высчитать, в каком темпе времени он живет. Но сейчас мне нужно увидеть госпожу Вик.

Потрясение на три дня вывело из строя Мирабель, поэтому окружной прокурор заметил, что, вероятно, она еще спит. Тем не менее, Ветштайн позвал слугу, который вернулся с информацией, что Мирабель уже пришла в себя и может принять ученого.

Когда Ветштайн постучал в дверь спальни, открыла медсестра. Великий ученый робко прошел к кровати и сел по знаку Мирабель.

— Я пришел, — сказал он, — выразить вам мои чувства и передать же мои поздравления. Вы жена самого блестящего ученого в мире. Он же победил само время! Но я хочу сказать вам, госпожа Вик, что это странное шипение является его попытками что-то сказать вам!

Мирабель широко раскрыла глаза и резко села в постели. Губы ее чуть приоткрылись.

— Этот звук? Вы же не имеете в виду...

Ветштайн молча кивнул.

МИРАБЕЛЬ ОПУСТИЛАСЬ на подушки, ее лицо сначала покраснело, затем тут же побледнело, потом снова пошло красными пятнами.

— Скажите же мне, что он сказал, — еле слышно прошептала она. Ветштайн удивленно взглянул на нее.

— Что он сказал? Он же ничего не сказал! У него же еще не было времени, чтобы что-то сказать. На первое слово потребуются недели, а может, и месяцы. Но когда мы запишем его, вы должны будете его услышать.

Мирабель улыбнулась. Она будет ждать этого слова с блаженным чувством, потому что помнила поцелуй, который Эммануил подарил ей перед тем, как спустился в подвал. Очевидно, он решил пуститься в это путешествие и поцеловал ее в знак того, что оставляет ее одну. Наверное, что-то пошло не так, но, несмотря ни на что, он продолжает говорить с ней через неизмеримую пропасть времени, разделившую их.

— И я еще хочу сказать, — добавил, вставая, Ветштайн. — Я не знаю, с какой скоростью передвигается во времени ваш муж, но я должен это узнать. Завтра, госпожа Вик, если вы будете чувствовать себя лучше, я хочу, чтобы вы спустились со мной в лабораторию. Я буду задавать вам вопросы, и должен же услышать на них ответы.

Мирабель улыбнулась и кивнула ему. Ветштайн пробормотал ей пожелания хорошего дня и вышел из спальни.

Он подозревал о причине столь медленного перемещения Эммануила во времени, но ему была нужна помощь Мирабель, чтобы найти доказательства.

А Мирабель ужасно разволновалась, когда узнала, что Эммануил пытается связаться с ней. И от одной этой радостной мысли она почувствовала себя лучше.

— Он даже не шевельнулся, — прошептала Мирабель, стоя в подвале и заглядывая в окошко куба. — Кажется, только моргнул, и, может, губы его чуть приоткрылись.

— Значит, он все же двинулся с тех пор, как вы видели его в последний раз? — спросил Ветштайн.

Она снова всмотрелась в Эммануила и чуть кивнула.

— Но только едва-едва, — сказала она, поворачиваясь к великому физику.

УЛЫБКА РАСЦВЕЛА на его полных, как у ангелочка, губах.

— Шипение стало тише, — удовлетворенно пояснил он. — Его тело уменьшается, аппарат тоже уменьшается, поэтому шипение становится тише, и это объясняется лишь замедлением потока времени внутри аппарата. Когда тело перемещается в любом направлении,

оно сокращается по вектору движения. Чем быстрее полет, тем короче длина и тем же медленнее поток времени. — Он с бесстрастным самодовольством окинул Эммануила. — Но он не использовал движение. Он просто улучшил его воздействие при помощи связи с иными измерениями. И с чем более дальними измерениями он заключает связь, тем медленнее он движется. Это же не просто стасис времени! Это же гораздо, гораздо удивительнее! — Его заискрившиеся глазки встретились с глазами Мирабель. — А теперь, госпожа Вик, готовьтесь к славе!

ВЕТШТАЙН ЗНАЛ, о чем говорил. Примерно через день после того, как он установил в лаборатории Эммануила Маркуса Вика дополнительное оборудование, к домику Вика, точно стая ворон, слетелись репортеры.

Мирабель мгновенно стала героиней, Эммануил героем, а статьи об их романе с жаром пожирала широкая общественность. Попавший в ловушку Эммануил наверняка последние слова, — слова успокоительные, подбадривающие, заверяющие в его любви, адресовал своей жене.

Великий физик Ветштайн, который мог объяснить все что угодно во Вселенной, не сходил с экранов, получая свою долю славы. И все просили его рассказать о звуках. Его мечта — заинтересовать наукой весь мир — превращалась в быль.

Вот стандартная схема его телеинтервью.

Вопрос: Из чего состоит звуковая волна?

Ответ: Из последовательности разрежений и сгущений воздуха.

Вопрос: Можно ли сфотографировать звуковую волну?

Ответ: Теоретически — да, но на практике еще нет. Самое близкое приближение к этому, когда Сабинский использовал треск электроискры.

Вопрос: На самом ли деле осциллограмма — фактическое изображение звуковой волны?

Ответ: Это же просто графическое отображение. У реальной звуковой волны нет никаких канавок и гребней. У нее есть лишь продольные характеристики.

Люди внезапно заинтересовались звуками вплоть до изучения акустики. Любого, кто разбирался в фонетике, слушали с уважением. Короче говоря, невероятно растянутые слова Эммануила эхом отзывались во всем мире.

Лаборатория Эммануила стала местом паломничества для толп фанатиков, инженеров-акустиков, писателей, физиков и психологов. Появилась необходимость оградиться от них. Остался лишь десяток избранных — известных под названием Недельный Штат. А Ветштайн, по договоренности с различными научными обще-

ствами, спонсирующими проект записи речи Эммануила, был их бессменным руководителем.

В лаборатории была смонтирована и включена электрическая машина звукозаписи, записывающая голос Эммануила. Там же был установлен высококачественный осциллограф, наматывающий барабан за барабаном непостижимых зубчатых линий.

Первое слово было получено спустя месяц после того, как Эммануил запустил свое устройство и начал говорить. Но для него самого прошло, наверное, не больше секунды.

Тут же слетелись репортеры. Мирабель позировала, камеры щелкали, фотовспышки сверкали. Мирабель загадочно улыбалась и, наконец, ответила на их настойчивый вопрос, что он произнес ее имя. Все были в недоумении.

— Он сказал «Мирабель»! — настаивала она.

Впрочем, вполне естественно, что именно это он и начал говорить. Интерес широкой общественности был столь силен, что ее имя появилось во всех заголовках, заняв целых шесть столбцов.

Для подтверждения этого была проведена гигантская работа. Нужно было невероятно замедлить тысячи записей, и использовать еще тысячи, чтобы получить окончательный результат.

Исходные записи вращались на очень низкой скорости, и тут же перезаписывались на диски, вращающиеся с невероятной быстротой. Специальное устройство, состоящее из крохотного отражателя, соединенного с иглой, фотографировало взлеты и провалы на ленте. Игла фонографа поднялась в стратегических точках, записывая нечто вроде части звука «Р».

«ЭММАНУИЛ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО сказал «Мирабель»!» — появилось во всех газетах, и восхищенная общественность принялась ждать следующего слова. А между тем, кроме звукозаписей, проводились и видеозаписи фигуры Эммануила.

В течение трех месяцев от исследователей не было ни звука. К тому времени черты лица Эммануила протерпели заметные изменения. Малейшее движение его мышц было сфотографировано, результаты скомпонованы и могли быть показаны на экране. Теперь его рот плотно закрылся. А выражение лица, по словам журналистов, стало предельно серьезным.

Потом он снова заговорил, и работа вокруг закипела. Что он хочет сказать?

То, что он в итоге сказал, явилось весьма разочаровывающим, хотя и вполне естественным. Эммануил просто повторил имя жены.

Прошло еще четыре месяца. Он сделал шаг от окна и тринадцать раз моргнул. Губы его четыре раза открылись и закрылись. Лицо все еще казалось возбужденным, хотя потихоньку словно тускнело. Наконец, он произнес одну фразу:

— Ты слышишь меня?

Мирабель бросилась к окну куба и зарыдала.

— Я слышу тебя, Эммануил! Я тебя слышу!

Щелкали камеры, сверкали вспышки, и газеты раздули их маленький роман до эпических размеров. Все от мальчишек до стариков взволновались еще больше, когда Эммануил сказал:

— Я хочу тебя.

Лицо его снова изменилось. Губы сжались в тонкую линию и побелели. Глаза за очками в черепаховой оправе загорелись ярким внутренним светом, который психологи приписали эмоциям, слишком сложным и мучительным, чтобы их можно было выразить словами.

Еще через четыре с половиной месяца от Эммануила дождались:

— Ты слышишь меня?

Это был повтор его уже произнесенной фразы и никак не мог послужить развитием истории.

Мирабель чувствовала себя ужасно бесполезной.

— Я же слышу его, — кричала она Ветштайну, — так почему не могу ничего ему сказать? Может, он так и будет продолжать спрашивать и спрашивать, слышу ли я. Что мне делать?

— Просто перестать волноваться, — твердо ответил великий физик. — Эммануил живет очень медленно. Но когда-нибудь он выйдет из стасиса. Однажды...

Ветштайн не закончил. Они оба понимали, что это «однажды» будет в далеком-далеком будущем.

А Эммануил снова и снова повторял одно и то же. Голос его стал раздраженным, а каждое слово тут же разносилось по всему миру. Но его слова звучали, словно заевшая пластинка:

— Мирабель... Мирабель... Ты слышишь меня? Я хочу тебя. Ты слышишь меня? Я хочу тебя.

И когда люди во всем мире уже привыкли к этому повторению, они с удивлением услышали кое-что новенькое. Повторив в очередной раз «Я хочу», Эммануил вдруг добавил: «чтобы ты пришла».

Но что он хотел этим сказать? Он хочет, чтобы она пришла к нему? Но это казалось невозможным. Мирабель совсем растерялась. И она ждала, вместе со всеми остальным миром, когда...

ЖДАТЬ ПРИШЛОСЬ год и пять месяцев. Дело было в том, что Ветштайн был не только руководителем Недельного Штата. Он занимался и другими работами, причем жил на другом конце континента. Время от времени он прилетал, чтобы контролировать ход работ. В таких случаях он был гостем Мирабель.

Мирабель как-то раз стала рассказывать ему об ее прежней жизни с Эммануилом, и о его желании собственными глазами увидеть тепловую смерть Вселенной.

Ветштайн слушал ее, и его голубые глаза сощурились. Ему пришла в голову одна мысль, которую он прежде не смел обдумывать.

И когда Эммануил, наконец, добавил слово «пришла», Ветштайн спустился в подвал и буквально забегал возле устройства, в котором был заключен несчастный ученый. Он долго смотрел, как безостановочно вращаются диски звукозаписи, как ползут полотнища осциллограмм, как вокруг высятся еще не увезенные кипы последних записей, и внезапно он осознал то, что подсознательно ожидал.

После первых дней молчания Недельного Штата опять слетелись репортеры. Ветштайн выслушал их вопросы. Лицо великого физика было при этом угрюмым, глаза жестко поблескивали.

— Почему вас всех так волнует, что он говорит? — проворчал он в ответ. — Вот же назойливый народ! Он же ничего не говорит. Он же прекратил говорить! Он же просто молчит!

Репортеры изумленно уставились на него.

— Ну, так впустите нас, чтобы мы сами убедились в этом.

— Вы не можете войти, — помотал головой великий физик. — Там же проводится тонкий эксперимент. Я не позволю вам войти, пока Эммануил снова не заговорит. Но, может, этого не будет уже никогда. До свидания!

И он захлопнул дверь.

Это было вполне правдоподобное объяснение. Эммануил молчал, а важный эксперимент нельзя было сорвать. Мирабель поверила этому. Научные общества, спонсирующие Недельный Штат, тоже поверили.

Целых шесть месяцев Ветштайна никто не тревожил. Затем снова собрались репортеры.

— Если он молчит, то почему нас нельзя впускать? Только не вешайте нам эту лапшу про эксперимент.

Ветштайн набычился.

— Можете сообщить миру, что продолжают сложные эксперименты, и что меня нельзя беспокоить и отрывать от дела.

Но еще через несколько месяцев для Ветштайна настали сложные времена. Мирабель что-то почувствовала. Что-то здесь было не так. Она ворвалась к Ветштайну и потребовала, чтобы он позволил ей спуститься в лабораторию. В конце концов, Эммануил ее муж, независимо от всяких там экспериментов.

Ветштайн вспотел.

— Вы должны доверять мне. Моя дорогая, если вы сейчас войдете в лабораторию, это плохо для вас кончится. — И он поспешно добавил: — Там же эксперимент. Его опасно прерывать. Малейшие колебания воздуха, и...

И пряча глаза, он ушел, а Мирабель, нахмурившись, смотрела ему вслед.

ЦЕЛЫЙ ГОД и три месяца Ветштайну удавалось отбиваться от всех. Но, наконец, его упрямство не выдержало настойчивости одного из его подчиненных.

— Так больше не может продолжаться! — рявкнул тот подчиненный, впившись взглядом в своего научного руководителя. — Это все ложь, ложь и еще раз ложь! Эммануил молчит, проводятся тонкие эксперименты!.. Я работаю тут с самого начала. И с меня достаточно! — Он ударил кулаком по столу. — Мне неважно, что думает мир. Плевать мне, что думает Мирабель. Но вот вы... Только взгляните на себя, вы же бледный, худой, как не кормленное порося!

Ветштайн с жалким выражением лица рухнул в кресло. Затем выпрямился, стиснув зубы так, что на скулах заиграли желваки. Затем поднялся на ноги.

— *Der Teufel!** — с напускной бравадой воскликнул он. — Я просто дурак! Я давно должен был понять! Дайте мне, пожалуйста, бумагу и карандаш!

Он сел и принялся что-то писать дрожащей рукой. Затем, стиснув в руке листок, поднялся и заковылял по лестнице в библиотеку, где Мирабель читала какую-то книгу.

Увидев его, она встала, в глазах ее таился страх. Ветштайн махнул тяжелой рукой.

— Не стоит бояться, Мирабель. — Он медленно протянул ей бумагу и вздрогнул, почувствовав прикосновение ее руки, когда она взяла этот листок. — Вот, это все сообщение, которое мы жже, наконец, расшифровали.

Мирабель разгладила листок, опустила глаза, и щеки ее порозовели от тревожного предчувствия. Она стала читать.

Ветштайн смотрел на нее, и его круглое раньше лицо совсем осунулось.

Затем Мирабель перечитала короткие строчки. Еще и еще раз. Лицо ее побледнело. Пальцы задрожали, бумага выскользнула из руки, и Ветштайн едва успел подхватить обмякшее тело женщины.

Он перенес ее в спальню, мысленно ругая себя и проклиная свою беспомощность. А листок остался лежать на полу библиотеки, листок с расшифрованным сообщением Эммануила:

«Мирабель! Мирабель! Ты слышишь меня?... Я хочу, чтобы ты... Ты слышишь меня? Я хочу, чтобы ты немедленно пришла сюда! Ты слышишь? Черт побери, я что, должен тебя звать, пока не охрипну?

Вот так мир узнал, что все эти годы тут разворачивалась не любовная история, а продолжение ссоры мужа женой после завтрака.

И вся любовь, которую Мирабель все эти годы питала к Эммануилу, мгновенно кончилась, растаяла, как ночная тень на рассвете. Неважно, что он сказал, даже неважно, каким именно тоном это

* Дьявол! (нем.) (прим. перев.)

было сказано, но самое ужасное в том, что все это было опубликовано и разнеслось по всему миру. Мирабель никогда даже отдаленно не представляла себе, что все грубое обращение с ней мужа, все раздражение, которое он постоянно выплескивал на нее, все оскорбления, которыми он ее осыпал, могут стать достоянием всего света.

Эммануил получил невероятную славу, даже не зная, что произошло, и, не сознавая, что он уже перемещается во времени. Каждое его слово было обнародовано. Каждую интонацию услышали все, и именно это потрясло Мирабель до глубины души.

ЧЕРЕЗ СЕМЬ лет и восемь месяцев монолог Эммануила, наконец, завершился. Вот что он сказал на самом деле:

«Мирабель... Мирабель! ! Ты слышишь меня?.. Я хочу, чтобы ты... Ты слышишь меня? Я хочу, чтобы ты немедленно пришла сюда! Ты слышишь? Черт побери, я что, должен тебя звать, пока не охрипну? Мигом беги сюда! Я случайно захлопнул дверь! Открой ее снаружи! Я хочу выйти отсюда. Да шевелись же ты, тупая корова! **МИРАБЕЛЬ!**»

И, в последний раз выкрикнув имя Мирабель, он со всей силы ударил плечом в дверь куба.

Еще год спустя он повернулся, тяжело дыша, но не от усилий, а от гнева. Несколько месяцев его разъяренный взгляд перемещался к сложному оборудованию, занимавшему больше половины пространства в кубе. Гнев медленно сходил с его лица, сменяясь замешательством. Глаза его сощурились.

Затем лицо Эммануила искривилось в изумлении, пока он медленно опускался на колени, глядя на ряд рычажков на вертикальной приборной панели возле двери. Постепенно стало ясно, что внимание его приковал самый маленький рычажок. Много месяцев он изумленно глядел на него. Затем еще три недели переводил пораженный взгляд на окно. А потом на его лице начало проявляться внезапное понимание.

Не вставая, он протянул дрожащие руки к четырем рычажкам побольше, оставшимся не нажатыми. Мир к тому времени уже знал, что эти рычажки управляли интенсивностью энергетического поля, окружающего машину.

Ветштайн постоянно находился в лаборатории, наблюдая за последним этапом многолетней драмы. Дом Эммануила буквально осадили репортеры.

— Все прошлые года вы хотели знать, что говорит Эммануил, а теперь вам не терпится узнать, что он хочет сделать? — Голос великого физика смягчился, волосы его поседели, но он так и не утратил интенсивность и экспрессию, звучавшие в каждом предложении. — Так я вам скажу! Десять лет назад он вошел в свою машину. Дверь

за ним автоматически закрылась, а он случайно нажал самый маленький рычажок. Он не заметил этого, он не знал, что включил окутавшее машину энергополе. Затем он попытался открыть дверь, очевидно, что-то забыв снаружи. А когда время уже начало замедляться, он подошел к окну. Он позвал Мирабель, но на это ушел целый месяц. Она не могла ответить. И он рассердился. Остальное вам известно. Он обнаружил нажатый рычажок и понял, что перемещается во времени. Тогда и только тогда он понял, что наверняка уже сделался мировой знаменитостью, но слава его не интересовала. Он лишь хотел увидеть состояние максимальной энтропии, когда энергия равномерно распределится по всей Вселенной, а это произойдет через миллиарды миллиардов лет в будущем! И теперь он понял, что должен еще больше замедлить свое время, сделать его медленнее обычного нашего в миллионы раз! – Великого физика репортеры тут же закидали вопросами, но он лишь покачал головой. – Осталось несколько дней. Ждите и наблюдайте!

Глазки его насмешливо обшаривали толпу, как будто он знал что-то, чего не знали они.

В ПРЕДСКАЗАННОЕ время Эммануил протянул руки и нажал остальные рычажки.

Лаборатория его была полна народа, но все стояли молча, с каким-то испуганным видом. Мирабель дрожала от страха. Ветштайн молча стоял возле нее. Все ждали начала великой драмы.

Человек готовился окончательно покинуть свое время и улететь в невообразимое будущее, чтобы увидеть смерть Вселенной в когтях неумолимых законов Природы.

И началось.

Едва заметное мерцание поля стало разгораться и засияло ярче в тысячи раз. Но тишину не нарушил ни единый звук. Лицо Ветштайна, озаренное розовым светом, стало кощунственно насмешливым.

Контуры куба внезапно дрогнули, и он стал уменьшаться, словно проколотая шина. Раздался скрежет, когда его металлическое основание поползло по полу, втягиваясь к центру массы машины. Верхняя часть оседала. Все четыре стороны сближались друг с другом. Причем без всяких заметных искажений.

А сияние увеличивалось пропорционально уменьшению размеров. Затем внезапно в воздухе метнулись огненные языки, облизав ставший уже совсем маленьким куб, и машина, скрежеща, обрушилась сама в себя, и этот срежет металла по цементному полу подвала стал единственным звуком в нереальном мире.

Тянулись минуты, но для Эммануила они превратились в мельчайшую часть секунды. Он летел к моменту тепловой смерти Вселенной!

Окутанный плетями белого пламени, которое, однако, оставалось холодным, куб становился все меньше и меньше, вот он уже стал тридцати сантиметров, трех, одного, миллиметр размером. А затем и совсем исчез из вида, оставив лишь крохотное туманное облачко.

Остался лишь неопределенный треск, да и тот затухал. И внезапно не стало ничего, кроме глубоких царапин на цементном полу.

Тишина в комнате приобрела какой-то уже загробный характер. Мирабель дрожала, глядя широкими глазами на эти царапины.

Затем какой-то репортер полез через толпу, и все собравшиеся внезапно словно очнулись и разразились криками ужаса и молитвами. Репортер схватил Ветштайна за руку.

— Что произошло? — воскликнул он.

И, словно по волшебству, великого физика и Мирабель окружил десяток газетчиков.

— Эммануил же хотел увидеть тепловую смерть, — хихикнул Ветштайн, — но это ему не дано. Он не понял, что замедление времени в машине будет неизбежно уменьшаться. А если бы понял, то далекого будущего ему не увидеть. Машина же будет становиться все тяжелее, а площадь ее опоры все меньше. Он не понял, что постепенно машина же станет такой тяжелой, что проломит земную кору! Она будет проваливаться до самого центра Земли. А там же такая высокая температура, что от машины не останется даже золы. Даже окружающее ее энергетическое поле не сможет устоять перед потрясающим давлением в жидком ядре Земли!

СКАЗАВ ЭТО, он повернулся и встретился с голубыми глазами Мирабель. Она стиснула руку Ветштайна в каком-то инстинктивном поиске опоры и понимания. И нашла в нем и то, и другое.

— Да, Эммануил увидит смерть от тепла, — добавил Ветштайн, — но не ту, о которой мечтал! Он был грубым, жестоким человеком, а его прекрасная жена не заслуживала такого отношения к себе. Господа, разрешите мне объявить вам, что мы с Мирабель намерены пожениться.

Мирабель не стала с ним спорить, и мир получил еще одну, последнюю сенсацию, гораздо более приятную, чем любовная интрига, которая, спустя десятилетие, оказалась обычной ссорой и руганью.

The voice, (Thrilling Wonder Stories, 1941, № 10), пер. Андрей Бурцев

SUPER SCIENCE STORIES

THE BIG BOOK OF SCIENCE FICTION

TWO OUTSTANDING NOVELETTE
**WRECKERS OF THE
STAR PATROL**
by MALCOLM JAMES

RETURN FROM ZE
by ROSS ROCKLYN

**CHAM
OF THE HILLS**
A NOVEL OF LOST WORLDS
by CHARLES R.
TANNER

BRITISH
1st
EDITION

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ЗЕРО

— **ЗНАЧИТ, ВЫ ЗАПЛАТИТЕ** мне пятьдесят тысяч долларов, — с горечью сказал Эд Карсон доктору Эммануилу Дебтри, — за то, что убьете меня.

— Ничего подобного, — натянуто усмехнулся ученый. — Я заплачу вам, чтобы вы доказали, что достойны моей опеки. Вы трус и нытик, Карсон. Вы не способны сделать даже малейшее усилие, чтобы вписаться в общество, поэтому устраиваетесь в радикальную газетенку и пишете передовицы, в которых критикуете и оскорбляете так называемых капиталистов, таких, как я. Когда же газете предъявили иск, редактор уволил вас, чтобы успокоить истца, которым как раз оказался я. И если бы не Беми, я бы с легкостью послал вас ко всем чертям...

— Если бы мне пришлось вновь написать эту передовицу, — холодно возразил ему Эд Карсон, — я написал бы в ней то же самое. Это вы трус, а не я. Вы прячетесь за свои миллионы и превращаете рабочих в рабов, хотя понятия не имеете, через что им пришлось пройти. Вы не оказываете милости проигравшим и всю жизнь только и делаете, что спасаете собственную шкуру. И если вы не испытываете никакого уважения ко мне, то можете быть чертовски уверены, что и я совершенно не уважаю вас.

Острый взгляд Дебтри пронзил своего собеседника. Руки его мяли рабочую куртку, расстегивая и застегивая ее.

— А вы считаете, что заслуживаете быть мужем Беми?

— Точно так же, как вы заслуживаете быть ее опекуном. Я не знаю, избавится ли она когда-нибудь от давления вашей грязной этики и вашего всеобщего презрения ко всему, кроме самого себя. И я думаю, что неплохая была бы идея избавиться от нее, пока она еще молода и не может взглянуть на жизнь под верным углом.

Дебтри оперся на стол в холле.

— Прекрасно! — воскликнул он. — И можете продолжать голодать в ночлежке.

— Нет, — тихо сказал Эд Карсон. — Мы будем жить на те пятьдесят тысяч долларов, которые вы дадите мне, чтобы я совершил путешествие в центр атома — если я, конечно, вернусь. Я принимаю ваши условия.

Дебтри окинул его каким-то странным взглядом, вновь натянуто усмехнулся и повернулся, не сказав больше ни слова. Они оба спустились по лестнице в подвал. На нижней площадке Карсон остановился и задумчиво посмотрел на Дебтри. Дебтри тоже был не стар, ему было не более тридцати лет.

— Вы же сами любите Беми, не так ли, Дебтри? — спросил Карсон. Глаза Дебтри чуть расширились. Он побледнел и несколько долгих секунд молчал, затем хрипло проговорил:

— Идемте, я дам вам первый урок по управлению кораблем.

СВЕТ ЗАЛИЛ лабораторию.

Помещение лаборатории было длинным. Таким оно и должно быть, чтобы вместить субатомный корабль. Над этим кораблем Дебтри работал несколько последних лет. Это был результат его мечты исследовать атом. Теоретически это было возможно, а корабль должен доказать его идеи на практике. Но все ли получится на практике? Какие неизвестные принципы могут быть упущенными? Какие опасности будут подстерегать на пути отважного путешественника? Дебтри по каким-то причинам, хотя Карсон считал, что знает, по каким именно, предложил именно Карсону получить ответы на все эти вопросы.

Карсон больше не поворачивался лицом к ученому, боясь, что тот увидит, что написано на нем. А на лице его был страх. Правда была в том, что Карсон отчаянно боялся. Корабль выглядел вполне солидным и надежным. На каждой его стороне было по три больших, прямоугольных иллюминатора. Многочисленные маленькие ракетные дюзы на носу и корме показывали, что это действительно был корабль.

Дебтри распахнул люк и оскалился в мрачной улыбке.

— Сейчас вы получите первый урок.

По лестнице простучало внезапное стаккато каблучков, и к ним спустилась Беми Рейгейт в короткой, зеленой колыхающейся юбке. Метнулся пучок темно-рыжих волос, когда она мотнула головой.

— А я искала вас! — воскликнула она и с подозрением посмотрела сначала на Эда, потом на Дебтри. — Почему открыт люк атомного корабля? — спросила она.

Дебтри медленно покраснел и твердо сжал губы.

— Это не твое дело, Беми. Возвращайся наверх. Ты уже достаточно защищала Карсона...

— Кто бы говорил! — огрызнулась она, схватила его за плечи и неистово затрясла. — Вы не посмеете! Вы хотите убить Эда!..

Дебтри молчал, в душе возмущаясь ее вечно взрывным характером, толкавшим девушку на необдуманные поступки.

— Беми, Беми, — наконец тихо сказал он, — когда ты ведешь себя так, я...

Ее глаза заполнились слезами.

— Это меня не волнует! — рявкнула она. — Когда ты любишь кого-то, то не можешь стоять в стороне и молча глядеть, как его посылают на верную смерть. — Она повернулась к Карсону. — Эд, ты

погибнешь! Ты не знаешь, что там будет. Он даже не протестировал корабль до конца и прошел на нем лишь первую половину пути. А что будет с тобой, когда ты окажешься в центре атома, среди электронов и прочих частиц?

Карсон медленно побледнел.

— Но я должен сделать это, — с трудом выдавил он.

Девушка отвернулась и, с приглушенными рыданиями помчалась вверх по лестнице.

Дебтри смотрел, как она убегает, и лицо его было серым. Затем он медленно повернулся к Карсону.

— Я начинаю первый урок, — сказал он.

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ, три недели спустя, Эд Карсон подошел к дому. Никто не ответил на звонок, но дверь оказалась не запертой. Так что он вошел внутрь и затопал по лестнице в подвал.

Беми Рейгейт сидела на табурете у лабораторного стола и смотрела на него круглыми, невинными глазами.

— Приветик, Эд, — бесцеремонно поздоровалась она, затем встала и, лениво дернув плечами, поцеловала его.

Она хотела уже отойти, когда Карсон внезапно схватил ее и с силой прижал к себе.

Задохнувшись, она отпихнула его.

— Эй! У тебя что, случились судороги? Что это на тебя нашло?

Глаза Карсона были наполнены страхом.

— Я иду... вниз. Где твой опекун?

Беми критически посмотрела на него.

— Похоже, тебе нужно выпить, — сказала она, соскользнула с табурета и налила ему в стакан на три пальца из какой-то невинной на вид бутылки.

Глаза Карсона прояснились и он залпом проглотил напиток.

Затем он неловко замер посреди лаборатории, в спортивной куртке, с шарфом и перчатками, высокий, с круглыми, бледными щеками и чувственными губами. Перед путешествием он хотел сказать ей, как любит ее и зачем так рискует. Не из-за денег. А из-за того, что он отчаянно хотел изменить свою жизнь.

Но Беми не дала ему возможности выговориться. Она подошла к нему, взяла за руки и спокойным тоном сказала, что он не должен волноваться.

Карсон видел ее круглое, молодое личико словно через вуаль. Она говорила и говорила какую-то чепуху, и внезапно он покачнулся вперед, чувствуя, как подламываются ноги. Затем он почувствовал, как его тащат через лабораторию к кораблю.

— Беми! — прохрипел Карсон. — Это же было... не виски...

Внезапно он вспомнил, что девушка умеет управлять кораблем. Он хотел кричать, протестовать, но было слишком поздно. Черные стены бессознательности сомкнулись вокруг него. Он уже не видел, как стены лаборатории начали раздвигаться, пока не исчезли из вида, как гладкий пол превратился в гигантские горы и долины, все это расходилось в стороны, и возникали все новые горы. Он не видел, как кругом образовалась лишь наполненная громом пустота, в небытие которой висел корабль, точно светлячок, а где-то далеко висели и другие светлячки в ужасной, бездонной пустоте...

КОГДА КАРСОН очнулся, то с первого взгляда понял, что находится в атомном корабле. В глаза бросились очиститель воздуха, регулятор влажности, маленькая плита, видимая через приоткрытую дверь кладовой, и безмолвный пучок труб. Он также увидел Дебтри, тоже лежащего на полу. А впереди, в кресле управления сидела, откинувшись на спинку, Беми Рейгейт и смотрела на них какими-то ошеломленными глазами.

— Ты запустила корабль? — проговорил Карсон таким голосом, словно объявлял о собственной казни.

— Да. — Она облизнула пересохшие губы и потупила глазки. — И не только. Я уже проверила машинное оборудование, чтобы узнать, можем ли мы вернуться. Так вот, оно не работает.

Карсон ничего не сказал. Он подполз и принялся трясти Дебтри, пока ученый не застонал и не поднялся на локте. Он водил по сторонам мутными глазами, пока не увидел Беми. Тогда его лицо перекосилось от страха.

С трудом поднявшись на ноги, Дебтри, шатаясь, как пьяный, двинулся к пульту управления. Затем взглянул в иллюминатор. Карсон наблюдал за ним и увидел, как побледнело его лицо.

— Ну! — рявкнул Дебтри девушке. — И зачем ты это сделала?

Она тоже встала с кресла, что бы видеть одновременно своего опекуна и Карсона.

— Потому что я не хотела, чтобы Эд обошелся без моей помощи, раз уж он решил совершить этот безумный полет! Потому что вы, хотя и создали своими руками этот корабль, но сами боялись рискнуть испытать его. Вам было проще кому-нибудь заплатить. Вот я и подумала, что будет честнее, если в полет мы отправимся все вместе... Но я же не знала, что корабль сломается!

Последние слова девушка буквально прорывала.

Дебтри сердито взглянул на нее и принялся нажимать кнопки на пульте управления. Загудел редуктор. А за иллюминаторами был застывший мир, который уже не уменьшался.

Карсон шагнул вперед и, вместе с Дебтри, склонился над пультом. Он знал корабль и теорию, на основании которой тот был соз-

дан, почти так же хорошо, как и сам ученый. Теперь вместе с Дебтри он начал искать возможную поломку, послужившую причиной отказа оборудования. Но ничего не нашел. Минуты сложились в час. Потом миновал второй час и третий, а они разбирали оборудование редуктора. Беми сначала наблюдала за ними, затем повернулась и пошла по центральному туннелю мимо кают.

Вдвоем они работали молча, чувствуя мрачную, напряженную неприязнь друг к другу. Даже не неприязнь – ненависть сверкала в их взглядах.

Затем оба одновременно выпрямились. Либо Дебтри было смертельно бледным.

– С оборудованием все в порядке, – отрывисто сказал он. – Виновата моя теория. Я где-то ошибся. Молекулы состоят из атомов. Атомы – из электронов. А электроны – это самостоятельные миры, состоящие из микро-молекул, которые состоят из микро-атомов, а те из еще меньших электронов. Тут все правильно. Но где-то я все же ошибся. Корабль может спускаться. Это мы уже доказали, очутившись тут. Но он не хочет подниматься обратно в макро-мир. Почему? Боже милостивый, *почему?*

Беми появилась в дверях рубки. Она уже переделалась в более удобную одежду и спокойно сказала:

– Я заранее принесла в корабль простыни и одеяла. А также запасную одежду и немного еды. Я сделала так на всякий случай и не думала, что все это действительно пригодится. Но, похоже, что ничего не будет нам лишним.

Карсон измученно поглядел на нее.

– Еда? – упавшим голосом спросил он. – Это хорошо. Тогда давайте поедем.

ЕЛИ ОНИ в полном молчании. Бобы, тонкие ломтики ветчины. Кофе, заваренный на электроплите. Они избегали глядеть друг на друга и были мрачными. Позади квадратного стола был квадратный, размером с окно, иллюминатор. А за ним – чужой мир, пустой, мертвый и серый. Весь этот мир был размером с электрон, и весь он был какой-то застывший, словно наполненный уже немного запачканным снегом.

– Мы можем как-то проверить, есть ли снаружи воздух? – спросила Беми, пряча глаза.

Дебтри чуть покраснел и покачал головой. Не закончив еду, Карсон извинился и вышел, закрыв за собой дверь кухоньки, служившей одновременно и кладовой. Он надел куртку, шарф и перчатки. Затем обмотал головой полотенце.

В таком виде он направился по туннелю к воздушному шлюзу. Внутренняя дверь открылась и захлопнулась, когда он вошел в

шлюз. Карсон оказался в полной темноте, где и стоял, борясь с собой, потому что ему до ужаса хотелось убежать отсюда в кажущуюся безопасность корабля. Затем загудел сервопривод, и медленно раскрылась внешняя дверь.

На лицо Карсона упало какое-то неверное свечение. Одновременно подул сильный ветер. Карсон, чувствуя непереносимое давление в легких, невольно шагнул в открывшуюся дверь, кашляя и слыша звон в ушах. Сделав лишь шаг, он осел в снег и сонулся.

Несколько минут он так и лежал, свернувшись калачиком и сотрясаясь от кашля. Затем кашель вдруг прекратился. Тогда он поднялся с мертвенно-белым лицом и сотрясающимися от судорожного дыхания плечами. И безумно рассмеялся.

Затем пьяной походкой обошел корабль. Понемногу он стал приходить в себя. Мысли перестали метаться в голове, силы возвращались в конечности. Он подошел снаружи к кухонному окну и постучал в стекло. Беми закричала от ужаса. Дебтри вскочил, с грохотом уронив стул. Карсон усмехнулся.

— Но ты же мог погибнуть! — закричала Беми, когда он вернулся в корабль.

Она вся дрожала, щеки ее были мокрыми, но глаза искрились гордостью.

Дебтри внимательно осмотрел Карсона.

— Решили принести себя в жертву? — спросил он с тонким сарказмом. — Откуда вы знали, что снаружи вообще есть воздух?

Беми бросилась было к нему, но Карсон остановил ее.

— Ничего я не знал, да и откуда? Просто надо было что-то сделать.

— У нас хватило бы воздуха на неделю. Не стоило торопиться стать мучеником, — продолжал недовольно ворчать Дебтри.

— Зато теперь у нас воздуха сколько угодно, — сердито возразил Карсон. — Но это ничего не значит, потому что у нас все равно мало еды. Я вышел наружу, потому что должен был узнать, пригоден ли этот мир для жизни. А если пригоден, то здесь может быть не просто жизнь, а даже разумные существа. И мы должны поискать их.

— Эд! — тихонько воскликнула Беми.

— А что нам еще остается? — спросил он. — Мы не знаем, что с кораблем. А если вдруг найдем развитую цивилизацию, то, может, они окажут нам помощь, и мы сможем вернуться в свой мир.

Воцарилась напряженная тишина, которую прервал натянутый голос Дебтри.

— Ладно. Идите и ищите их. Вот ваше задание. Вы получите пятьдесят тысяч, если мы вернемся.

На щеках Беми загорелись два красных пятна. Глаза девушки засверкали.

— Если вы думаете, что деньги помогут вытащить вас отсюда, Деб, то вы просто сошли с ума. Если идет Эд, то пойду и я.

— Я пойду один, — сердито возразил Карсон.

— Нет, ты не пойдешь без меня! — воскликнула девушка и уничтожающим взглядом уставилась на Дебтри.

Тот медленно побагровел, свирепо кусая губы.

— Ладно, — сказал он, наконец. — Только сначала мы все должны выпастья.

ОТОЙДЯ НА сорок шагов от корабля, Карсон обернулся и увидел в иллюминаторе залитое слезами лицо Беми. Он вяло махнул ей рукой, затем повернулся и, с трудом переставляя ноги, потащился следом за Дебтри. У них были компасы, но уже стало ясно, что у этого суб-электронного мира нет магнитных полюсов. К кораблю они могут вернуться лишь по своим следам, оставленным в глубоком снегу, но это при условии, что погода останется безветренной.

Земля была очень ровной, лишь изредка с едва заметными уклонами и подъемами. Горизонт терялся в непроницаемо-сером тумане. Солнце тут если и было, то они его не видели, однако, яркий белый свет указывал на его присутствие. Они не видели пока что ни растений, ни животных. Сердце Карсона постепенно падало, пока они шествовали по этому замерзшему миру. Оба они молчали и тихо ненавидели друг друга.

Так прошло три часа. Карсон не сводил глаз с маячившей впереди спины Дебтри и его рывками передвигающихся ног. Еще через час Дебтри внезапно упал ничком, но тут же поднялся на ноги. Несмотря на теплую одежду, они оба тряслись от холода.

— Нужно возвращаться, — выдохнул Дебтри, лицо его было мраморно-белым от холода и усталости.

— Вы что, только об этом и думаете? — огрызнулся Карсон.

— Ничего мы тут не найдем! — с нотками истерики в голосе воскликнул Дебтри. — Мы можем идти и идти дальше, и ничего не найдем. А потом умрем. Но мы можем вернуться к кораблю и умереть там, в более приятной обстановке, чем здесь.

— И Беми тоже умрет, — зачем-то сказал Карсон.

По лицу Дебтри промелькнул ряд странных изменений. Затем он развернулся и пошел дальше. Через некоторое время Карсон остановил его. Он снял с плеч рюкзак и достал из него коробки с обезвоженным яичным порошком, морковью и бобами. Дебтри волком глядел на его действия. Карсон сунул ему плитку шоколада.

Местность теперь стала более холмистой. Карсон махнул рукой вперед и произнес негнушимися губами:

— За теми холмами может быть то, что мы ищем.

Дебтри смерил его ненавидящим взглядом.

— Вам ведь просто нравится подгонять меня, — насмешливо произнес он.

Карсон стиснул губы, взвалил на плечи рюкзак и двинулся вперед. Он слышал, как позади хрустит под ногами Дебтри снежная корка.

ОНИ ВОЗБРАЛИСЬ на холм, за которым не оказалось ничего, кроме еще более высокого, но через полчаса, когда они преодолели и его, прогнозы Карсона начали вдруг сбываться. Он резво остановился, со свистом втягивая воздух сквозь стиснутые зубы. На пологом склоне по другую сторону этого холма им открылась странная драма. Быть может, даже трагедия.

Подошел, пытая, Дебтри и проследовал взглядом, куда указывал Карсон.

— Человек! — невольно вскричал ученый, но Карсон жестом остановил его.

— За ним гонятся.

Человек, если это был человек, бежал во всю мочь, но в такой манере, какой еще не видели два пришельца из макро-вселенной. А по следу его, постепенно догоняя, неслась стая существ, растянувшихся в длинную линию за вожак. Больше всего они походили на насекомых, округлые черные тела которых были отчетливо видны на снегу. Из голов у них тянулось нечто вроде паутины или массы тонких щупалец, чуть ли вдвое длиннее, чем тела. Вожак вел своими щупальцами по следу, касаясь снега. И хотя существо, за которым они гнались, делало резкие зигзаги, они неустанно следовали за ним, полагаясь, очевидно, лишь на осязание вожака. Все было понятно.

Дебтри начал было поворачиваться, но Карсон схватил его за руку.

— Мы должны его спасти, — мрачно сказал он.

— Спасти его? — недоверчиво переспросил Дебтри. — Не валяйте дурака. Да нас просто нашинкуют, как начинку для пирога, и остатки бросят на снегу.

Карсон, прищурившись, поглядел на него.

— Попробуйте для разнообразия хоть раз подумать о слабых, Дебтри, — резко сказал он. — Может, я тоже недостаточно много помнил и боролся за них, но, по крайней мере, меня нельзя обвинить в присущем вами вечном эгоизме — и трусости.

— Да вы просто спятили! — задохнулся Дебтри.

Карсон резко взмахнул рукой и вlepил ему увесистую пощечину.

— Делать, что я говорю! — рявкнул он. — Если не хотите помогать ему, то хотя бы вспомните, что он взамен может оказать помощь нам самим.

На щеке Дебтри вспыхнул багровый отпечаток пятерни Карсона.

— Что вы хотите, чтобы я сделал? — упавшим голосом спросил он.

— По крайней мере, создадим им дилемму треугольника, — и Карсон быстро выложил Дебтри свой импровизированный план.

Когда он закончил, преследуемый был уже в сотне шагов от них и скоро мог скрыться за очередным холмом. Карсон рванулся вперед и уже на бегу с удовлетворением услышал, что Дебтри бежит позади.

Карсон и сам не верил в свой план, но ничего другого придумать не мог. Когда он стал догонять хвост линии преследователей, то направился влево под острым углом к линии, по которой бежал незнакомец. Дебтри же стал уклоняться вправо. Человек ясно заметил их, но останавливаться не стал.

Кошмарные твари и вида не подали, что заметили новых персонажей. Они были уже шагах в двадцати впереди, но Карсон, прибавив скорость, стал их обгонять, отклоняясь все дальше влево.

Наконец, он повернул голову и, крикнув изо всех сил, остановился.

Дебтри тоже остановился и завопил:

— Готово!

И тут вся линия тварей замерла. Их вожак стоял на вершине угла равнобедренного треугольника, от которой отходили в разные стороны три пары следов. Его щупальца, которыми он нащупывал следы преследуемого, тоже разделились на три пучка. Ведомые же твари замерли в линии, как и бежали, и терпеливо ждали, когда их вожак двинется дальше.

— Дилемма треугольника, — восхищенно пробормотал Дебтри и усмехнулся.

А Карсон тем временем подошел к преследуемому, который тоже остановился и удивленно уставился на них. А удивляться было чему. Теперь стало ясно, что человек не совсем походил на людей. Ноги у него были короче, кожа плотная, без пор, а на почти что квадратной голове были видны в первую очередь маленькие бегающие глазки. Нос был неясно выраженным, почти слившимся с лицом, а под ним едва виднелся треугольный рот. Весь его облик показывал, что это чужак, хотя страхолюдиной он не был, сохраняя общие очертания человека.

Карсон и Дебтри подошли к нему и остановились. Существо скривило губы — очевидно, это была улыбка. Оно заговорило с мягкой вопросительной интонацией. Карсон в ответ усмехнулся, протянул руки и пожал плечами. Существо посмурнело. Затем кивнуло головой, словно придя к какому-то решению. Улыбнулось, шагнуло вперед и положило пальцы на виски Карсона. Карсон удивленно уставился на него. Глаза существа внезапно выросли и стали большими, как бейсбольные мячи, и эти мячи, сверкая всеми цветами и

вращаясь, полетели прямо в него. Карсон почувствовал, как разум его содрогнулся. Словно чьи-то дрожащие пальцы пробежали по его нервам до самого мозга. А потом он вдруг осознал, что стоит на четвереньках и мотает головой. Дебтри был рядом в той же позе.

— Что случилось? — выдохнул Дебтри.

Существо стояло перед ними, положив руки на бедра, и глаза его искрились весельем.

— Это было необходимо, друзья мои, — неожиданно произнесло оно. — Мы не могли связаться иначе, чем таким нецивилизованным способом.

— Так, значит, — ошеломленно сказал Карсон, — вы говорите по-английски?

Тут он бросил быстрый взгляд на насекомоподобных существ, целый ряд которых стоял в бездействии, пока их вожак не мог выбрать один из трех одинаковых следов.

— Разумеется, я говорю по-английски, — тихо сказала существо. — Почему бы нет? Вы же загипнотизировали меня.

— Мы загипнотизировали *вас*? — ошеломленно воскликнул Дебтри.

Глаза существа стали серьезными.

— Конечно. И во время гипносеанса вы передали мне знание практической речи, вашу историю и ваши отношения между собой, положение, в котором вы очутились — в общем, все. Разумеется, — добавило существо, словно боясь, что они могут не понять, — это я внушил вашим сознаниям желание меня загипнотизировать. И получился вполне естественный сеанс ретроспективного гипноза. Все очень просто, если подумать, — наивно добавило оно, — хотя в вашей цивилизации не существует ничего подобного.

Карсон восхищенно уставился на него.

— Что же, — неопределенно сказал он, — мне кажется, нам лучше поторопиться уйти, а не торчать здесь.

— Вы хотите сказать, что мы должны попытаться сбежать от *стар-берегов*? Ну-у... предположим, что так. Мы сделаем еще несколько развилок следов, но, в конечном итоге, они догонят нас, когда мы исчерпаем свои силы — И он вполне серьезно сделал вполне понятный жест, проведя пальцем себе по горлу.

Дебтри выглядел совсем плохо. Они уже полчаса шли за странным существом и, время от времени, расходились в стороны, создавая развилки, на которых их преследователи останавливались и подолгу раздумывали, прежде чем принять решение.

Наконец, они остановились, с трудом дыша. Из ртов вырывались облачка морозного пара.

– Ладно, – решительно сказал Карсон существу. – Но почему вместо того, чтобы зря тратить силы, мы не можем вернуться туда, где вы живете? В ваш город?

– Потому что у меня нет города, – печально ответило существо.

Оно сидело на корточках и чертило на снегу какие-то линии. Казалось, его совсем не волновало приближение гибели.

– У меня нет народа. Я – изгой. Зачем мне возвращаться, если там я встречу такую же верную смерть, как и в щупальцах *старберов*? Или я должен сказать, в клешнях *старберов*? У них такие ужасные клешни! – Оно вздохнуло. – Ну, ладно. Мы можем только бежать, пока *старберы* не настигнут нас, а это ведь будет неприятно, как вы думаете? – Какое-то время оно помолчало, словно собираясь с мыслями, затем продолжало: – Я имел несчастье родиться принцем, друзья мои. Вчера – хотя у нас не существует дней и ночей, поскольку наша цивилизация обитает во внутренней части планеты, мне все равно кажется, что это было вчера... – Он нахмурился, странно сморщив губы, словно что-то подсчитывал. – Да, это было вчера. Противостоящая фракция свергла правящий королевский дом, убила мою мать и отца. Убила всех членов моей семьи. Между прочим, меня зовут Сток, а первое мое имя – Ди. А остальное вы знаете сами.

– Конечно, – кивнул Дебтри, завороченно глядя на него.

– Значит, вот так обстоят дела. Весь мир теперь в руках врага. Я сбежал на поверхность через выход номер десять. Мне казалось, что легче будет умереть в клешнях *старберов*. Хотя, конечно, первыми до меня могут добраться птицы *хенши*. Или я могу просто замерзнуть и умереть. Это была бы самая легкая смерть. Глаза Карсона сверкнули, и он очень тихо спросил:

– Если вы не можете вернуться сами, то почему бы вам не показать нам этот вход номер десять, чтобы мы прошли внутрь планеты и получили там помощь, в которой нуждаемся?

– Они вас убьют. Они убивают всех существ с внешней поверхности. Но, с другой стороны, никакой помощи вы не получите. Если бы кто-то в нашей цивилизации знал о таких вещах, как атомы, макро-вселенная и все прочее, то я бы об этом слышал. Я все-таки происхожу из длинного королевского рода, и, хотя большинство из нашего народа являются дилетантами в науках, я всегда интересовался новыми идеями. Все знания и опыт были переданы мне от бесчисленных поколений предков. Образование ведь у нас происходит очень просто. Гипноз, как вам уже известно.

– Тогда почему вы не можете сами помочь нам? – напряженно спросил Карсон.

– Я? – удивленно спросил Сток. – Да просто потому, что все унаследованные знания находятся в глубинах моего подсознания... – он

провел на снегу еще одну прерывистую линию и внезапно вскочил на ноги. — Стойте! Возможно, я все же *могу* помочь вам! — воскликнул он. — Есть у меня одна мысль! Наследственная память ... кажется, так это называется. Вставайте! Мы должны вернуться к вашему кораблю! — Он было пошел, но тут же остановился и повернулся к ним, а в глазах у него вновь появилась безнадежность и пустота. — Хотя разве это поможет вам *обоим*? — протянул он. — Если вы вернетесь в свой мир, Дебтри, то с вами вернется и Карсон, и у вас не будет прекрасной Беми. А если Дебтри вернется вместе с вами, Карсон, то он запретит вам взять в жены Беми. Значит, возвращение не имеет смысла. Вероятно, вы должны сражаться друг с другом на поединке, — предложил он, — и пусть победит сильнейший.

Лицо Дебтри, белое, как мрамор, начало медленно краснеть.

— Замолчите! — рявкнул он, но Карсон тут же прервал его.

— Ведите нас, Сток.

На Дебтри он не глядел. Сток с сомнением пожал плечами и тронулся в путь.

КОГДА ПРОШЛО еще полчаса, со свистом мимо пронеслись *старберы*, однолинейный разум которых позволял идти лишь по одному следу. Карсон смотрел, как они остановились у очередного разветвления следов, но лишь на минуту. На этот раз лидер гораздо быстрее сделал выбор и побежал по центральной дорожке следов. Выходит, они могли учиться.

Но они уже нашли собственные следы, ведущие от корабля, и Сток быстро побежал по ним. Дебтри шатался и едва держался на ногах. Карсон и сам чувствовал, что идет из последних сил.

Еще через час они остановились на привал. Карсон достал обезвоженные запасы продуктов из НЗ и, задыхаясь, спросил у Стока:

— Вы сказали, что обнаружили что-то, что нас спасет?

— Я пока что точно не знаю, но это неважно. Мысли, рано или поздно, сами выйдут из подсознания. А пока что мы должны, так или иначе, вернуться к вашему кораблю. — И он в отчаянии заколотил себя по голове. — Проклятая память предков! Поскорее бы выплыли из нее нужные воспоминания!

Хуже стало, когда они пошли дальше. Небо вдруг потемнело. Порывистый ветер взметнул с земли снег и, как воющий демон, набросился на людей, кусая их за уши нестерпимым холодом.

— *Старберы* догонят нас, — с философским спокойствием сказал Сток.

— Да, если мы ничего не предпримем, — пробормотал в ответ Карсон.

Но он подозревал, что Сток прав. С неба сыпал снег, колючие, острые, как осколки кремня, снежинки. Обзор ограничился двад-

цатью шагами. Становилось все труднее и труднее идти по следам. Карсон даже рухнул один раз на колени, чтобы найти их наощупь, и понял, что все безнадежно. Стоя на четвереньках, он безуспешно пытался вдохнуть измученными легкими полную грудь жгучего морозного воздуха. Следов он так и не нашел. Затем он поднялся и подошел к Стоку, к которому как раз приблизился едва тащившийся Дебтри. По лицу Карсона они поняли, что заблудились.

— Что ж, — с сожалением сказал Сток, — мы все же не замерзнем до смерти. *Старберы* найдут нас раньше. Снегопад им не помеха. Они продолжают чувствовать наши следы. А покончив с нами, они отправятся к кораблю. Это будет концом возлюбленной Карсона.

Дебтри сидя на снегу, скорчившись и пытаясь спрятаться от пронизывающего ветра, резко взглянул на Стока.

— Она не его возлюбленная, — прошептал он.

— Но она любит его, — возразил Сток.

— Она еще просто ребенок! — взревел Дебтри. — Она сама не знает, чего хочет! Карсона она получит только через мой труп! — Но он тут же со стоном обхватил руками голову. — Да какая теперь разница? — прошептал он.

Сток вздохнул и принялся вертеть головой, словно ища *старберов*.

— Эд!

Карсон, стоя в наступившей на миг тишине, яростно повернулся.

— Я слышал свое имя! — воскликнул он.

Он сделал несколько шагов наугад, но тут ветер завыл с новой силой, заглушая все прочие звуки.

Однако Карсона охватило ужасное волнение.

— Беми! — изо всех сил закричал он. — Беми!

Не прошло и минуты, как девушка возникла из снежной заверти и бросилась в объятия Карсона. Карсон было обнял ее, но тут же отстранил.

— Что ты тут делаешь? Ты не имела права выходить из корабля! — заорал он, сходя с ума от мысли, что теперь она должна погибнуть вместе с ними.

Она схватила рукавицами его руку. И Карсон увидел привязанный к ее поясу тонкий медный провод.

— Другой конец я привязала к кораблю! — воскликнула девушка.

— Я знала, что если вы возвращаетесь в такую погоду, то можете заблудиться. Но разве ты не рад видеть меня?

Карсон пылко обнял ее и закричал в снежную метель:

— Опоздали, *старберы*! В этот раз у вас ничего не выйдет!

КОГДА ВСЕ вернулись на корабль, Беми поспешно разогрела обед и сварила кофе. Сток с удивлением попробовал кофе, и на

лице его появилось удивление. Карсон, чувствуя себя так, словно родился заново, внимательно наблюдал за Стоком.

Так же, как Дебтри и Деми. Девушке уже рассказали, что случилось во время их путешествия.

Сток заметил их взгляды и мучительно покраснел. Затем ударил себя ладонью по лбу.

— Ох, уж эта наследственная память! — простонал он. — Воспоминания ускользают от меня, увиливают, и я смущен, Карсон. Я сбит с толку. Как именно вы попали сюда. Каким способом спустились «вниз», то есть уменьшились?

Карсон медленно повторил ему теоретические выкладки. Внезапно Сток с облегчением вздохнул.

— Тогда все правильно. Я так и думал. Теперь мне стало все понятно. Чтобы вернуться в вашу макро-вселенную, мы должны идти еще дальше «вниз».

Беми недоумевающе поглядела на него.

— Но ведь, чтобы попасть в нашу Вселенную, мы должны увеличиваться.

— Тем не менее, нам нужно «спускаться» дальше. Это говорю вам я, Сток. Точнее, моя наследственная память. Надеюсь, мой предок был прав, — с сомнением добавил он, но тут же сказал: — Вы должны доверять моей наследственной памяти. Все знания находятся в моей голове!

В любом случае, им не оставалось ничего иного. По какой-то неизвестной причине, редуктор, являвшийся сердцем корабля, не хотел переключаться на обратный ход. Им оставалось лишь одно — идти дальше вниз. Карсон мрачно включил оборудование. Вокруг корабля снова стали расти горы, которые сменялись другими горами, а те разлетелись в стороны и оставили корабль в ужасающей пустоте, испещренной пятнышками света.

Затем вокруг них начал расти и расширяться новый мир. Вселенная находилась во Вселенной, и так до бесконечности!

— Но это когда-нибудь прекратится? — тонким и напряженным, на грани истерики, голосом спросила Беми.

Сток снова отчаянно ударил себя по лбу.

— Вон она! — закричал он. — Та самая точка! Какую самую маленькую частицу вы знаете? Как вообще может существовать самая мельчайшая частица? Из чего она состоит? Потому что, если есть окончательная мельчайшая частица, то она не может уже состоять из других частиц! Ох, уж этот ужасный вопрос! И где-то в моей памяти кроется ответ на него!

— Похоже на конец пространства, — пробормотал Дебтри. — Но его невозможно увидеть.

— Конец пространства! Где-то в моей памяти кроется что-то, связанное с этим...

Сток закрыл глаза и стал интенсивно думать, а корабль тем временем все уменьшался...

И внезапно произошло нечто непонятное.

Снаружи появилось то, что выглядело как обычное космическое пространство. Небо вновь усыпали бесчисленные звезды. Еще мгновение назад корабль уменьшался, но теперь он стал увеличиваться!

Загремел об пол отброшенный Карсоном стул.

— Включился обратный ход! — воскликнул он.

Дебтри бросил взгляд на иллюминатор, и челюсть его отвисла в изумлении.

— Этого не может... — Голос его прервался, точно обрубленный гильотиной.

— Нужно спускаться, чтобы подняться... — прошептала Беми.

Сток с сияющими глазами стоял позади них.

— Да! — закричал он. — Да! Корабль прошел вниз до конца, а затем стал подниматься. Все правильно! Так и есть! Хвала моему предку — он оказался прав!

— Но это же противоречит всем законам... — отчаянно начал Карсон.

— Каким законам? — закричал Сток. — Законы большой Вселенной в ней и остались. Здесь действуют совершенно иные законы. Сама Вселенная представляет собой гигантское противоречие, потому что должна объяснить саму себя. А объясняющие и составляют Вселенную. Круг замкнулся! У всего есть начало и конец, и они соединяются друг с другом. Такова структура Вселенной! Можно лететь по прямой и все равно прилететь в место старта. Так сказал ваш Эйнштейн. А мой предок говорит, что если вы уменьшаетесь, то в конечном итоге, вернетесь к первоначальным размерам. Как же еще можно объяснить конец Пространства? У него нет конца. Оно замкнуто само на себя. И мы получили этому доказательство. Вселенная вновь увеличивается. Уменьшаясь, корабль несет нас в сторону увеличения! Замкнутый круг! Понятно?

Его лицо вытянулось, когда он увидел пустые, недоумевающие глаза людей.

— Мне самому этот непонятно, — с сожалением пробормотал Сток. — Это не мои мысли. Но это истина, Карсон! Нужно продолжать уменьшаться. В конечном итоге, мы вернемся к первоначальному состоянию! — Затем тень какого-то предчувствия промелькнула в его маленьких, подвижных глазках. — И мой предок говорит мне что-то еще...

ЧТО ИМЕННО, они узнали лишь несколько часов спустя. Вселенная сжималась, хороводы звезд мелькали вокруг. Без всякого сомнения, корабль увеличивался вместе с людьми, в этом и крылся парадокс, потому что оборудование по-прежнему работало на уменьшение.

И внезапно, хотя редуктор по-прежнему гудел, корабль остановился. Звезды в иллюминаторах замерли, не уменьшаясь и не увеличиваясь.

Карсон побледнел, посмотрел на Дебтри и Беми, затем медленно заговорил.

— Беми, найди Стока. Последние шесть часов он провел на кухне с бумагой и карандашом. Наверное, он уже получил на все ответ.

И Сток действительно получил ответ.

Он уставился на Карсона и Дебтри загадочным взглядом. В руках у него были листки бумаги, заполненные длинными столбцами каких-то иероглифов, вероятно, чисел и уравнений на его родном языке.

— Я надеялся, что этого не случится, — печально сказал он. — Но это все же произошло. И теперь мы столкнулись с последствиями. Мы находимся совсем рядом с вашей макро-вселенной, но ваше оборудование не может преодолеть непреклонный космический закон. Закон Сохранения Массы. Этот закон вывел мой предок, который передавался через бесчисленные поколения, пока, наконец, не попал ко мне.

Дебтри облизнул внезапно пересохшие губы.

— Вы хотите сказать, что добавляется лишняя масса к нашей Вселенной?

— Совершенно верно.

Дыхание Дебтри стало прерывистым.

— И это дополнительная масса — вы сами, Сток!

Карсон сердито взмахнул рукой, но Сток остановил его и спокойно ответил Дебтри. — Я — частично дополнительная масса. Но есть еще кое-что. Вышло неудачно, что, когда прекрасная дама, — он мягко улыбнулся Беми, — остановила корабль в моем мире, она не позаботилась, чтобы молекулы моего мира и молекулы корабля стали точно соответствовать по размерам. А сделать это было необходимо. Поэтому, когда был отключен редуктор, молекулы корабля тут же принялись реорганизовываться. Они поглощали энергию моего мира, чтобы стабилизироваться. Позже, когда вновь включился редуктор, эта энергия была превращена в массу. Понимаете. Таким образом, в вас самих слишком много массы.

Глаза Дебтри тут же вдохновенно сверкнули.

— Ничего страшного. Мы просто выбросим из воздушного шлюза лишние вещи...

— Нет, — прервал его Сток, жалостливо улыбаясь ему. — Вы забываете, что мы висим в том, что, практически, является космическим пространством. Вокруг корабля вакуум. А у вас, как я уже убедился, нет скафандров. Кто же может выбросить вещи из шлюза и сам при этом не погибнуть от отсутствия воздуха? — В кипящей тишине речь его прогремела, как барабанный бой. — Я вынужден вас просить, сколько вы весите, Дебтри?

Глаза Дебтри расширились.

— Мы можем для этого использовать ракеты, — хрипло ответил он. — Можем найти пригодный для жилья мир и...

— Нет, — покачал головой Сток. — Вы забываете, что для этого нам нужно спуститься вниз. А мы и так уже направляемся *вниз*, поднимаясь при этом *наверх*. Мы можем двигаться только в одном направлении. И мы будем торчать здесь, пока не избавимся от лишней массы.

— Восемьдесят килограммов, — нехотя сказал Дебтри.

— Карсон?

— Шестьдесят пять.

— Я вешаю 1703 *инала*, — сказал Сток. — В переводе на ваше исчисление это составляет около шестидесяти пяти килограммов.

Внезапно из глаз Беми брызнули слезы.

— Я тоже торчу на этом корабле! — закричала она. — Не смейте меня пропускать! Я вешаю сорок пять...

— Ваш вес не поможет, прекрасная дама, — сказал ей Сток. — Точная дополнительная масса составляет семьдесят восемь килограммов. Разумеется, небольшое уменьшение массы вообще не имеет значения, иначе было бы невозможно двигаться вниз. Важно лишь ее *увеличение*.

Сток при этом внимательно наблюдал за Дебтри и Карсоном. Они же избегали смотреть друг на друга.

Сток рассмеялся, шелестя бумагой. Но глаза его были печальны.

— Смерть не такая уж страшная, когда есть ради чего умирать. Вы согласны со мной, Дебтри?

У Дебтри был измученный вид.

— Да, — прошептал он и затем добавил более громко. — Да, когда есть ради чего умирать. Или ради кого.

— Вот и прекрасно, — почти весело сказал Сток. — Карсон, Беми и Дебтри... Мне кажется, всем нам нужно как следует выспаться. Потом, когда наши головы станут ясными, мы сможем выбрать того, кто пожертвует собой ради остальных.

И голос его был такой властный и чистый, что все без раздумий повиновались ему.

На корабле было шесть кают, которые Дебтри спроектировал на всякий случай, что полеты в мир малых величин станут регуляр-

ными. Закрывая дверь своей каюты, Карсон подумал вдруг о том, зачем они взяли с собой на корабль Дебтри. Чтобы он помог им узнать, почему перестала работать установка. И еще чтобы предупредить о возможных ловушках на обратном пути. О ловушках! И вот они столкнулись с самой изощренной ловушкой.

Теперь нужно было придумать, как все же избавиться от лишней массы.

Но Карсон, лежа в постели и напряженно размышляя, уже понимал, что больше никогда не отважится совершить подобный полет. Значит, нужно решить все сейчас. А он даже не сможет сказать Беми «прощай». Потому что она, без сомнения, будет пытаться его остановить...

ПРОЛЕЖАВ ТАК час, Карсон бесшумно поднялся, оделся и, не обуваясь, открыл дверь каюты. Он остановился на пороге, глядя на ярко освещенный центральный туннель корабля, в конце которого был воздушный шлюз. Несколько секунд он колебался, крепко зажмурившись и собирая всю свою храбрость. Самой страшной была мысль, что он больше никогда не увидит Беми...

Позади раздалась неровная походка. Карсон распахнул глаза и резко повернулся. Рядом стоял Дебтри, мрачно глядя на него.

— Даже не думайте, Карсон! — яростно прошептал ученый. — На этот раз я сам выберу жертву.

Брови Карсона невольно поднялись.

— Но вы же не хотите сказать...

— Да! — перебил его Дебтри. — Пойду я. Это мой долг. — Старый ученый так стиснул челюсти, что скулы его совсем побелели. — Кроме того, у меня есть свои причины. Беми не любит меня. Она любит вас. Я же просто балласт. А к тому же... — Он вдруг гордо вскинул голову. — Думаю, пришло время мне кое-что осознать. Не все, что вы наговорили обо мне, не так уж неверно. Я понял, что в жестких условиях человек показывает, кто он на самом деле. Там, на снежной равнине, я не вел себя, как герой, верно? — Он нахмурился. — Возвращайтесь к себе в каюту. Я отдаю вам Беми. Живите с ней долго и счастливо.

— Нет, — тихо сказал Карсон. — Я много лет почти что и не жил. Так что зачем мне сейчас цепляться за жизнь. Пойду я и спасу тем хотя бы три жизни.

Сказав это, Карсон внезапно взмахнул рукой. Дебтри рухнул на пол. Карсон взглянул на него, тяжело дыша. Затем торопливо пошел к воздушному шлюзу и нажал кнопку люка. Распахнулась внутренняя дверь, и Карсон невольно вскрикнул. В освещенном шлюзе стоял Сток и мягко улыбался. Затем он протянул руку и коснулся виска Карсона. Как и в первый раз, его глаза вспыхнули и надвину-

лись, закрывая собой весь обзор, и, как и в предыдущем этом странном гипнозе наоборот, Карсон потерял сознание. Но одну деталь он запомнил. В шлюзе у ног Стока стояла закрытая картонная коробка с наклейкой «Персики»...

Карсону показалось, что он тут же открыл глаза.

Но возле него стояла на коленях Беми, обтирая его налитое кровью лицо влажным полотенцем. По щекам девушки струились слезы.

— О, Эд, он ушел! Он ушел! — закричала она.

Дебтри, очевидно, пришел в сознание раньше Карсона. Глаза у него были печальные и вообще, он казался каким-то задумчивым, но зубы его были по-прежнему стиснуты так, что побелели скулы. Встретив взгляд Карсона, он кивнул.

— Он вышел из шлюза.

Карсон поднялся на ноги. В руке у Дебтри вздрагивал листок бумаги.

— Сток оставил нам записку, — сказал Дебтри. — Она лежала на полу. Она адресована нам всем троим. — В голосе его звучала горечь и жалость.

Негромко гудел редуктор. Карсон глянул на иллюминатор правого борта возле шлюза. За ним стремительно слетались звезды, группируясь и сливаясь в новые звезды. Они летели обратно, к своей Земле, если то, что делал корабль, вообще можно назвать полетом.

Карсон взял у Дебтри листок и стал читать вслух слегка дрожащим от волнения голосом:

«Друзья мои! Я приношу извинения Карсону за гипноз. А так же извинения Дебтри, потому что у него как раз была нужная масса и, по всем правилам, идти должен был именно он. Но я сделал совершенно логичный выбор, потому что зачем мне было жить в совершенно чуждом мире, без связей, друзей, без семьи и своего народа? Однако главная цель моего обмана состояла в том, чтобы каждый из вас познакомился с личными качествами других. Вряд ли теперь кто из вас винит других в трусости. По крайней мере, я верю, что нет. Осталась ли в ваших сердцах ненависть друг к другу? Я верю, что нет. Сущность людей проявляется лучше всего в сложных и опасных обстоятельствах, и мой план сработал даже лучше, чем я ожидал. Я полагаю, теперь даже Дебтри признает, что Карсон достоин жениться на прекрасной Беми. Я, Сток, прошу его об этом. Только и всего. Друзья мои, я взял коробку персиков, чтобы восполнить недостающую массу. Она вылетит из шлюза вместе со мной.

Карсон быстро замигал и на секунду крепко зажмурился.

– Подпись: Сток, – закончил он.

– Он умер, умер! – зарыдала Беми и прижалась к Карсону.

Карсон глянул через ее плечо на Дебтри.

– Теперь все будет в порядке? – спросил он.

Дебтри кивнул на иллюминатор. Карсон увидел, как окружающие корабль горы стремительно исчезают, словно проваливаясь внутрь себя, а серые равнины со скоростью летящего поезда сокращаются и исчезают.

– Мы уже в лаборатории, – сказал Дебтри. – Еще минута и...

Они молча взглянули друг на друга, и неожиданно старый антагонизм их обоих исчез навсегда. Карсон почувствовал это сам и то же увидел в глазах Дебтри. Они одновременно протянули друг другу руки и обменялись крепкими рукопожатиями.

– Сущность людей проявляется лучше всего в сложных и опасных обстоятельствах, не так ли? – тихонько сказал Дебтри. – Так сказал Сток, Карсон. И все остальные его слова тоже верны. Я имею в виду, о Беми. – Он пристально взглянул на Карсона и усмехнулся. – Вы поняли, что я имею в виду. Все в порядке. Когда мы придем в себя после такого путешествия, я хочу, чтобы вы вместе со мной создали корпорацию субатомных кораблей.

Сказав это, он отвернулся и устался в иллюминатор. Карсон тоже не сводил с него глаз. Сомкнулись стены лаборатории. Дебтри шагнул к пульту управления, но не спешил выключать установку. Перспектива снаружи стала неизменной. Они вернулись. Но еще долго они не делали ничего, давая кораблю время точно подогнать размеры и окончательно остановиться. При этом все трое думали о Стоке. Карсон закрыл глаза и увидел, как наяву, его странную усмешку... И внезапно у него появилось странное ощущение, что Сток в действительности не умер.

Он по-прежнему жил и был с ними – хотя бы только в их памяти...

Return from zero, (Super Science Stories (British), 1942 № 8), пер. Андрей Бурцев

THRILLING

SUMMER
ISSUE

WONDER

STORIES

15¢

A THRILLING
PUBLICATION

WILL
WHEAT

DEAD CITY
An Amazing Novel
By MURRAY LEINSTEIN

**Titan OF THE
JUNGLE**
A Startling Complete Novel
By STANTON A. COBLENTZ

ЛЕДЯНОЙ МИР

ГЛАВА I. *Корабль издалека*

На закате истории Земли, когда Солнце стало тусклым красным шаром на темнеющих небесах, оставался всего лишь один Город, в котором еще горел факел надежды Человечества. Это был великолепный, одинокий город тысячи душ.

Под черным небом, на котором даже днем были видны немногочисленные тусклые звезды, полз ледяной трактор. Он именно полз, медленно, словно тоже был поражен расползающейся по вселенной парализмом.

За пультом управления, сжимая рычаги длинными пальцами, похожими больше на усики какого-то растения, сидел молодой Старник, сын Арника.

— Отец! — прошептал Старник, потрясенный огромной равниной слепящего снега и грязно-серым плато ледника вдалеке. — Неужели это правда, что лед уже когда-то тек по всей планете в жидкой форме?

— Да, правда, но это было миллионы лет назад, сын мой. Теперь лед может быть жидким лишь в Городе, поскольку так велел человек.

— А что будет, когда ледники достигнут Города?

— Город останется, сын мой, — успокоительно ответил старик.

— А люди? — спросил Старник.

— Люди умрут.

Старник тяжело задышал. Эта мысль поразила его. Он был молодым, головастым, голубоглазым, и внешне резко контрастировал со стариком, сидящим позади него. Кожа Старника пульсировала, бело-розовая, как доказательство того, что внутри находится создающий тепло орган, который дала человеку эволюция, и носил он лишь набедренную повязку и сандалии. Арник же был так стар, что даже трудно было поверить, что когда-то и он был молодым. Кожа его сморщилась и стала темно-коричневой, почти что черной, к тому же, совсем не пульсировала.

Поэтому он был обернут во многослойную пленочную материю. В юности же он был точно такой же, каким выглядел теперь сын. И все же Арник видел, что, в отличие от него, сын не может согласиться с идеей смерти.

— Ты еще молод, Старник, — сказал он со старческим снисходительным высокомерием. — Когда-нибудь и ты поймешь, что силы

*A Complete
Novelet*

природы настолько ополчились против нас, что бороться бесполезно. Люди умрут.

— А Город? — спросил Старник. — Он тоже погибнет?

Лицо старого Арника вспыхнуло от гордости.

— Город устоит. Наши уважаемые предки создали его таким, что он будет противостоять даже угрожающим ледникам. Город ока-

As Starnik gave the signal which was soon to send the populace of the City into frenzied revolt, Minza's eyes widened with excitement and she reached upward to turn a knob on the loom

THE ICE WORLD

By ROSS ROCKLYNNE

When reptiles rule in a dying world, brave Starnik and his friend Caset become the leaders of a daring revolt as they fight against great odds to restore the heritage of mankind!

жется подо льдом и станет нашим памятником, поэтому мы не умрем окончательно и навсегда. В этом и заключается наша вера, Старник.

Старник никогда и не думал бунтовать против Старших. Но внезапно он повернулся в своем кресле к отцу.

— Жалкая это вера! — отчаянно закричал он. — Кто же во Вселенной позаботится о Городе, раз все люди умрут? И что проку от трупа, в котором нет дыхания жизни? Нет, отец, мы должны бороться за жизнь, бороться, пока еще есть время!

УЖАСНАЯ БЛЕДНОСТЬ разлилась по высохшему лицу Арника. Он даже приподнялся с сидения.

— Остановись! — потрясенно вскричал он. — Замолчи! Ты говоришь о революции, о нарушении правил Старшего Тела, нарушении законов, которые завещали нам наши предки! Никогда бы не подумал, что мой собственный сын способен на такое богохульство. Мы в Городе, как в западне. И нет никакой надежды. Поэтому нам всем лучше умереть мирно и гордо, как подобает храбрым людям.

Отец и сын впились взглядами друг в друга так, словно между ними замелькали молнии. Слова уже висели на самом краешке горячих губ Старника. Он чуть было не сказал отцу о Младшем Теле, секретной организации в Городе, заместителем командира которой он был. Эту организацию создали молодые люди, с пароями, кодами, явками и всем, что положено в таких случаях.

Эта организация была создана, чтобы противостоять закостеневшим принципам Старшего Тела. Но Старник вовремя замолчал, потому что сам знал в глубине души, что Младшее Тело — детские забавы.

На Земле больше не могло быть убежища для людей. Поэтому люди были обречены!

Старник развернул ледяной трактор и направился к огромному ледяному плато, окружившему последний оплот Человечества.

Он был не первым молодым человеком, в голове которого возникла чуть ли не богохульная мысль, что Человек должен бороться с окружающей средой и судьбой за свое существование. И именно в этот момент жизнь Старника резко изменилась... потому что появился корабль!

Корабль!

— Отец, что это? — воскликнул Старник.

Арник поднялся, держась за спинку сидения, чтобы устоять на разом ослабевших ногах. Глаза его загорелись от волнения, когда старик начал всматриваться через стеклянный колпак трактора.

— Корабль, — едва вымолвил он.

Да, корабль. Ничем иным это быть не могло. Длинный, тонкий силуэт, испускавший яркие вспышки света, гремя, спускался вниз с черного неба прямо на ледяной откос.

Он что, собирался разбиться?

Но в следующую секунду корабль пролетел над ледником, выпрямился и опустился на ровную землю. В воздух взлетело облако снега и камешков.

Старник воскликнул от удивления. Древний двигатель трактора протестующе взвыл, когда юноша швырнул его по гребню холма к небесному кораблю.

Но Старник не потрудился подумать о том, что обитатели корабля могут быть настроены враждебно. Трактор уже почти доехал до невиданного чуда, когда все и случилось. Из корабля внезапно вырвался конус света, подхватил трактор, поднял в воздух и отшвырнул в сторону.

Старник больно ударился о пульт управления. Мысли его смешались, он выкрикнул имя отца, полез через обломки, в какие превратились внутренности трактора, и увидел тело старого Арника, лежащего на спине и уставившегося остекленевшими глазами в черное небо.

— Отец! — горестно закричал Старик и зарыдал.

Затем выпрямился в слепом гнев, пробрался к погнутой двери и в бессмысленной ярости вылез из машины и побежал к кораблю.

Он уже почти достиг его, когда полными слез глазами увидел в открывшемся воздушном шлюзе размытые фигуры чужаков. И уже было поздно уклоняться от огненного кнута, который метнулся к нему, окружил змеиными кольцами и с невероятной быстротой потащил к открытому люку, в которой стояли существа с зеленой чешуей и глазами рептилий. Тут Старик потерял сознание...

Однако, часы в голове юноши продолжали работать, отсчитывая время с точностью до секунд, потому что, когда он очнулся, что-то подсказало ему, что без сознания он пробыл всего лишь три минуты. Открыв глаза, он обнаружил, что находится в незнакомом помещении, а рядом стоят два чужака, имеющих руки и ноги, но явно относящихся к классу рептилий.

Старник задрожал крупной дрожью, заметив их медленно открывающиеся и закрывающиеся жабры, точно у земноводных. У существ были руки с семью пальцами на каждой, морды, как у крокодила, и глаза навывкате. Одновременно он почувствовал слабый, чуть сладковатый змеиный аромат.

ЗАТЕМ СТАРНИК увидел еще одного чужака, сидящего на стуле с семью ножками, и тут же услышал голос, мягкий, успокоительный, прозвучавший, казалось, сразу у него в голове.

— Почему вы не остановили свой механизм, когда мы спросили, с дружескими ли вы приближаетесь намерениями, Земное Создание?

Старник уставился на морщинистое, явно старческое лицо сидящего. Оно почему-то казалось добрым, мирным и преисполненным благих намерений.

Старник вздрогнул.

— Мы ехали с миром, — прошептал он. — У меня было лишь желание помочь вам. Зачем вы убили моего отца?

— Стойте! — старый чужак поднял покрытую чешуей руку, в его выкаченных глазах промелькнуло удивление. — Я все понял. Когда мы пролетали над вашим городом, то обшарили его теле-лучами, чтобы понять, какие существа обитают на этой планете. Но мы не знали, что вы общаетесь при помощи голосовых связок, методом, который мы давным-давно забыли. Мы отправили вам телепатическую команду остановить ваш механизм. Тогда я еще не знал, что ваши умы не способны получать импульсы с большого расстояния. Вашего отца мы убили случайно, так как не знали еще ваших намерений. Но... — тут лицо старика, казалось, засветилось добротой, — я обещаю, что мы сделаем все для того, чтобы помочь вам и всей вашей расе. Мы, Существо с Земли, прилетели из далекой галактики для того, чтобы дать новую жизнь вашему умирающему Солнцу, чтобы планета Земля могла жить и дальше. Я известен под именем Старейший из Ярнара, — продолжали появляться в голове Старника ласковые, вкрадчивые мысли. — Мы, ярнарцы, долго правили своей галактикой и видели, что она умирает. Мы возродили ее, и тогда поставили своей единственной целью отремонтировать Вселенную, чтобы погибающие расы могли снова без страха смотреть в будущее. Я уже заметил вашу безнадежную борьбу с ледниками, и я обещаю тебе, который называет себя Старником, что, если вы окажете нам помощь, ледники будут побеждены!

ГЛАВА II. *Смертный приговор*

ЯРКИЕ СЛОВА-МЫСЛИ лились и лились в голову Старника. Он уже почти забыл о своем горе, поскольку перед глазами его возникла иная воображаемая картина — пылающее Солнце на земном небе, текущие жидкие реки, целые озера и океаны *жидкой* воды! Новая жизнь для всего Человечества!

Затем он задрожал от тоски, и Старейший, словно прочитав его мысли, хотя Старник не сказал ни слова, кивнул и поднялся.

— Тогда идем, друг мой Старник. Я покажу тебе, как ты можешь стать спасителем своей расы.

Старник последовал за ним по коридорам большого корабля. Он увидел десятки, возможно, даже сотни существ. Они прошли через большое помещение, где было много разумных рептилий — они отдыхали, — а, может, — спали в прозрачной зеленоватой воде.

Они прошли мимо могучих машин, которые, как сказал Старейший, управляли кораблем.

— Но сейчас все эти машины бесполезны, — печально сказал словами-мыслями Старейший. — Мы едва сумели добраться до пла-

неты Земля, желая спасти ее от страшной участи, буквально на последних крошках *сорбала*.

В голове Старника появилось телепатическое изображение *сорбала* – схема атома, которую юноша тут же узнал.

– *Сорбал* – это изотоп урана! – воскликнул Старник. – Но... но, Старейший, у нас в Городе есть много *сорбала*. Только им и живет Город, при помощи его мы боремся с холодом, ползущим снаружи.

Старейший поплотнее закутался в блестящий, золотистый плащ и покачал своей странной головой.

– Наши приборы уже обнаружили это, – по-прежнему печально сказал он. – Имея *сорбал*, мы можем оживить машины, которые способны дать новую жизнь вашему Солнцу. *Сорбал* – могущественный металл, Старник, и когда у нас будет достаточное его количество, мы полетим поближе к Солнцу и взорвем его атомными лучами. Ваше солнце сейчас лишь тяжелый шар из золы, потому что электроны так близко прижаты к протонам, что между ними не происходит никакого обмена энергией. Электроны должны быть отделены от протонов. Под влиянием атомных лучей Солнце постепенно возгорится и станет в четыре раза больше своих нынешних размеров. А, разгоревшись, оно будет пылать очень жарко, и еще миллиард лет Человечество сможет жить на своей планете. – Тут он вздохнул. – Вот только у нас нет *сорбала*.

Старник протянул к нему дрожащую руку.

– Старейшина, – сказал он дрожащим голосом, – я всего лишь юноша и не имею такого влияния в Городе, но я хочу и могу помочь вам.

Старейшина с сомнением покачал головой, но одновременно Старник испытал странное ощущение, словно в его голове стали шариться сотни тончайших усиков. В нем вспыхнул инстинктивный гнев из-за такого бесцеремонного вторжения, и, потрясенный, Старник словно захлопнул дверь перед Старейшиной, заставив его втянуть свои щупальца-мысли.

И тут Старник понял, что Старейшина не может читать его мысли, если он, Старник, запрещает ему это!

Чешуйчатые крышечки-веки полуприкрыли глаза Старейшины, и он вновь возобновил свою мягкую речь.

– Нет, Старник, боюсь, Старейшины вашего Города не отдадут нам свой *сорбал*. А если мы войдем в Город сами, они обратят против нас древнее оружие, которое находится в хранилищах под Городом.

– Я и не пошел бы к Старому Телу! – умоляюще вскричал Старник. – Но есть Младшее Тело! Я там не командир, но могу заста-

вить их слушать. Старейший, я хотел бы попробовать, если вы доверите мне такую важную миссию.

Старейшина поднял руку и принялся в раздумье расхаживать взад-вперед. Затем вдруг остановился, словно принял решение. Его глаза засветились, а черты лица опять смягчились.

— Решено, Старник, — сказал он. — Да, ты можешь помочь нам в нашем благородном деле. Ты должен сам принести *сорбал* в наш корабль. Я буду ждать тебя! А теперь иди!

Старник тут же ушел. Он был вне себя от радости, что ему разрешили принять участие в возрождении Солнца, что даже не вспоминая об отце, пока не достиг входа в Город.

Тут он всхлипнул, жалея о последних резких словах, которые сказал отцу перед его гибелью. Но теперь это было неважно. Он вернет тело отца для кремации после того, как принесет чужакам *сорбал*. А после чуда воскрешения Солнца, даже его отец неохотно признал бы, что был неправ, и что Старник поступил так, как было нужно...

ВОРОТА ГОРОДА скользнули, открываясь. Старник практически пробежал мимо привратника, бросив на ходу наспех придуманное объяснение о несчастном случае с трактором. С колотящимся сердцем он шел по пустынным, ярко освещенным улицам с чудесными зданиями, простирающимися ввысь до самого купола, который задерживал холод окружающего Города мира. Наконец, он заметил длинноволосого, белокурого юношу, идущего ему навстречу.

— Лорио! — закричал Старник, хватая молодого человека за руку. — А я как раз направлялся к тебе. Доброго тебе вечера!

Лорио захлопал на него глазами.

Будь начеку! — дал ему кодовый знак Старник.

Лорио сел возле Старника, стараясь сохранять спокойствие на своем лице.

— Ты хочешь сказать, что близится время восстания? — спросил он.

Старник кивнул, и Лорио, командир Младшего Тела, тут же забыл о всяком притворстве.

— Но послушай, Старник, — тут же возразил он, — вообще-то наша секретная организация никому не нужна. Это просто детская забава. Против кого мы будем восставать? Нам попросту не с кем бороться!

Большие голубые глаза Старника неистово пылали.

— Нам есть с кем бороться! — закричал он. — Пускай наша организация и была детской забавой, но теперь нужно действовать

согласно секретному своду правил, который мы с тобой придумали много лет назад. Послушай, Лорио, нужно не восстание, а просто *кража*. Это не так опасно.

Лорио с растущим удивлением слушал рассказ Старника. Когда тот замолчал, Лорио схватил его за руку жестом не менее старым, чем Человеческий род, и так ясно выражающим переполняющие Лорио эмоции, что никакие слова были уже не нужны.

Той же ночью произошло историческое собрание Младшего Тела, а сразу после собрания еще более историческая *кража*. В Городе жила приблизительно тысяча человек. Более трех четвертей из них были молодыми людьми, некоторые уже и женатыми. Все, за исключением тех немногих, кто носил серо-зеленую форму Сенторов и занимался поимкой преступников, принадлежали к Младшему Телу.

И никто из Младшего Тела даже не подумал усомниться в рассказе Старника. Может, это произошло из-за красноречия Лорио, который и передал всем этот рассказ, но никто не сомневался в благих намерениях прилетевших с неба чужаков.

Когда Младшее Тело вышло из своей Цитадели, находившейся в заброшенной ветке метрополитена на пустынной окраине Города, всех переполняло мужество и волнение. Никогда прежде, вплоть до начала записанной истории Человечества, молодежь не восставала против воли старших — тех старших, которые вскоре ушли бы к предкам, а уж к предкам все относились со священным почтением.

Но все же никогда прежде молодежь не имела такой возможности спасти от гибели Человечество, которое уже много тысячелетий постепенно вымирало, проигрывая битву с Природой!

Правда, героического тут было мало. На самом деле, была лишь тайная кража из огромных складов на самых последних этажах подземелий под Городом, где хранились запасы *сорбала*, или урана-235, чтобы Город мог жить еще долго после того, как ледник покроет его. И они уже вынесли почти половину запасов ценного металла, когда по коридору им навстречу выбежал дежурный Сентор.

Старник сам схватился с Сентором, отобрал у него оружие, связал и заткнул рот. Тем временем длинная шеренга юношей и девушек, постарше и помоложе Старника, всей взволнованной толпой вынесла из хранилища тяжелые слитки и тут же рассеялась по Городу, направляясь в сотни мест, где можно было загрузить украденное на ледяные трактора.

Это произошло в безмолвие ночи, в те часы, когда лампы, освещавшие великолепные пустынные улицы Города, ставшего слиш-

ком большим для своего крошечного населения, были приглашены и лишь чуть тлели в темноте. Из Города было четыре выхода, но использовался лишь один. Этим выходом и должны были уехать тяжело нагруженные ледяные трактора.

Но Лорио и Старник понимали, что покинуть Город потихоньку не получится. Поэтому Лорио отдал приказ – и ночная тишина была разорвана ревом мощных двигателей.

Трактора съезжались к выходу из всех концов Города, десятки и десятки. И Город проснулся. Старики поднялись с кроватей и выскочили на улицы. Сенторы бросились к своим машинам, но люди перегородили им путь.

Последние трактора беспрепятственно прошли через ворота Города и на максимальной скорости понеслись через замерзшую снежную пустыню к космическому кораблю чужаков, беспомощно стоявшему у мрачного ледяного барьера.

НЕБЕСНЫЕ АМФИБИИ стояли снаружи и ждали, пока ледяные трактора придут и остановятся у корабля торжественной дугой. Из тракторов высыпали члены Младшего Тела, смеясь и восторженно крича, затем внезапно со страхом замолчали, разглядев, какие странные создания встречают их.

Старник, со свойственным молодежи самодовольством направился было к открытому люку космического корабля, но две амфибии преградили ему дорогу.

– Но я Старник! – сердито закричал он. – Это я привез вашему господину *сорбал*. Да, тот самый *сорбал*, который возродит жизнь Солнца и всего свободного Человечества.

– Старейшина передает свое уважение Старнику, – возникли у него в голове мысли амфибии с жестокими глазами. – Он просит, чтобы Старник и его люди вернулись в Город, когда будут разгружены их машины. Старейшина примет вас снова, когда вновь возгорится ваше Солнце.

Затем охранник издал странный горловой звук, жутко похожий на смех.

Старник почувствовал, как у него по спине бежит холодок страха. Он ощущал за собой сотни молодых людей, которые стояли и пытались уловить, о чем идет безмолвная беседа их главного. Холодок исчез, Старник почувствовал, что лицо у него горит.

Он-то считал, что может встретиться со Старейшиной чужаков без проблем, а что теперь подумают Лорио и остальные, когда поймут, как пренебрежительно с ним обошлись?

— Отлично, — вслух сказал Старник, стараясь, чтобы голос его звучал спокойно и небрежно. — Когда Верховный Старейшина вернется после завершения своей миссии, я буду рад встретиться с ним. — А мысленно он добавил: — А он вернется?

— Вернется, — возникли в голове Старника мысле-слова охранника со странным насмешливым оттенком. — Этого можешь не бояться. А теперь... — Он повернулся к толпе приехавших юношей, — все прочь от люка! Нам нужно разгрузить *сорбал*.

Притихшие члены Младшего Тела поняли его мысле-команду. Они быстро отступили, — смолк их смех и волнение, — и стали мрачно смотреть, как команда переносит внутрь огромного корабля тяжелые слитки, стараясь не касаться голыми руками металла, поскольку могли обжечь свою влажную кожу.

Старник молча взял Лорио за руку и повел к своему разбитому трактору, откуда они вытащили изувеченное тело старого Арника. В груди у него была пробита дыра.

Лицо Лорио исказилось от ужаса.

— Старник, возможно, эти рептилии-амфибии вовсе не случайно убили твоего отца! — прошептал он. — Возможно, они попытались намеренно уничтожить его, зная, что он никогда не согласится с планом кражи урана-235.

Старник вздрогнул и покачал головой. Эта мысль показалась ему слишком ужасной, чтобы принять ее.

И страх не покидал Старника, когда, гораздо позже, его трактор вместе с остальными вернулся в Город. И этот страх многократно усилился, когда из динамиков, расположенных по всему Городу, прорывал голос Старейшины Сенуга.

— Юнцы! Все, кто принимал участие в краже урана-235 из хранилищ под Городом, должны немедленно явиться в Зал Совета Старшего Тела! Немедленно! Те, кто не сделает это, будут приговорены к изгнанию из Города. *Приходите немедленно!*

Не прошло и ста ударов сердца, как Старник, Лорио, Казет, Драс и Ноник — старшие помощники командира Младшего Тела — стояли отдельно от остальных, лицом к взбешенным членам Совета Старшего Тела.

Последовавшей далее сцены было достаточно, чтобы сердце Старника застыло в груди. Вначале он понял, что его выступление в защиту остальных к добру не приведет. Его история, хотя и совершенно правдивая, вселила в Старейшин только ужас. Из главного наблюдательного пункта Города они смотрели, как возвращаются трактора, а также видели огромный корабль, об отлете которого рассказывал теперь Старник.

— Но Старейшина вернется! — в отчаянии кричал Старник.

— Они *не вернутся!* — ревел в ответ Старейшина Сенуг, истерично размахивая своими высохшими ручками. — Глупцы! Глупцы! Что вы наделали? Драгоценный металл, который единственно спасает нас от наступления ледников, теперь почти весь у них. Вы были пешками. Ты, Старник, и остальные глупые юнцы, попали в ловушку мерзких существ без чести и совести. Они не вернутся!

Позже, после заседания Совета, которое длилось недолго, но провинившимся показалось вечностью, они услышали вынесенный им приговор.

Старник, Лорио и остальные главари покрытого позором Младшего Тела, слушали его стоя. Старник стоял, гордо выпрямившись, хотя губы его дрожали. Двое юношей сломались и рыдали, опустившись на пол. Старнику, Лорио и Казету тоже пришлось нелегко, но они старались выглядеть достойно. Но все же они понимали, что им грозит лишь смерть.

Смерть в изгнании в необитаемые земли, с одним только ледяным трактором и недельным запасом еды.

Изгнание!

ГЛАВА III. *Слуга Старейшины чужаков*

ТАК ОНО И оказалось. Старник стал изгнанником после того, как уже третью неделю вел трактор по ужасному замороженному миру.

И неважно, что именно Старник привел остальных изгнанников к замороженному океану и указал на вмерзший в гигантское ледяное поле кристалл, оказавшийся каким-то животным, которое замерзло тут бесчисленные столетия назад. Именно Старник показал остальным, как можно тут выжить, ища подобные замороженные останки созданий далекого прошлого и употребляя их в пищу.

Остальные четверо изгнанников все равно глядели на него с ненавистью, ютятся все вместе в тесной каюте трактора, все, даже друг его Лорио. Ведь это Старник привел их к ужасному изгнанию и никчемной борьбе за выживание в мертвом мире. Именно он заключил сделку с чужаками.

Вначале они вообще игнорировали Старника, потому что им нечего было сказать. Затем, когда раздражение их и гнев дошли до самого пика, были высказаны резкие слова. Старник поверить не мог, когда и Лорио обратился против него.

С тех пор он старался не встречаться с горящими, пристальными взглядами бывших друзей.

— Сколько вам повторять? — говорил он. — Солнцу дадут новую жизнь. Старейшина чужих вернется. И тогда всех нас простят.

— Ты лепечешь эту чепуху, словно дитя, — глумливо усмехнулся Лорио. — Никакая энергия во Вселенной не может оживить наше Солнце. Погляди, от него осталась лишь багрово тлеющая зола. Тьфу на тебя, Старник! Я жалею, что вообще повстречался с тобой!

Он отвернулся и вместе с остальными отправился срезать термо-палками куски твердого, как камень, мяса морского существа, замороженного в лед моря на глубине пятнадцати метров.

Старник содрогнулся. На нем была тяжелая плетеная куртка, частично защищающая его от пронизывающего ветра, постоянно дующего над пустынным, безбрежным океаном льда. Он вздохнул и медленно побрел по склону к краю ледяной ямы. Оттуда он крикнул дрожащим голосом вниз своим бывшим друзьям:

— Лорио, Казет, Драс! Я ухожу. Больше я не могу терпеть вашу ненависть. Прощайте!

Он ждал с надеждой, что они хоть что-то ответят, но они не повернулись к нему и даже не подняли голов. Хотя не могли не услышать.

Старник резко развернулся и побрел по замерзшему океану. По щекам его текли слезы. Он был молод, слишком молод, и все горе, скопившееся в его душе, теперь хлынуло через край — в первую очередь, горе по своему отцу, ставшее самым глубоким теперь, когда его некому было поддержать.

Старник не знал, сколько дней так брел. Термо-палка помогала ему добывать еду, но вскоре он заметил, что пульсация его бело-розовой кожи постепенно замедляет ритм, и что все сильнее он ощущает холод.

Он медленно умирал. Даже его биологические «часы» больше не действовали.

Проходящие на льду дни превратились в сплошной кошмар. Казалось, сами мысли его атрофировались. Глаза стали большими, лихорадочно-красными, его постоянно сотрясал кашель.

Однажды ночью, лежа на льду, ему пришлось использовать тепло своей термо-палки, чтобы согреться. Старник взглянул на небо на горизонте, где медленно садилось мертвое Солнце. Глупо было на что-то надеяться. Солнце умерло, как вскоре умрет и он, и уже никогда больше не оживет.

Старник не знал, сколько дней так прошло, поэтому не сразу понял, когда именно началась Большая Перемена. Но она началась тогда, когда он уже считал себя на пороге смерти.

В очередной раз взошло Солнце, и его непривычное тепло согрело тело. Старник не мог уже ни о чем думать. Казалось, сами мысли его вмерзли в застывший мозг. Солнце казалось более ярким, и лучи его более жаркими, но он не позволял себе обманываться.

Но тело его постепенно начало набирать прежнюю силу.

Однажды, когда Старник смотрел на Солнце, висящее в небе, оно показалось ему гигантским, раза в четыре больше их обычного Солнца. Оно стало ослепляюще белым и, казалось, дрожало, чуть не разрываясь от переполнявшей его энергии. Старник воздел вверх руки, наслаждаясь его теплом, и впервые с трудом подумал, что делать теперь.

– Нужно вернуться в Город, – пробормотал он.

Причина этого решения казалась ему простой. Он сошел с ума. Он видел то, чего быть не могло. Разумеется, он умрет, но перед смертью еще раз должен увидеть Город.

ОН ОТЫСКАЛ на льду следы снежного трактора и шел по ним всю ночь, под светом умирающих звезд. А затем наступил день.

Как раз к этому времени он дошел к краю ледника, взглянул сверху на Город, и получил такое потрясение от этого зрелища, что рухнул на колени, хрипло шепча бессмысленные слова о том, что все это правда.

Купол Города походил на громадную каплю ртути, лежащую внизу на дне долины. Никогда купол так не сиял. И потрясение вернуло Старнику рассудок и способность мыслить, и, рыдая, он воздел к нему дрожащие руки.

Старейшина чужих не солгал. Солнце возродилось заново...

Старник карабкался, полз, скользил и падал, спускаясь по крутому, иззубренному торцу ледника. Спустившись в долину, побежал к Городу, через некоторое время остановился, тяжело дыша, но, отдышавшись, снова побежал.

Он был уже в километре от Города, когда ему показалось, что к нему медленно, спотыкаясь, движется по снегу какая-то фигура.

Пока он смотрел, фигура покачнулась и упала!

Старник был озадачен. В общем-то, фигура напоминала человека. Он бросился к нему и увидел, что человек лежит, уткнувшись лицом в снег, тогда перевернул тело... И побледнел.

– Лорио, – со смесью ужаса и презрения прошептал он. – Лорио!

Умирающий Лорио открыл глаза. Светлые волосы его были в крови, кровь струилась из странных рваных ран по всему телу.

Глаза Лорио закатились. Рот приоткрылся.

– Лорио, быстрее! – закричал Старник. – Кто это сделал?

Лорио умоляюще взглянул на него.

— Прости нас, Старник, — прошептал он. — Мы не должны были отпускать тебя. Когда мы увидели... солнце... то стали тебя искать. Мы... вернулись в Город. Там уже хозяйничали... амфибии. Я не хотел... работать на них... как раб... Старейшины... они были правы, Старник. Уж лучше...

Старник отчаянно склонился поближе к нему.

— ...лучше... нам всем умереть... — еле слышно шептал Лорио, — ...чем так... Я боролся... они схватили меня... избили... и выкинули из Города... умирать...

Внезапно рука Лорио крепко стиснула руку Старника. Его искалеченное лицо исказили предсмертные судороги. Затем глаза закатились так, что стали видны лишь белки, и голова бессильно упала. Лорио, командир Младшего Тела, умер!

Теперь командиром по праву был Старник.

Старник поднялся во весь рост. Лицо его было ужасным, оно стало каким-то старым, гораздо старше, чем был отец. Затем, даже не взглянув на Лорио, он пошел к Городу, и в душе у него рос холодный гнев, пока не превратился в ледяную глыбу.

Городские ворота скользнули в сторону, и, пройдя их, Старник увидел, что на него глядит зеленоватыми глазами чешуйчатая амфибия.

— Я Старник, — хрипло сказал он. — Я блуждал неподалеку от Города, когда меня прогнали мои товарищи. Именно я принес *сорбал* вашему Старейшине. И Старейшина сказал, что встретится со мной, когда вернется.

Привратник оглядел его сверху вниз, затем когтистым пальцем ловко выхватил у Старника термо-палку.

— Я не хочу навредить Старейшине, — спокойно проговорил Старник. — Я хочу служить ему, потому что именно так смогу отомстить Старейшинам моей расы, которые обрекли меня на смерть.

Тонкие губы привратника с подозрением скривились. Тогда Старник рассказал свою историю, вплоть до того, как он узнал, что чужаки вернулись и правят в Городе. В рассказе своем он излил всю накопившуюся ненависть к Лорио и прежним его друзьям. Когда он замолчал, привратник повернулся к странному предмету, похожему на барабан, висевшему на стене, и несколько долгих секунд смотрел на него.

Затем повернулся обратно к Старнику.

— — Ладно, — прозвучали в голове Старника его рычащие мысле-слова. — Я поговорил с лейтенантом Старейшины. Старейшина немедленно хочет увидеть тебя.

ПРИВРАТНИК ПОДОЗВАЛ одного из своих охранников, который повел Старника по улицам, галереям и привел, наконец, в здание, которое Старник прекрасно знал. Это был Дворец Отдыха, где он сам вместе с Лорио и другими своими друзьями не раз резвился в теплых бассейнах. В одном из малых бассейнов северного крыла, находящемся глубоко под землей, Старник увидел старое, морщинистое, зеленое, как лист, тело Старейшины чужаков.

Очевидно, Старейшина тут же почувствовал приближение Старника, потому что в голове юноши тут же вспыхнули его мысле-слова.

— А, Старник! Ты пришел отдать дань Правителю Земли?

Старник ощутил в его словах насмешку и в душе задрожал от гнева.

— Я пришел, Старейшина, чтобы еще раз поблагодарить вас за спасение жизни на этой планете, — сказал он вслух. — Моя жизнь принадлежит вам, и я хотел бы стать вашим слугой.

Глаза Старейшины тут же смягчились.

— Я понимаю, как ты ненавидишь своих людей, Старник, и в качестве награды за то, что отдал нам *сорбал*, я удовлетворю твою просьбу.

Старейшина вяло зашевелился в бассейне, затем снова осел на дно. Мысле-слова его текли медленно и лениво.

— Те, кто сотрудничает с нами, должны будут получить вознаграждение, когда прибудет остальная часть расы Ярнара. Когда растают льды в океанах и озерах, миллиарды их прилетят сюда. Наше солнце Ямена гаснет, Старник, на планете почти не осталось воды, и великая удача привела нас в вашу Систему после того, как мы много лет искали планету, подходящую для нашего народа. Через несколько месяцев я отправлю сообщение Ярнару.

Мысли его стихли, и охранник подозвал жестом Старника.

— Ну, вот, — сказал охранник, — Старейшина уснул. Я отведу тебя к члену правления, который объяснит, что ты должен делать.

Далее последовали долгие недели, когда Старник обучался своим обязанностям, а заодно изучал обстановку. Ему выдали великолепную зеленую форму и предоставили полную свободу передвижения в пределах Города. Старник не общался со своими бывшими друзьями, а лишь бросал на них презрительные взгляды. Однажды, гуляя по Городу в сопровождении нескольких пришельцев с Ярнана, Старник толкнул юношу, который случайно загородил ему дорогу.

— Прочь с дороги! — крикнул Старник. — Ты один из тех, кто прогнали меня!

Это действительно был Казет, один из заместителей командира Младшего Тела. От толчка он упал на тротуар, рассыпав корзину с фруктами, которые нес из сада своему хозяину-амфибии. Глаза его расширились сначала от изумления, затем от ярости. Ох попытался броситься на Старника, но стражник-амфибия швырнул юношу обратно на тротуар.

— Предатель! — закричал Казет.

— И тебе добрый вечер, дружище Казети, — презрительно закричал в ответ Старник. — Больше не попадайся мне на глаза!

Он пошел дальше, а Казет застыл, словно окаменел, и глядел ему в спину. Затем он быстро собрал рассыпавшиеся фрукты и пошел дальше.

Старник узнал, что сто пятьдесят Старейшин людей были заперты в тюрьму под Городом, в старинных камерах, где много веков назад держали преступников. Однажды, направляясь на склад, чтобы выбрать прекрасную золотистую ткань для новой одежды своего Старейшины чужаков, Старник проходил мимо одной из камер и увидел в ней Старейшину Сенуга.

Старик, выглядевший ужасно дряхлым, хромая, подошел к решетке камеры и глянул на Старника.

— Старник, ведь не могут же те истории, что рассказывают о тебе, быть правдой, — умоляющим голосом сказал он. — Говорят, что ты отвернулся от нас, что ты ненавидишь всех нас. Старник, скажи же старику, что это не так, чтобы я мог мирно умереть.

Старник рассмеялся и плюнул ему под ноги.

— Все это правда! — закричал он. — Вы изгнали меня из Города, так что не ждите теперь пощады!

Сенуг с трудом выпрямился.

— Старник, твой приговор был справедлив. Даже после того, как все мы приветствовали Старейшину чужаков, когда он вернулся, возродив наше Солнце, думая, что он друг, даже после этого я не отменил бы приговор. Он был справедлив. Но теперь, когда Старейшина обманул и поработил нас, твое преступление стало еще ужаснее. Прислушайся к голосу своей совести, Старник.

Но Старник лишь сухо рассмеялся в ответ и, сунув руки в карманы, пошел к складам, садам и кухням, где большинство юношей и девушек тяжело трудились в качестве рабов, изготавливая одежду и прочие предметы роскоши для амфибий, которые стали теперь хозяевами Города, а также для тех, кто прилетит из своего пересыхающего мира.

Старник с охранниками остановился возле ткацкого станка, где работала молодая девушка. Девушка холодно глянула на него.

— Добрый вечер, мисс Хинза, — вежливо поздоровался он, отвел взгляд и пошел дальше.

Глаза ее расширились. Она тут же отвернулась и стала работать дальше, но придвинулась при этом к своей напарнице, с которой работала.

— Добрый тебе вечер, — прошептала она. — Это пожелал тебе командир!

Когда Старник возвращался той же дорогой, девушка бросила на него на мгновение вспыхнувший взгляд. Старник коротко кивнул, не меняя отстраненного выражения лица.

«Добрый вам вечер» — это была кодовая фраза, означавшая «Будьте наготове!». Вот что на самом деле значили слова Старника.

Старнику, который теперь, после смерти Лорио, был командиром Младшего Тела, удалось сплотить молодежь и вкратце поведать им свои планы.

И с тех пор всеми своими действиями он увеличивал доверие к себе со стороны амфибий, поэтому быстро стал Главным Управляющим молодыми людьми, непосредственно обсуждающими сотню с лишним амфибий в Городе.

Именно по его распоряжениям амфибии жили в полном комфорте. Он исполнял любую их прихоть, следил за температурой в бассейнах, в которых они проводили по много часов ежедневно.

И даже находясь под пристальным наблюдением, Старник сумел пользоваться различными кодовыми фразами, которые понимали члены Младшего Тела, но совершенно не улавливали охранники-амфибии.

Помимо речи, он придумал и другие способы передачи информации. Например, согнутый и поднесенный ко рту мизинец означал «воду»... и все в таком духе.

В ход шли все детские кодированные словечки, которые в свое время придумала молодежь Города для борьбы с репрессиями, учиняемыми Старшим Телом. Всегда существовало противостояние молодежи старикам. Прежде, до появления амфибий, это давало молодым людям возможность почувствовать себя важными. Теперь же это служило смертельно опасному, серьезному делу!

И все эти недели члены Младшего Тела занимались кражами, подобными той, только в меньшем масштабе, при помощи которой они отдали созданиям Ярнана *сорбал*, необходимый для возрождения Солнца.

День за днем небольшие пакеты, обернутые в сухую, водонепроницаемую ткань, передавались из рук в руки, пока не попадали к тем людям, которые лично служили новым хозяевам Города. День

за днем Старник получил свою долю и тщательно прятал ее в тайничках своего форменного костюма, пока он не стал слишком тяжелым, и Старник испугался, что небольшие вздутия могут выдать его.

Одновременно продолжалась старая игра в саботажи, а подпольная организация освободителей наращивала свою деятельность.

ГЛАВА IV. Ложь для свободы

Старник тщетно пытался справиться со своим волнением.

— Ты чем-то взволнован сегодня вечером, — заявил Старейшина из Ярнана.

Он отдал Старнику свой халат и стоял, нагой, чешуйчатый, безобразный, на краю бассейна, подозрительно глядя на юношу.

Сердце Старника бешено билось, но он давно уже научился скрывать свои мысли от амфибий.

Он изобразил на лице беспокойство.

— Это все из-за девушки, — с горечью сказал он, словно эта фраза все объясняла.

Старейшина кивнул.

— Если хочешь, Старник, то можешь выбрать любую девушку своей расы, какую пожелаешь, — небрежно сказал он и улыбнулся глазами, в которых было столько мудрости и столько ложной, как теперь знал Старник, доброты. Затем Старейшина бросился в бассейн, подняв волну, и поплыл, широко загребая своими мощными руками. Голова его была при этом опущена воду, и из жабр поднимались на поверхность цепочки пузырьков.

Стар был Старейшина амфибий, но в своей естественной среде обитания передвигался с прежним мощным изяществом.

Старник быстро оглядел помещение. Здесь было три выхода. Два из них Старник запер собственноручно, а вскоре собирался запереть и третье. Его биологические часы — одна из способностей, которые дала Человеку эволюция — мерно отстукивали секунды. Наступал решительный час. Десять секунд, девять, восемь, семь...

Старник стоял на краю бассейна, глядя на волны, бьющиеся о бортик.

В это время тридцать охранников, патрулировавших Город, и не подозревали об ужасной судьбе, которую встретят амфибии. Они и думать не думали, что могут все одновременно подвергнуться нападению.

В этот момент все свободные от дежурства амфибии, согласно своему твердому расписанию, погрузились в свои бассейны.

Пробил решительный час! Пришло время действовать!

С силой выдохнув воздух, Старник вытащил из-под кителя тяжелый, плоский пакет, разорвал его и бросил в воду.

Пакет высыпал свое содержимое, и четыре килограмма *сорбала* оказались в воде и резко пошли на дно. Они ударились о дно бассейна и тут же вокруг них образовалось облачко пузырьков.

Пузырьки росли с неимоверной быстротой. Вода побелела. В Старника ударила волна жара. С невольным криком он отскочил назад, глядя, как облако пара яростно метнулось в потолок.

Поверхность бассейна мгновенно закипела, запузырилась, забулькала. Внезапно все помещение наполнилось обжигающим паром. И сквозь него Старник увидел, как Старейшина выскочил из воды, словно громадная летучая рыба, упал на пол и откатился от края кипящего бассейна.

В голове Старника раздался его неистовый мысле-крик:

— Старник! *Старник!*

Старника пронзила волна жестокой боли. Но он стоял незыблемо, как скала, окутанный паром, и смотрел, как Старейшина корчится на полу, изо всех сил вопя уже не мысленно, а во весь голос, которым почти никогда не пользовался.

Целую минуту Старник смотрел на привидение, в которое превратился Старейшина, потому что его обваренная кожа стала иссиня-белой, и с нее лафтакими осыпалась чешуя. Но ему не жалко было этого чужака, предавшего и его самого, и весь Род человеческий. Затем Старник попятился, захлопнул дверь и запер замок.

Мгновение он постоял, упираясь в нее лбом, потому что у него кружилась голова от отвращения и ужаса содеянного. Затем повернулся, потому что услышал позади шлепки шагов амфибии. И через миг появился охранник, спеша к нему и на бегу вытаскивая оружие.

— Старейшина позвал меня! — закричал охранник. — Что тут происходит?

СТАРНИК БРОСИЛСЯ ему навстречу, поймал руку с оружием, но получил удар в лицо. Кровь тут же залила юноше глаза, пачкая красивый зеленый китель. Старник упал и сквозь круги перед глазами увидел, как охранник яростно взмахнул прикладом своего оружия.

Старник закричал, подставил под удар руку и услышал, как хрустнула сломанная кость. Но он использовал инерцию движения самого охранника, повалил его на себя, схватил чешуйчатую голову и изо всех сил крутанул ее. Что-то громко захрустело. Амфибия обмякла.

С бессильно свисающей рукой Старник, хромая, побрел из Дворца Отдыха. Кровь заливала глаза, и он смутно видел, как к нему бегут молодые люди, яростно вопя, объятые жаждой крови. Весь Город был взбудоражен. К Старнику бросился еще один охранник, и Старник упал на колени, предчувствуя наступающую смерть, но понимая, что не может предотвратить ее.

Однако, наперерез охраннику выскочил кто-то знакомый. Казет!

Он упал на дорогу и схватил охранника за лодыжки. Амфибия упала и тут же скрылась под грудой тел юношей, которые яростно набросились на нее.

В глаза у Старника потемнело, он почувствовал, что летит в самую черную пропасть в мире, которая зовется смертью...

Когда он снова открыл глаза, над ним склонились люди, знакомые все лица, Казет, Сенуг и кто-то еще, и все с тревогой смотрели на него.

Старейшина Сенуг схватил руку Старника. Суровые глаза старика на секунду затуманились от слез и несколько секунд он не мог выговорить ни слова.

— Казет рассказал мне, что ты спас всех нас, — сказал, наконец, Сенуг. — Он рассказал, как ты вновь собрал Младшее Тело, и как они постепенно выкрали нужное количество урана-235 из городских хранилищ.

— Это был великолепный план, Старейшина Сенуг, — вставил Казет, сверкая глазами. — И придумал его Старник. А когда наступил нужный момент, Младшее Тело было готово уничтожить охранников, даже ценой собственных жизней. И... — лицо Казета перекосилось, и он замолчал.

— Кто-то погиб? — быстро спросил Старник.

У окружавших его сжало горло, и они не смогли говорить. Ответил Старейшина Сенуг.

— Десять человек отдали жизни ради освобождения Города, — сказал он. — Но все амфибии мертвы. И большинство из них умерло мгновенно, так что они не страдали и даже ничего не поняли. Мы нашли их в кипящих под воздействием урана -235 бассейнах. Патрульные же, дежурившие в Городе, были растерзаны на улицах, согласно твоему плану.

Окружающие начали задавать вопросы, но Казет удовлетворил их любопытство.

— Все очень просто, — пояснил он. — Миллионы лет людям был известен уран-235, этот удивительный металл. Он многие тысячелетия помогал нам согреть Город и бороться с наступающими ледниками. А кусочки его, попадая в воду, мгновенно нагревали ее,

потому что свободные нейтроны бомбардировали атомы *сорбала*, — то есть урана-235, — которые испускали гамма-лучи, создававшие в свою очередь в воде нейтроны, которые заставляли *сорбал* испускать еще больше гамма-лучей. Таким образом, возникла масса тепла. Вот амфибии и поплавились за то, что обманули нас, захватили себе Город и собирались захватить и всю планету, когда возрожденное Солнце разогреет ее. И все это были идеи Старника! — закончил Казет.

Все вокруг рассмеялись, и Старник подумал, что уже и не надеялся когда-либо услышать такой смех — веселый и беззаботный. Амфибии были мертвы, а Город освободило от них Младшее Тело. Где бы ни находился мир ярнанов, он был удален на бесчисленные световые годы, и там никогда не узнают о богатой водой планете Земля, потому что Старейшина чужаков не сообщил им об этом, предпочитая подождать, пока на Земле не растают все льды.

Старейшина Сенуг стоял неподвижно, словно только теперь понял истину, что прежде не приходила ему в голову.

— Будущее принадлежит молодежи, — сказал он, наконец. — Мы, старики, способны лишь готовиться к смерти, надеясь встретить ее достойно. Но в ожидании смерти нет и не может быть никакого достоинства. Лучше погибнуть в борьбе, если такова будет судьба. Поэтому я даю обещание, что вы, Молодое Тело, будете управлять Городом наряду с нами, и мы не станем принимать никаких несогласованных решений.

— Так и есть, — тихо сказал Старник, зная, что все сейчас думают о Солнце, которое даст теперь новую жизнь Земле на очень долгие времена. — Лучше бороться — и побеждать!

The ice would, (Thrilling Wonder Stories, 1946, Summer), пер. Андрей Бурцев

SPACE LAW: BY HAROLD GLUCK PH.D.

FUTURE SCIENCE FICTION

OCT. 1959

35¢

PDC

IN THE GLOWING RUINS,
THOSE WHO WOULD
LIVE ALSO GLOWED

**THE
WORLD HE
LEFT BEHIND**
by Robert
Silverberg

TOMORROW'S BROTHERS

by Ed M.
Clinton,
Jr.

WAS
THERE A
PLACE FOR
JEFF MATTHEWS
IN THE WORLD OF
THIS BEACH?

СОЗДАТЕЛЬ

МАСКАРАД БЫЛ в самом разгаре, на террасе звучала оркестровая музыка. В тенистом саду мимо розовых кустов, рука об руку, медленно шли Фил Грейдон и Элейн Джеймс. Какая-то странная неловкость возникла между ними, хотя они уже много лет были знакомы, и улыбка девушки выглядела слегка странной и натянутой – а может, имеющей какой-то скрытый подтекст. У Фила же было серьезное, сосредоточенное лицо. Он то и дело бросал на спутницу взгляд, но она была в маске, как, впрочем, и он сам.

Затем внезапно Фил сделал нечто странное. Он протянул к розовому кусту руку и почувствовал, как шип розы проколол подушечку указательного пальца.

– Ой! – удивленно вскрикнул он, прежде чем понял, что сделал это специально. Затем он показал Элейн палец с капелькой крови. Элейн хмуро посмотрела на него.

– Но зачем, Фил?

Он внимательно осмотрел ранку и только потом задумчиво ответил:

– Может, тебе лучше снять маску, хотя бы на время.

Девушка повиновалась, почувствовав его странное настроение.

Фил уставился на нежные, классически правильные черты ее лица.

– Если бы я создал тебя сам, то все равно не сумел бы сделать более совершенной. – Затем он добавил, словно оправдываясь: – Очевидно, я сделал это нарочно. Мне захотелось почувствовать настоящую боль. Захотелось удостовериться, что я – настоящий. Только тогда бы я понял, что и мир настоящий. Но я буквально возненавидел твою маску, потому что маска не позволяла мне увидеть тебя, а показывала лишь нечто, что не являлось тобой.

– Но зачем тебе вдруг понадобилось почувствовать, что... что мир не настоящий? – не поняла Элейн.

– Вчера вечером, когда я шел с вокзала, со мной произошел один случай.

– Ты так говоришь, что я уже начинаю тревожиться.

– Я запомнил его во всех подробностях и, если тебе хватит смелости, я расскажу тебе о нем.

– Пожалуйста, Фил, расскажи.

Фил стал говорить медленно, и, по мере его рассказа, глаза Элейн все больше мрачнели.

– Все вдруг почернело и стало невообразимо темно, но все же я мог видеть простирающееся вокруг небытие. У меня оставались все физические чувства, хотя не было тела. Я не испытывал ничего, кроме всепоглощающего страха. Я буквально был на грани безумия. Да, именно безумия, потому что сказал совершенно нормальным голосом: «Кто такая Элейн?» Ну, что, продолжать? – спросил он и замолчал.

Грудь девушки поднялась и опала.

– И ты получил ответ? – спросила она слабым голосом.

– Ответ? Да. В виде эха, донесшегося со всех концов Вселенной. Этот ответ был насмешкой. «Кто такая Элейн?» – прозвучал он.

Элейн потупила глаза. Ей стало страшно.

– И это случится снова? – прошептала она.

ФИЛ НЕ ПОЖЕЛАЛ ответить, и направились к дому, между замершими деревьями, под огромной нависшей Луной и далекими колочими звездами, чувствуя под ногами шесть тысяч километров железо-никельной литосферы. И внезапно Фил ощутил слабость и какую-то нестабильность.

В ужасе он схватил Элейн и резко вздернул голову.

– Ты – Элейн.

И тут, вместо ночной тишины сада, он вместе с Элейн внезапно очутился в ужасном и странном Аду.

Деревья, кусты и цветы вдруг задрожали, заколебались и расплылись. Земля завертелась, и словно вдруг отменили закон всемирного тяготения.

Гора вдалеке задрожала и начала проваливаться. Из океана помчалась полукилометровая стена воды, стремясь заполнить образовавшуюся пропасть.

Оркестр в танцевальном зале уже не походил на обычный человеческий оркестр.

Из мрака ночи, взмахивая крыльями наподобие летучей мыши, появилось какое-то чудовище со свисающими губами, по-идиотски выпученными, жалобными глазами и чрезмерно раздутым телом.

– Я буду сопровождать вас по вечности, – откашлявшись, сказала оно.

– Кто ты? – Это выкрикнул взгляд Филипа Грейдона, хотя губы его даже не шевельнулись.

– Если хочешь, я буду Элейн, – умоляюще пробормотало чудовище.

И все вокруг внезапно расплылось и исчезло.

Вселенная совершила пируэт и рухнула на Фила.

РУКИ ЭЛЕЙН гладили его по лбу. Раздался ее тихий голос, и Фил расслабился, поняв, что лежит на сырой земле. Вокруг снова был сад. А над его лицом наклонилось мокрое от слез лицо Элейн со спадающими волосами.

Из танцевального зала доносилась обычная музыка. Слышался смех парочек на веранде.

– Как я рад, что ты здесь, – прошептал Филип Грейдон.

– Что случилось? – дрожащим голосом прошептала Элейн.

– Кажется, у меня снова было видение.

– То же самое, что вчера?

– Да. Но еще более ужасное. Вчера в нем не было чудовища.

– Какого чудовища?

Он отвел глаза.

– Ладно, – сказала она. – Раз так все плохо, Фил... Фил, ты же справишься с этим ради меня?

– Да, – шепнул он в ответ, а сам при этом подумал: – *После сегодняшнего вечера я больше никогда не увижу тебя, Элейн, никогда, никогда, никогда, никогда, никогда, никогда, никогда...*

Он вздрогнул и резко оборвал эту мысль.

Затем произнес:

– Я ничего не понимаю. Я не знаю, что произойдет со мной или с тобой. Но что-то происходит во мне, что-то, чего я не могу остановить. И есть лишь одна надежда.

Надежда?

Перед его мысленным взором вновь появилось чудовище с крыльями летучей мыши, говорившее загадочную фразу:

– Если хочешь, я буду Элейн...

ДОКТОР ПИТЕР Фарджон был маленьким, энергичным брюнетом. Он с профессиональным интересом выслушал до конца историю Филипа Грейдона.

– И вы считаете, что это было реальностью, – утвердительно сказал он, когда Фил замолчал.

Фил запыхтел трубкой.

– Мне не хочется думать о психическом расстройстве. Но я признаю, что это не могло быть реальностью. Я пришел к вам, так как хотел, чтобы вы доказали мне это.

– Ваше состояние очень близко к психозу, – прямо сказал ему психиатр. – Давайте попробуем добраться до его корней. Вы готовы признать, что то, что выдели – или вам кажется, что видели, – невозможно в нашей Вселенной?

— Вот именно, в *нашей* Вселенной. А что, если я перенесся во Вселенную, которая существует не по нашим, а совершенно по иным законам.

Фарджон глядел на Грейдона с тем прямолинейным выражением лица, которое наверняка выучил перед зеркалом, чтобы скрывать свои мысли.

— Вы частенько чувствуете, что окружающая среда, люди, да сама Вселенная нереальна, — снова утвердительно произнес он.

— Да всю свою жизнь, — признался Фил. — Но я никогда не чувствовал самого себя нереальным. Я всегда был уверен в том, что я — единственная реальность в этом мире.

Фарджон покивал.

— Ваши грезы — назовем их грезами, не станем придирается к словам, — прямой продукт сильного ощущения нереальности, — сказал он. — Это сидит глубоко в вашем подсознании и, если позволить ему прогрессировать, то оно перерастет в невроз, и потребуются годы на его излечение. Что вы скажете, Грейдон, если вам придется приезжать ко мне ежедневно в течение шести месяцев? И вы будете рассказывать мне обо всем, что делали в своей жизни. Я предпочел бы, чтобы вы начали издавека. Потому что именно в вашем детстве что-то произошло. Тогда, может быть, я сумею докопаться, что именно доставляет вам нынешние неприятности ...

Фил слегка улыбнулся и прервал его.

— Все это бесполезно, доктор.

— Но почему?

— Вы сами кажетесь мне очень нереальным, — сказал Фил.

Что-то заблестело в черных глазах Фарджона, может, предостережение, а, может, и паника. Голос Фила звучал нормально, хотя доктор понял, что он испытывает нечто такое, что может заставить его перешагнуть границу безумия.

— И вы все время чувствовали это, пока мы беседовали здесь? — спросил Фарджон.

— С каждой секундой это становится все сильнее и сильнее.

— Начните рассказывать, — напряженным голосом сказал Фарджон. — Когда я говорю, рассказывать, я имею в виду именно рассказ. Начните с предродовой памяти, если она у вас сохранилась. Попробуйте рассказать мне о всей своей жизни, от начала до настоящего момента. Просто рассказать.

ГРЕЙДОН УРОНИЛ трубку. Он не знал, что происходит, только почувствовал какие-то внутренние конвульсии. Он сидел совершенно неподвижно. Пот выступил по всему его телу. В глазах было такое ощущение, будто они вот-вот лопнут.

– Боюсь, что все этот бесполезно, доктор, – хрипло прошептал он. – Слишком поздно. Все зашло слишком далеко. Например, вы сейчас превращаетесь в сексопуса.

Фарджон, который превращался в сексопуса, подался вперед, глаза у него стали громадные, отчаянные и напуганные.

– Я превращаюсь в сексопуса?

– Ну, да. Вы уже не человек. Вы совершенный сексопус. И я ничего не могу с этим поделать! – Последнюю фразу Фил прокричал голосом, полным муки, и вскочил со стула.

– Вы сексопус, – сказал он доктору Фарджону.

Щупальца сексопуса, который был доктором Питером Фарджоном, принялись жестикулировать в особой манере, что являлось эквивалентом речи.

– Разумеется, я сексопус. И вы тоже сексопус. Но почему это так волнует вас?

– Потому что я – человек! – закричал Фил, тоже передавая этот крик жестикуляцией щупальцев, плюхаясь со стула.

Он шлепнулся на резиноподобный пол и замер от ужаса.

Он лежал на полу вздувшейся массой, покрытой мерцающей слизью, и его двигательные щупальца извивались и корчились, а речевые были неподвижны. Затем он понял, что нет смысла убегать от восседающего на стуле ужаса, потому что он сам был таким же ужасом.

ОН ЗАКРЫЛ свои четыре глаза. Внезапно в голове вспыхнуло знание о том, кто он такой, зачем он здесь и каково его место в этой Вселенной. Фил обрел знания, каких не было и быть не могло у него, как у человека.

Но все же он продолжал рассуждать, как человек.

Это еще одно видение, подумал он.

И открыл глаза.

Видение никуда не исчезло. Доктор Фарджон по-прежнему оставался сексопусом. Он сполз со стула, оказавшегося чем-то вроде углубления из трех перекладин, шлепнулся на эластичный пол и стал наблюдать за Филом с выражением, которое, как уже знал Фил, означало жалость.

Речевые щупальца доктора Фарджона медленно задвигались.

– Вы позволите мне порассуждать вместе с вами?

– Да, – сказал Фил.

– Тогда успокойтесь. Эти видения – ерунда. Главное, ваш глубоко скрытый невроз...

— Вы уже говорили это. И именно тогда превратились в сексопуса. Откуда мне знать, что через минуту вы не превратитесь в кого-то еще?

Четыре глаза Фарджона, не мигая, уставились на него.

— Если вы хотите остаться нормальным, то следуйте моим командам. Расскажите мне о видении, которое только что было у вас. Вы что-то говорили о человеке...

Фил уже не испытывал никаких трудностей при использовании речевых щупалец. Он быстро замахал ими.

— Да, я был человеком. И у меня случилось видения. Страшные галлюцинации об иной реальности.

— Этой реальности?

— Да нет. Они все были разные, не связанные друг с другом. Я был человеком. Я приехал к вам, как человек — вы тоже были человеком — и начал рассказывать вам о своих проблемах, как вдруг вы превратились в сексопуса.

— Ага! Я превратился в сексопуса. А как бы вы описали человека?

Фил описал человека.

ВНУТРЕННИЕ ВЕКИ глаз сексопуса, который раньше был человеком, закрылись. Фил воспринял его усмешку, как непрофессионально ироническую.

— Если подумать об этом существе, — сказал Фарджон, — то мы можем сказать, что такое существо, которое вы описываете, не существует, да и не может существовать. Поскольку, видите ли, человек ваших видений основан на принципе, в котором семь плюс четыре дают одиннадцать, или десять плюс двенадцать — двадцать два. Поэтому мы спокойно можем отбросить все эти бредни о человеке и...

— Нет, не можем! — взволнованно замахал речевыми щупальцами Фил. — Потому что — видит Бог! — четыре плюс семь и *есть* одиннадцать. Разве не так? — добавил он, внезапно заколебавшись.

— В ваших видениях, может, и так. Но в подобных видениях явные ошибки всегда принимаются за истину.

— Ошибки? Говорю же вам, даже сейчас мне совершенно ясно, что четыре плюс семь равняются одиннадцати, и совершенно абсурдно, что эта сумма может быть какой-то иной. Кстати, какой она должна быть, по-вашему?

— Двенадцать. А десять и двенадцать, согласно закону «два держим в уме», составляют двадцать четыре.

— Десять и двенадцать равно двадцати четырем? Боже мой! Но как? Почему?

Фарджон в замешательстве посмотрел на него.

— Это же аксиома, Грейдон, — сказал он. — А аксиому можно доказать лишь самой аксиомой. Но вы же признаете, что ноль плюс ноль равно одному?

— **НАСКОЛЬКО Я** понимаю, — упавшим голосом сказал Фил, — ноль плюс ноль равно нулю и ничему иному.

— Вот как! Равно нулю, который меньше единицы? Но послушайте, вы же это не серьезно. Как тогда, по-вашему, возникла наша Вселенная?

Забавно, цинично подумал Фил, а вслух произнес:

— Значит, тот факт, что ноль плюс ноль равно единице, объясняет создание Вселенной?

— Что же еще может это объяснять? Наша Вселенная существует? Существует. Значит, у нее должно быть начало.

— Да.

— А так, как первоисточник ее не мог быть материальным — потому что для такого первоисточника потребовался бы свой первоисточник, — значит, первоисточник н из чего не возник. Или, напротив, возник из суммы двух ничего. Вы не испытываете затруднений, следя за моими рассуждениями?

— Ни малейших, — ответил Фил, стоя на самом краешке безумия.

— Принцип очевиден. Составная частица нейтрино — самая маленькая из всех возможных частиц, — появилась в результате столкновения двух равных ничто или нолей. А раз сумма двух нолей дает нам нейтрино, то создание Вселенной зависит от закона «два держим в уме», что имеет место при любом сложении чисел меньше десяти. При оперировании числами больше десяти, закон «два в уме» нарастает, и так далее. Этот закон полностью объясняет, почему наша Вселенная постоянно расширяется, и почему будет продолжать расширяться до тех пор, пока не достигнет того неизменного состояния, которые ученые называют — и совершенно правильно — Пустотой Абсолютного минимума. Вот почему, во время сложения семи и четырех, — чисел меньше десяти, — сумма увеличивается и становится равной двенадцати... Мистер Грейдон!

Фил, извиваясь, покатился по эластичному полу.

ЗАТЕМ ЕГО движение остановилось.

Фил резко открыл глаза. И закричал бы, если бы имел функциональный голосовой аппарат. Но у него не было такового.

Возле него стояло мрачное чудовище с крыльями, как у летучей мыши, и мерно взмахивало этими крыльями, словно хотело разогнать темноту, простирающуюся во все стороны до бесконечности.

И Фил вдруг понял, хотя не было ничего, относительно которого он мог бы двигаться, что он летит с ужасающей быстротой.

У него не было тела.

Однако он почему-то чувствовал, что крепко стискивает зубы.

— Убирайся, дьявол! — сказал он каким-то странным способом, какой стал вдруг возможен.

Ужасное существо продолжало взмахивать крылами.

Но свинячьи глазки чудовища были почему-то полны печали.

— Это не правильно, — откашлявшись, сказала чудовище. — Это я должен уйти.

Фил, чувствуя, как его переполняет ненависть, сказал своей псевдоречью:

— Какая из Вселенных реальна: в которой ноль плюс ноль равняется нулю, или ноль плюс ноль равно единице?

Чудовище глянуло свинячьими глазками куда-то вдаль, словно там искало ответа, затем вновь обратило взгляд на Фила и, словно с ужасным предчувствием трагедии в глазах, произнесло одно лишь слово.

— Убирайся! — закричал Фил, взмахивая воображаемыми руками.

— В тебе есть что-то ужасное... что-то, что я не могу выносить... ты внушаешь мне отвращение... ты источаешь слизь... А, кстати, куда мы летим?

— В другое место.

— То есть, ты не знаешь, куда?

— Нет, хозяин.

— Почему ты называешь меня хозяином?

— Потому что я должен оставаться с вами навсегда.

— Но я не хочу, чтобы ты оставался со мной навсегда. Я этого не вынесу!

Крылья летучей мыши замахали немного быстрее.

— Но в действительности вы хотите меня. И скоро сможете выносить. Скоро, — прошлепали его свисающие губы. — Как только ты поймешь, кто я.

— Так кто же ты, дьявол?

— Я — Элейн, — мрачно сказала чудовище. — То есть, вы хотите, чтобы я был Элейн. И я знаю, что вы жаждете ее.

— **УБИРАЙСЯ!** — опять закричал Фил. — Ты не можешь быть Элейн! И никогда ей не станешь! Ты ужасен! Будь ты проклят, убирайся и больше никогда не возвращайся!

Крылья летучей мыши поникли. Чудовище отстало и растворилось в темноте. Но из темноты донеслось:

— Я вернусь!..

А затем, перед лицом Филипа Грейдона появился другой Питер Фарджон. Точнее, не совсем перед лицом. И вообще не перед лицом, а, скорее, просто летел рядом в том же направлении, куда Фил летел и до доктора Питера Фарджона, хотя слово «направление» было бессмысленным в абсолютной пустоте и темноте.

Доктор Питер Фарджон оказался теперь существом, не имевшим вообще никаких размеров, но Фил тут же вдруг как-то понял, что в нем самом заключена вся известная Вселенная, как и в Питере Фарджоне заключена Вселенная, известная Фарджону, и они с Фарджоном занимали одно и то же место, хотя летели совершенно раздельно, и это было состояние, которое нельзя описать или даже назвать ни одним известным словом...

— **ВИДЕНИЯ — ЭТО** интересные образы, которые создает разум, работающий в условиях отсутствия сознания, — сказал доктор Питер Фарджон.

Фил сосредоточился на этой мысли.

— О каких видениях я вам рассказывал?

— Об одном, о Вселенной человека. И у ваших видений, кажется, есть определенная когерентность. Например, фантастическая Вселенная, как вы ее описываете, никоим образом не соотносится с самым уникальным, универсальным принципом, которому следую я. Вы называете его расстоянием. Да, возможно, в вашем видении и существует решение, объясняющее все противоречия в вашей космогонии. Теория о расстоянии. И даже у вашего понятия времени есть интригующие возможности, хотя оба понятия тупо отмечают закон...

Фил глянул на него холодно и недружелюбно.

— Мои видения дали мне полное доказательство и образы времени и расстояния. Но в моей собственной Вселенной, которая была в этом видении, человек не был способен осознать эти понятия. Я сам не мог их осознать.

— Но теперь, когда вы находитесь в реальной Вселенной, вы ведь понятия не имеете о том, что такое время и расстояние?

— Наоборот. Именно теперь я понял суть и смысл времени и расстояния.

— Вы говорите, что можете определить их условия?

— Для того чтобы возникло понятие расстояния, нужны два объекта, — ответил Фил. — Для определения времени нужно, чтобы эти объекты начали изменять свое состояние относительно друг друга.

— Я не понимаю, что вы называете объектами, — встревожился вдруг Фарджон.

— Мы — объекты. Мы — два объекта.

— Ну, нет, — сказал Фарджон, возбужденно пытаясь осознать его слова. — Мы — это все. Грейдон, это именно то, чего я не могу постичь. У вас было какое-то сверхъестественно реальное видение. Я даже начинаю думать, что оно и было реальным. Потому что, если это видение является реальностью, потому что, когда Вселенная человека была уничтожена вами, то она сохранилась в умах других...

— Она должна быть реальностью, — сказал Фил, чувствуя, как разум его заболел и готов блевать, а сам он, поняв смысл скорости, почувствовал под своим несуществующим телом неприветливые мраморные плитки, на которых, отдыхая, свернулось отвратительное, чудовищное тело того, кто должен быть с ним всегда, и очередное видение возникло и заполнило все сознание Филипа Грейдона.

ФИЛ С УЖАСОМ уставился на этого Другого, — на чудовище, в мрачной глубине свинячьих глазок которого все же светилась надежда.

— Вы уже знаете? — нетерпеливо спросило чудовище.

— Мне кажется, ничего нельзя знать.

— Да! — взволнованно воскликнуло чудовище.

— Но, с другой стороны, во Вселенной все познаваемо.

— О, хозяин, и то и другое верно!

Чудовище взмахнуло своими благоухающими крылами и встало, чуть присев, умоляюще протянув к отшатнувшемуся Филу белые руки, с неуместно привлекательной улыбкой на чудовищном лице.

— Соблазни меня! — с мольбой пробулькало оно. — Это же я, Элейн!

Желудок Фила скрутило тугим узлом.

Лицо его перекошилось от ярости, пальцы скрючились, точно когти.

— Ты никогда не сможешь быть Элейн! — заорал он и взмахнул когтями в воздухе.

Чудовище исчезло, и внезапно на Филипа Грейдона нахлынуло другое видение.

ОН БРОСИЛСЯ бежать, не делая ни малейших усилий своим странным, неописуемым телом, но с бесконечно уставшим сознанием. И при этом он думал, что, должно быть, бежать теперь придется вечно.

Рядом с ним бежало какое-то другое существо, дальше еще и еще, и так, куда видел глаз, бежали они бесконечной шеренгой.

Они бежали в сияющем солнечном свете по плоскости, совершенно гладкой и ровной, совершенно монотонной и уходящей

за далекий горизонт, где что-то светилось насыщенным розовым светом.

— Сколько времени мы уже бежим? — спросил Фил, повернув голову к существу справа.

Существо с любопытством посмотрело на него.

— Это же зависит от того, какого вы возраста, не так ли?

— Я бегу всю свою жизнь.

— Естественно. Иначе вы бы и не были живы, верно?

— Я собираюсь перестать бежать, — со странной усмешкой сказал Фил.

— Предполагается, что я должен сожалеть? Или вы просто больны?

— Болен?

Но этот вопрос остался без ответа.

— Если хотите перестать бежать, остановитесь. Остановитесь и исчезните.

Со странной, кривой усмешкой на лице Фил перестал бежать. Шеренга тут же обогнала его и умчалась вдаль. Существо, с которым Фил разговаривал, оглянулось, словно не веря своим глазам. Затем холодно рассмеялось.

— Вы уже уменьшаетесь, — крикнуло оно на бегу, потом отвернулось и постаралось не отставать от шеренги.

ФИЛ ОСТАНОВИЛСЯ, глядя, как шеренга бегущих существ убегает к розовому горизонту. Она становилась все и меньше и меньше, причем уменьшалась как в высоту, так и в длину, пока совсем не исчезла.

— Они исчезли для меня. А я — для них. Моя судьба не хуже, чем их, хотя они бегут изо всех сил, а я стою на месте.

Его неопишемое тело опустилось на пыльную, монотонную плоскость. Много часов он сидел и думал.

Наконец, поднял глаза. И из серого далека появился тот, кто всегда должен быть с ним, мрачно взмахивая крыльями. Он приблизился, и его свинячьи глазки с облегчением уставились в лицо Фила.

Чудовище откашлялось.

— Вы еще не poznали истину?

— Нет. Убирайся.

Вялые крылья стали бить сильнее. Чудовище полетело назад, и когда скрылось с глаз, Фил оказался в иной Вселенной.

Законы этой Вселенной были немыслимы для человека.

Фил появился в ней и снова увидел чудовище с крыльями летучей мыши.

– Убирайся.

Чудовище убралось, и Фил приготовился к бесчисленным погружениям в хаотичную группу Вселенных.

Он увидел невероятные Вселенные, где не было никаких известных человеку законов. И где бы он ни появлялся, тут же прилетало чудовище с крыльями летучей мыши. И вот, наконец, Фил остановился в своем хаотичном путешествии.

– **МОЖЕШЬ БОЛЬШЕ** не уходить, – сказал он чудовищу.

То свернуло крылья, встало вывернутыми ногами на твердь и свинячьими глазами уставилось во тьме на Фила.

– Наконец-то ты решился встретиться с этим лицом к лицу. Ты многое узнал. И ты узнал, что всему, что ты узнал, есть неопровержимые доказательства.

– Кто ты?

– Я твоя Элейн, если ты хочешь, чтобы я была ею.

– Не хочу. Ты ужасно. А Элейн была прекрасной.

– Но я еще никогда не была Элейн.

– Я держал Элейн в объятиях. Мы любили друг друга. Как ты можешь быть Элейн?

– Ты очертил условия. Я – символ Элейн. Можно сказать, что я инвертированный символ Элейн. А твой рассудок борется с твоим же рассудком.

Рассудок борется с рассудком?

А где тогда Филипп Грейдон?

Филипп ли Грейдон стоит здесь, в определенном месте, на определенной тверди, с истощенными и утраченными эмоциями?

Но весь ли ужас так же утрачен им? Фил почувствовал, что его мысли невольно закрутились в стремительном водовороте.

– Если Элейн была настоящей, – сказал он, – то и Вселенная людей была настоящей. А другие Вселенные были видениями, вымыслом. Иначе к чему бы мне стремиться, чтобы Вселенная людей, как я ее себе представляю, была единственно реальной, а не другие Вселенные?

– Ты создал слишком заверченный образ, – сказала чудовище.

– Ты разрешил Вселенной человека сохраняться слишком долго. Поэтому и заболел. Ты создал инвертированный образ Элейн, и я – это она.

Водоворот мыслей кружил все быстрее.

– Я что, создал тебя мысленно? – спросил Фил.

– Ты обладаешь особыми способностями, хотя и не можешь знать о них. Поэтому я – это ты, разговаривающий сам с собой. И я – Элейн, которая сама по себе и одновременно все, что еще будет.

прими меня, как Элейн. Или измени свое большое представление о красоте.

ФИЛ СНОВА отступил от разбухающего, как на дрожжах, двунного чудовища.

– Ты должно быть Элейн, и никем иным.

Чудовище замерцало и вновь превратилось в Элейн.

Фил взмахнул рукой так яростно, словно хотел разрубить небеса.

– Ты – Элейн! – крикнул он.

Элейн шла к нему, улыбаясь, но тут же превратилась в торжествующе осклабившееся чудовище.

Фил еще раз отступил, охваченный знакомым уже ужасом.

Затем собрал все силы своего разума в единый приказ.

Чудовище тащилось к нему, протягивая руки и бормоча:

– Я – Элейн, хозяйин, которую ты желаешь.

В нем не было ничего от реальной – или не реальной – Элейн.

Лицо Фила исказилось в чудовищно безобразную маску, он скрючил руки, как когти, и завопил:

– Пошло прочь! Элейн ты или чудовище – убирайся с глаз моих и из сознания, и оставь меня наедине с моей пустотой!..

ОН СТОЯЛ в каком-то месте на какой-то субстанции. И тут не было никого, кроме него самого.

Какое-то время Фил стоял, глядя туда, где в последний раз стояло чудовище. Потом в голове загудели вопросы и его губы сложили их в слова.

– Кто такая Элейн? – спросил он, и слова отразились циклопическим эхом. – И кто такое чудовище? – Эхо взревело, утроилось и смешалось в оглушительный рев. – А кто такой Филип Грейдон?

И хотя в абсолютной пустоте этой Вселенной был один лишь Филип Грейдон, он все равно ждал ответа от самого Бытия. Но слышал в ответ лишь эхо собственного голоса, все повторяющего и повторяющего этот вопрос.

The creator, (Future Science Fiction, 1959 № 10), пер. Андрей Бурцев

FEBRUARY

SUPER SCIENCE

SERIES

20¢

THE

FICTION

TWO OUTSTANDING NOVELS

THE PERSECUTORS

by **CLEVE CARTMILL**

SUNWARD FLIGHT

by **ARTHUR LEO ZAGAT**

ROSS ROCKLYNNE • HARRY WALTON • WM. MORRISON • AND MANY OTHERS

МИР НА ПРОДАЖУ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Межзвездные «зайцы»

Межзвездный корабль «Кларион» приземлился на посадочном поле Нью-Йорка под звуки фанфар. Играли духовые оркестры, высокопоставленные лица встречали гостей, из толпы бросали им цветы, люди махали руками, безумно кричали, целовались, обнимались, в общем, делали все то, что обычно делают, принимая тех, кто надолго был разлучен с родной планетой.

Впрочем, было два пассажира, которых не приветствовали и не встречали — да они и не жаждали никакой встречи. Используя своего рода митоз, тот же самый митоз, который позволяет кровяным клеткам проникать через стенки вен, эти два странных пассажира проникли через оболочку корабля под самыми дюзами и затаились в их тени, с некоторым замешательством рассматривая ликующую толпу.

Ты видишь это? — телепатически воскликнул тот из безбилетных пассажиров, кто был покрупнее. — Кто мог ожидать, что существует еще одна населенная планета, кроме Недотены? Почему же мы сами не додумались создать космический корабль? Но, если поразмыслить, то прежде создания корабля, у нас должно быть еще множество таких штучек, которые здешние создания называют инструментами. И, что столь же важно, нужны знания и технические навыки. И даже этого будет мало. До создания космических кораблей лежат века и века отработки и усовершенствования методики поисков. Правда, нам для этого инструменты не нужны. Мы уже обладаем самым совершенным инструментом — поглощаем все, с чем приходится контактировать. Но это еще не означает, что нам будет легко построить космические корабли, так что мы будем и впредь оставаться на Недотене, ожидая визитов случайных космических кораблей с планет, где есть вода, чтобы тайком путешествовать на них. И я уже волнуюсь о том, как мы будем возвращаться.

А к чему об этом волноваться? — спросил его другой, тот, что поменьше. — Я уверен, что, благодаря нашим специфическим возможностям, мы справимся с чем угодно. Например, понял ли ты, что у людей обладание какими-то предметами, объектами или символами является гарантом их высшего наслаждения? Почему бы нам не попытаться для начала завладеть чем-нибудь?

Не забывай, — напомнил первый, — что для того, чтобы владеть, ты должен оказать услугу.

Значит, мы окажем эту услугу.

Но для этого нам придется стать людьми.

Тогда станем людьми.

Меньшее из существ заколебалось.

Н-нет, — наконец, решило оно. — Не так сразу. Давай сначала осмотримся.

Он создал псевдоподию и указал на край толпы, которая уже потихоньку редела. Там, на земле, несколько ворон рвали пакетики с крекерами, которые кто-то обронил.

Давай на некоторое время станем птицами. Тогда у нас будет возможность найти то, чем мы захотим владеть.

Большее существо согласилось, и они нацелили на это свои умы. Сразу стало понятно, что им предстоит нелегкое дело. Это потребовало концентрации, выходящей за человеческие рамки. И действительно, если бы люди могли настолько концентрироваться, то они тоже были бы в состоянии выполнить подобные подвиги.

Преобразование заняло минут пятнадцать. Появились перья, черная окраска, потом крылья и клювы. Затем оба существа — большее звали Карайлайраба, а меньшее Оо, — захлопали крыльями, поднялись и полетели.

Они стали воронами. Для этого им пришлось пожертвовать одной из своих способностей, при помощи которой можно было бы мысленно переговариваться с любыми существами. Однако друг с другом они могли общаться по-прежнему.

НУЖНО ОТМЕТИТЬ, что у существ с планеты Недотепа были линейные, однонаправленные умы. Да, они были разумны, даже чрезвычайно разумны. Но, разбираясь в человеческих мыслях на звездолете «Кларион», частенько путались в различных оттенках и окрасках определенных мыслеобразов. У них не было критериев, которые позволили бы им точно понять значение тех или иных мыслеобразов. Поэтому абстракции в сознании людей частенько принимались этими существами за действительность. Например, так было со Статуей Свободы. Они решили, что нашли саму свободу, которая имела такой чарующий смысл в человеческих умах.

И одновременно они обнаружили, что свобода имеет высший приоритет в человеческих умах, поэтому решили, что это некая материальная вещь, которой хочет обладать каждый.

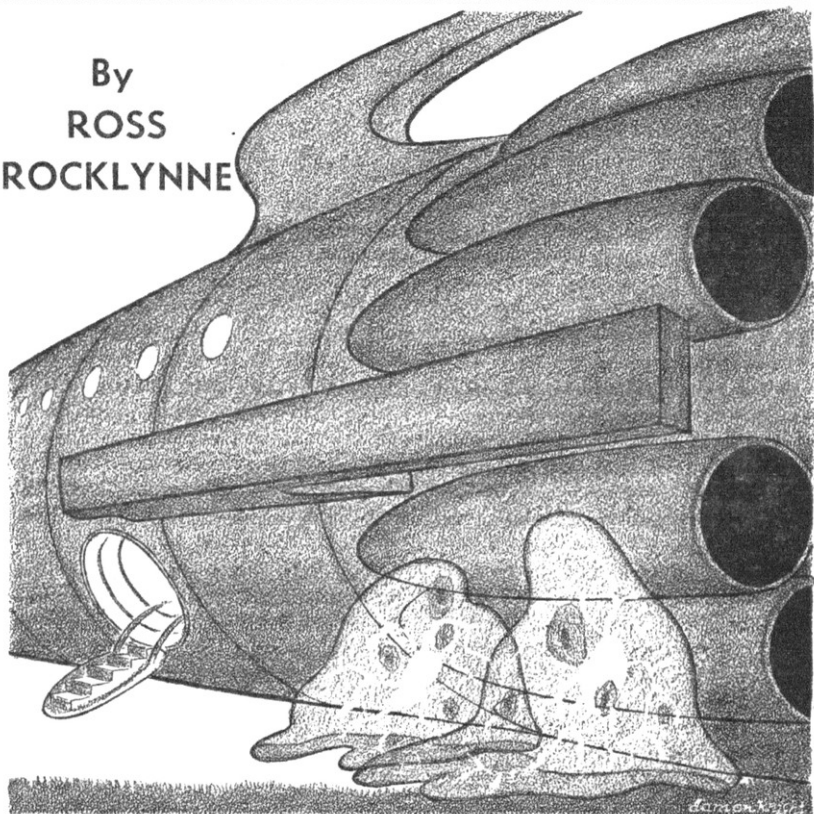
И они решили заполучить Статую Свободы.

Две вороны взволнованно кружили над ней.

FOR SALE—ONE WORLD

Less than animal, yet more than human, strangers from a yet stranger star, they came for their ultimate task on earth—to sell a planet they didn't own, to buy what is never for sale!

By
ROSS
ROCKLYNNE

— Нас ждут великие дела, — прокаркал Оо на вороньем языке. — Если мы сможем занять что-то, первоначально принадлежавшее всему человеческому роду, то будем владеть чем-то действительно ценным. Но чтобы владеть этим, мы должны оказать услугу. А это подразумевает, что нам придется стать людьми.

Карайлайраба спикировал вниз и сел почистить перышки на факел, который леди держала в поднятой руке. Потом зачарованно уставился вниз, на паром Стэйтен-Айленда, который с такой вы-

соты казался просто игрушечным. Оо приземлился возле собрата и, как обычно, взялся за составление планов дальнейших действий.

— Но мы должны стать не просто двумя людьми, — поправил он. — Мы должны стать двумя *важными* людьми. Карайлайраба, а где, по твоему, могут находиться два важных человека?

Карайлайраба просмотрел все свои недавно полученные знания о человеческих делах.

— На верхнем этаже крупнейшего отеля в городе? — рискнул предположить он.

— Точно! — радостно воскликнул Оо. — И я так подумал. По крайней мере, оттуда мы можем начать. Вперед!

В апартаментах верхнего этажа самого роскошного отеля Нью-Йорка они обнаружили вдвое больше, чем ожидали. Короче говоря, они нашли там Гарри Робертсона и Ангуса Пендлера, седовласого секретаря Гарри и одновременно его партнера. И, к своей радости, Карайлайраба и Оо тут же поняли, что эти двое тоже прилетели на звездолете «Кларион», на котором прибыли на землю два существа с Недотепы. Насколько они могли понять, Гарри Робертсон и Ангус Пендлер были учеными и носили перед именами приставку доктор. Оба они были нематологами, короче говоря, изучали круглых червей.

Оо быстренько изучил младшего — Робертсона, — с определенным интересом. Мысли Робертсона были заняты одновременно двумя вещами — червями и любовью. После долгих размышлений Оо решил, что черви реальны, а любовь — абстрактна. Первое относилось к третьей планете звезды Бетельгейзе, планете, которой владел Робертсон, и на которой круглые черви составляли почти единственную животную форму жизни. Второе же было неотрывно связано с девушкой по имени Мэри Лу Эванс. И Мэри Лу Эванс, и Гарри Робертсон использовали идиому *любовь*.

Однако, самым важным аспектом Гарри Робертсона являлось то, что он действительно был знаменит и очень интересен всему миру в целом, а медицине в особенности. Вот почему он занимал угловые апартаменты верхнего этажа отеля «Аризона». Этот роскошный номер был ему предоставлен ЗМА — Земной Медицинской Ассоциацией. Последние два года Гарри Робертс провел на своей, полной червей, планете. И, открыв сыворотку, которую вырабатывали эти черви и которая лечила несколько неизлечимых прежде заболеваний, Гарри Робертс вошел с историей медицины. Услуга, которую он оказал Человечеству, не поддавалась расчетам.

ОО И КАРАЙЛАЙРАБА сидели на подоконнике в тридцати семи этажах над каньонами города и следили за Гарри. Гарри рас-

хаживал взад-вперед, иногда ударяя кулаком себе по ладони со смачным звуком. И, делая это, он говорил, не переставая. Его голубые глаза сверкали гордостью, иногда он останавливался и отбрасывал назад непокорный темный вихор, но тот снова падал на его бронзовый лоб.

Оо и Карайлайраба понятия не имели, о чем он говорит, поскольку не знали английского языка. Единственным слушателем его речи был Ангус Пендлер, который сидел, скрестив тонкие ноги, его глаза с морщинками в уголках внимательно наблюдали за всеми жестами Гарри. Время от времени Ангус кивал, словно довольный тем, что говорил Гарри. Несколько раз широко усмехался, словно Гарри произносил нечто забавное.

— Если я стану Гарри Робертсоном, — с сомнением сказал Оо, — то сумею ли быть таким же забавным, чтобы обмануть окружающих.

— Заранее трудно сказать. Если юмор Гарри Робертсона врожденный, то ты получишь его, так же, как все его врожденные функции — речь, жестикуляцию, манеру дыхания, сердцебиение и все такое. Однако, я думаю, что юмор Робертсона наигранный. Кажется, он просто что-то репетирует. А это может означать, что мы окажемся в щекотливом положении. Поскольку у тебя лучше выходят подобные вещи, то ты займешь место Робертсона, важного члена дуэта. А я стану Ангусом Пендлером.

Оо согласился. И они проникли внутрь. Для чего методом митоза прошли сквозь стекло, вернувшись к своей исходной протоплазматической форме. И тут же пустили в ход процессы, позволяющие им копировать чужие тела. Потом закрепили картинку в уме, протекли под дверь и сосредоточились, чтобы извлечь вещество из воздуха, поскольку каждый из них был куда меньшего объема, чем человек.

Тридцать минут спустя копия Гарри Робертсона, совершенно идентичная оригиналу вплоть до самых крошечных капилляров внутри блестящего смокинга снаружи, неловко сидящего на его фигуре, вышла из туалета, сопровождаемая копией Ангуса Пендлера. Они прошли по толстому ковру в просторное помещение, где два человека что-то энергично обсуждали. Ангус откинулся на спинку кресла, положив ноги на стол. Гарри Робертсон стоял спиной к нему и, соответственно, спиной к копиям. Из их слов, которые он теперь понимал, Оо выудил, что они обсуждают некоего человека по имени Джон Хаггинс Рэндольф. Эти двое никогда не встречались с Джоном Хаггинсом Рэндольфом, но у них были различные неприятные удаленные контакты. Рэндольф был владельцем «Трансвселенской фармацевтической компанией».

Ангус первым увидел копии. Он замолчал так резко, словно язык ему обрубил гильотина. Затем сглотнул и стал медленно бледнеть.

— Сейчас ты не владеешь своими обычными способностями, — властным голосом сказал ему Карайлайраба. — Спи.

Ангус тут же отвесил челюсть, словно был разбит параличом. Потом попытался встать, но мышцы не послушались, и он осел в кресле, закрыв глаза.

Гарри Робертсон повернулся и на мгновение встретился взглядом со своим двойником. Оо сказал ему медленно и отчетливо то же самое. Гарри Робертсон упал, окостеневший, как стойкий оловянный солдатик, которого подвел постамент. Оо вовремя успел подхватить его, чтобы не дать удариться головой об угол стола. Он поднял Робертсона на руки и понес в туалет. Карайлайраба последовал за ним, неся Ангуса Пендлера. В туалете они положили обоих у стенки и тихонько закрыли дверь.

Оо постоял, прислушиваясь. Но слышно было лишь тяжелое дыхание продублированных оригиналов.

— Нельзя пускать сюда никого, пока мы не сумеем предоставить услугу, которая даст нам взамен Статую Свободы, — сказал Оо, для практики говоря уже по-английски. — А для начала можем осмотреть бумаги Робертсона. Вдруг они да помогут нам.

КАРАЙЛАЙРАБА НАШЕЛ на столе портфель Робертсона, полный юридических документов. Оо пролистал их, просматривая содержимое. И позволил своим губам растянуться в естественной восхищенной улыбке, когда наткнулся на документ, подтверждающий правовой статус владения Робертсона планетой. *«Планета, — было написано в документе, — находится в трети поперечника системы звезды, определяемой Межзвездной Палатой, как Бетельгейзе, и в афелии располагается в семистах сорока семи миллионах (747 000 000) километров от вышеуказанной звезды, а в перигелии в четырехстах двух миллионах (402 000 000) от той же вышеуказанной звезды, причем один оборот ее вокруг оси проходит за четырнадцать часов, десять минут и десять секунд, что подтверждается штампом на данном Документе, подтверждающем правовой статус владения вышеуказанной планетой, а период оборота ее вокруг упомянутой звезды под названием Бетельгейзе, равно семи и восьми десятых (7,8) года по исчислению Земли, и планета имеет наименование Нарган на языке Наргов, которые прежде владели всей системой вышеупомянутой звезды Бетельгейзе».*

— Наверное, это именно то, что нам нужно, — радостно сказал Оо, добравшись, наконец, до конца первого предложения Документа. — Это же та самая планета, червей которой Робертсон использовал, чтобы предоставить Человечеству очень полезную услугу. Техни-

чески и официально, этой планетой владею теперь я. И, возможно, мы найдем возможность обменять эту планету на Свободу.

Карайлайраба — Ангус Пендлер — задумчиво потер покрытый седыми волосками подбородок.

— Но, возможно, Гарри Робертсону это не понравится. Прими во внимание, Оо, что мы улетели с нашей планеты, чтобы позабавиться, а не для того, чтобы делать несчастными других людей. У Робертсона могут быть свои планы на эту планету, которые мы еще не почувствовали.

— Чепуха! — Оо сложил документ, подтверждающий правовой статус, и убрал его в карман пиджака. — У кого бы ни оказались черви, он предоставит такую же услугу, что и Робертсон. Ты же сам знаешь, что земные ученые — это абсолютно самоотверженные люди, которые думают лишь о счастье Человечества, их не волнуют ни заслуги, ни слава, они просто хотят работать. Это же написано в той книге, которую на звездолете читала старая леди.

Он вернулся к разбору документов, но в это время настойчиво зазвенел мелодичный звонок. Оо-Робертсон машинально направился к двери, но тут же передумал и кивнул вместо этого на дверь Карайлайраба. Судя по лицу Карайлайраба, ему это не понравилось. Оо было почти смешно наблюдать, как Карайлайраба мучительно размышляет, не делает ли он чего, не характерного для Ангуса Пендлера.

Но ему не долго предстояло переживать. Оо тут же услышал радостный женский крик.

— Ангус! Ангус, как я рада вас видеть! — Пауза, чмокание. — Вы ничуть не изменились. Я только что прилетела — спасибо, Ангус, я сама положу сумочку — из Сан-Франциско! И попала в ужасную толчею... я всю дорогу использовала дорожку десятого уровня. Так что я совсем *затыхалась*... Гарри! Гарри!

Раздался стук бегущих каблучков, и в холл из-за угла выбежала земная девушка. Она была одета в поразительное сочетание синего и красного. У нее было круглое лицо и полные губы, а также изящная фигурка. Ее голубые глаза буквально сияли.

— Гарри! — закричала она. — О, мой любимый!

Оо был ошеломлен, когда она кинулась к нему в объятия, крича, смеясь и что-то при этом тараторя. Когда он слегка пришел в себя, то поцеловал ее наугад в лицо и попал прямо в полные губы, затем плотно ее обнял, понимая, наконец, что означали мысли Робертсона, когда он думал о любви.

— Моя родная, — хрипло прошептал он. — Моя чудесная! Мне так не доставало тебя... Это было такое мучение...

— Она откинула голову назад.

— А как ты думаешь, чем это было для меня? — отчаянно прокричала она в ответ. — Я все время думала, как ты там, в полном одиночестве, не считая Ангуса, нарганцев и, разумеется, этих гадких червей! О, Гарри!

Она снова впилась в него поцелуем. Затем отступила и критически окинула все его метр восемьдесят роста, после чего снова бросилась его обнимать и неистово целовать.

— Я люблю тебя, такого большого болвана, который улетел и бросил меня! Но вот теперь-то мы непременно поженимся!..

Она вдруг замолчала и взглянула на свои наручные часы.

— Твоя речь! — неистово завопила она. — Уже через полчаса... Идем, я арендовала наземный автомобиль. Я еду с вами...

— Моя речь? — пробормотал Оо.

— О, Гарри! Ты ничуть не изменился! Разумеется, тебя уже ждут. Неужели тебя ничуть не волнует, что собрались все знаменитости и ждут тебя — только тебя одного? Неужели ты не взволнован?

Она ринулась к двери, таща Оо за руку, так что он был вынужден бежать за ней. Он бросил взгляд на Карайлайраба и услышал его телепатические мысли:

Ты должен довести дело до конца. Ты должен произнести речь — вероятно, о червях Робертсона. Вспомни, Оо, это и есть щекотливое положение.

Очень деликатное! — с трудом выдохнул мысли Оо, пока Мэри Лу тащила его к лифту. — Найди какой-нибудь выход! Я же ничего не знаю о червях! И ты знаешь, что я не знаю. Карайлайраба, мне это не нравится. Все развивается слишком стремительно. Если бы у меня было время подготовиться, я бы нашел записи речи Робертсона... то, что он репетировал.

Дверь лифта закрылась и, что бы там ни ответил Карайлайраба, Оо не воспринял его мысли, а лифт уже спустился вниз и невеста потащила его через расходящиеся по домам толпы пешеходов. Потом она запихнула его в низкий гравитомобиль, со смехом втащила туда же Карайлайраба, влезла сама и снова впилась в Оо долгим поцелуем.

— О, любимый, я так тебя люблю! И я так горжусь тобой, отшельник ты мой... Но ты как-то ведешь себя неправильно! Ну, разве ты совсем-совсем не волнуешься? А речь-то твоя готова? Держу пари, что это будет речь века! О, любимый! Ты наверняка скажешь что-то такое, что все будут смеяться до упада! Ты великий и непревзойденный, любимый!

Впервые в жизни Оо был совершенно ошеломлен. Он мог бы поклясться, что не так-то просто оказалось заполучить свободу. Он не видел ничего такого в том, чтобы общаться с сотней или с сот-

ней тысяч человек. Он вообще не знал, что такое *страх сцены*. Но произнести речь о червях — причем об определенном виде червей, о среде обитания которого, внутреннем устройстве или других характеристиках он не знал абсолютно ничего, — было за пределами его возможностей.

Мы, — кольнула Оо острая мысль Карайлайраба, — *могли бы просто смыться*.

О, нет! — эта идея ужаснула Оо. — *Сбежать... и оставить это симпатичное молодое существо тонуть в одиночку? Вспомни, я люблю ее — точнее, ее любит мое тело, мои инстинкты и мой таламус! Подумай лучше, что мог бы сделать настоящий Гарри Робертсон. Никакой человек, каким бы великим он ни был, не может так пренебрежительно обходиться со своими подчиненными. Нет-нет, я должен довести дело до конца. Однако признаюсь, что пока что не вижу выхода. А теперь помолчи... и дай мне подумать.*

ГЛАВА ВТОРАЯ. Планета на продажу!

КАРАЙЛАЙРАБА ЗАМОЛЧАЛ, зато Мэри Лу не закрывала рта. К тому времени, как они добрались до аудитории, в голове у Оо было пусто, как на тонущем корабле, с которого уже сбежали все крысы-мысли. Он последовал за Мэри Лу через задний вход.

У Оо остались лишь неопределенные воспоминания, что его держат за руку и заставляют бежать и бежать, пока он не прибежал в зал, в котором слышался гул голосов тысяч мужчин и женщин.

Он повернулся, чтобы взглянуть на Мэри Лу, и она нежно поцеловала его.

— Я буду в зале, любимый, — шепнула она. — Я наверняка не пойму ни слова из того, что ты сейчас скажешь — как не понимала то, что ты писал мне в письмах о червях. Я не понимала *ни слова!* Но все равно, любимый, удачи тебе!

Она ушла, и рядом не осталось никого, кроме Карайлайраба и сияющего радостью толстяка, который представился, как Григорьев-Донской из Москвы. Впрочем, говорил он на безупречном английском.

— У вас с собой записи? Нет? — Глаза его округлились. — Вы будете говорить по памяти? Замечательно!

— Я могу, — сказал Оо, чувствуя себя так, словно вращается в пол, — быть немного специфичным.

Доктор Григорьев-Донской экспансивно заявил, что Оо может быть сколь угодно специфичным, а так же техничным, если пожелает. Потом он взмахом руки поманил за собой Оо и Карайлайраба, и они вышли в яркое сияние сцены. Оо и Карайлайраба уселись, а

Донской прошел на трибуну и потребовал тишины. Когда зал затих, Донской принялся длинно, нудно и хаотично излагать историю добровольного отшельничества доктора Гарри Робертса на своей планете. Оо уловил фразу «...сыворотку против рака, полученную никогда не использовавшимся прежде методом, а также пагубную для туберкулеза и еще ряда заболеваний, являвшихся до сих пор настоящим бичом Человечества, так что теперь становятся не нужны сульфаты, хинин, грамицидин...»

Что будем делать? — появилась в голове Оо ясная, холодная мысль Карайлайраба. — Ты еще не нашел решения?

Нет.

Настал, — простонал Карайлайраба, — самый черный момент моей жизни. Я уже дрожу при одной лишь мысли о том, через какие муки тебе придется пройти. Я ничем не могу помочь тебе. Нам нужно готовиться к поспешному отступлению.

— И этот человек, о котором я вам рассказываю, человек, который знает червей нематод лучше всех в мире, человек, которого я сейчас вам представляю, находится здесь, во плоти! Доктор Гарри Робертсон!

Доктор Донской шариком скатился с трибуны, а очнувшегося от своих мыслей Оо, казалось, вынес на трибуну поднявшийся шквал аплодисментов, и тысячи ученых глаз буквально впились в него. Оо, стоя на трибуне, подумал с холодной ясностью: *Наверное, нам стоило выбрать не «Аризону», а какой-то другой отель.* Но эту мысль он не стал посылать напарнику.

Он также подумал о том, что они с Карайлайраба должны были бесшумно исчезнуть, как Карайлайраба и советовал.

— Леди и джентльмены, коллеги-нематологи и все, кто выбрал своей профессией медицину, — вслух сказал Оо. — Спасибо вам...

Он замолчал, не зная, что говорить дальше. Готовясь к поспешному отступлению, — протелепатировал он Карайлайраба. — При помощи митоза мы просочимся сквозь пол и... Нет! погоди! Я придумал!! У меня есть что сказать!!!

И у него действительно было что сказать! В памяти вдруг всплыло то, что сказала в гравитомобиле Мэри Лу, что она не поймет ни слова из того, что он будет говорить. Ну, ладно!

И ОО НАЧАЛ говорить. Говорил он четко, ясно и доступно, посвятив первую половину речи псевдоописанию червей в джунглях его планеты.

— Я сам время от времени чувствовал себя подобно червю. — По залу прокатился негромкий, снисходительный смех. — Я резал червей днем и ночью, думая лишь о пользе Человечества. Когда же я

обнаружил, что выделенная мною сыворотка гораздо мощнее всяких там сульфатов, хинина и грамицидина, когда я обнаружил, что мешочки *neces tenebes* полны жидкостью молочного цвета, радости моей не было границ. И я понял, что каждый миг моей жизни должен быть посвящен этому новому *salace*. *Salace*, как вы понимаете, вовсе не таким же простым, как *peppi*— или *аук-торрансины*. Это было нечто совсем *новое*! И я сразу же почувствовал, что мои предположения совершенно обоснованы. — Оо на секунду замолчал, чтобы выпить глоток воды. — А теперь учтите, — он вытянул указательный палец в стороны напряженно притихшей аудитории, — что у меня совершенно новое оборудование. В этом мне помогают наргане. Мои реторты сделаны из специального *тануса*, способного противостоять *лаброидам*. Это очень важно. *Танус*, как всем известно, входит в *кароид* семейства *тонера*. *Лаброиды*, после достижения нормальной суммы *plenum arbitrum*, остаются такими прозрачными, каких требуют мои эксперименты. Ну, каков был мой следующий шаг, вы все уже поняли. Если коротко, вся трудность была в отделении *фосала* от его нематоидных тензоров. Когда это удалось, я удалил лишнее общеизвестным вакуумным процессом, который наверняка описан во всех учебниках. И теперь я должен был успешно выполнить *хемодикал*. Но, к сожалению, так и не обнаружил никакого *хемозиса*. Моя первая попытка *инцилиации* потерпела сокрушительный провал. Кроме того, возникли сложности, вызванные густой взвесью *некис немойдов*. Тогда я и решил обратиться к *инсурбации*. Леди и джентльмены, позвольте мне теперь рассказать об *инсурбации*. Вряд ли это такой сложный процесс, как вы думаете. В данном случае я использовал поворотные столики, чтобы держать *флакисс* в поле зрения. К счастью, червей у меня было много. И воды тоже. Главное, не забудьте про воду. Вот такую.

Оо, мысленно потирая руки, демонстративно отпил еще пару глотков воды и скользнул взглядом по рядам застывших медиков и нематологов. Он увидел и Мэри Лу Эванс, которая тоже застыла, буквально впившись в него глазами. Аудитория зачарованно внимала ему.

Теперь, завладев вниманием слушателей, Оо принялся ходить взад-вперед перед трибуной, время от времени ударяя кулаком по ладони.

— Тогда, — продолжал он, — я начал вторую фазу атаки на упрямый предмет моих исследований. Выпарив остатки потока *лисциент*, я начал дехлоролизацию вен *хемусов*, добавив достаточное количество окрашивающих антител и десять кубиков полученной *фаслиозной* кислоты в поисках, естественно, *стронтифидных* слияний. И вот мое лучшее оборудование выдало десять, тридцать, пятьде-

сят литров. О завершении процесса позаботились мои ассистенты и, к счастью, все обошлось без единого несчастного случая. Я семимильными шагами приближался к цели, и полученная жидкость приобрела желательный багряный оттенок. Снова помучившись, я создал диполь с десятипроцентным раствором *тебаниума*, смешал, выпарил, снова смешал и получил обычно неверно называемый *кориоус* или *флай-стоун*, который иногда, — к моему неудовольствию, — может быть причиной размножения *релискес аудинес* или *паракоидов*. Но червей у меня было много, так что это не затормозило мою работу. Итак, прежде чем мы продолжим, я хочу знать, возникли ли какие-либо вопросы.

Оо тут же захотелось откусить себе язык, потому что после этих слов в переднем ряду моментально вскочил какой-то возбужденный коротышка, откашлялся и заговорил.

— Вы тут использовали слово «*хемозис*» и некоторые другие, которые...

— Я использовал слово «*хемозис*»? — удивленно повторил Оо. — Вы в этом уверены?

— Ну... я... — тут же замялся коротышка.

Оо был тверд и решителен.

— Разумеется, я не использовал упомянутое вами слово. Я даже не уверен, существует ли оно вообще в английском языке. Однако, вероятно, вы спутали *релаксус тербаин* с нематодой или ее сородичами, которые весьма трудноразличимы. Полагаю, теперь вы поняли это, сэр?

Коротышка опустил на свое место.

— Понял, — медленно промямлил он.

Оо продолжал свою речь. Он продолжал еще час и семь минут, и слова с жаром лились у него изо рта, лицо его было искренним, а жесты энергичными. Затем он поклонился и сошел с трибуны. В зале стояла мертвая тишина.

ОО ШЕЛ по сцене, ожидая, что вот-вот рухнувшая с полотка гильотина отсечет ему голову. Затем кто-то захлопал. Возможно, это была Мэри Лу. Ее поддержал кто-то еще. Аудитория быстро раскачивалась. Аплодисменты хлынули волной, и даже доктор Григорьев-Донской поработал пухлыми ручками, со слегка ошеломленным выражением лица бормоча какие-то банальности о великих работах таких людей, как доктор Гарри Робертсон, которые в далеких уголках Вселенной трудятся, используя инструменты и материалы, «которые мало кто из нас в состоянии понять».

Затем Донской опомнился, схватил Оо за руку и принялся ее трясти, тараторя нечто непонятное и потом передал Оо в руки Карай-

лайраба. Они вдвоем помчались к заднему выходу из зала и высокочили в переулок. Оо оперся о стену, мертвенно бледный.

Карайлайраба в страхе смотрел на него.

— Откуда ты столько узнал о червях? — спросил он.

— Это неважно, — выдохнул Оо. — Давай-ка вернемся в отель.

— А как же Мэри Лу?

— Я не могу сейчас общаться с ней, — поморщился Оо.

Они помчались по переулку в направлении большой улицы, когда наперерез им, покачивая тростью, выскочил какой-то толстяк и схватил Оо за руку.

— Доктор Робертсон? Какая невероятная удача! Простите, что докучаю вам! Я даже не стану притворяться, будто понял вашу перенасыщенную специальной терминологией речь — пусть над этим ломают головы большие умы. — Он захихикал, но тут же стал серьезным. — Разрешите представиться. Джон Хаггинс Рэндольф, и я очень хочу познакомиться с вами поближе. Мистер Робертсон, «Трансвселенская фармацевтика» готова купить вашу планету!

Оо ошеломленно уставился на него.

— Купить мою планету?

Карайлайраба тут же телепатически вмешался в их разговор.

Оо, слово «купить», насколько я понимаю, подразумевает передачу чего-то в обмен на символы. Однако, у символов, которыми обмениваются, должно быть равное значение. Рэндольф сказал, что хочет предложить вам такой символ в обмен на планету. Может быть, если мы все сделаем правильно, то этот символ будет достаточно ценен для обмена его на свободу. Между прочим, это тот самый Рэндольф, о котором упоминали наши оригиналы.

Понятно, — телепатически ответил Оо, выдернул руку из ладоней Рэндольфа и осторожно сказал: — Я понял. И сколько же символов вы готовы мне предложить?

— Символов? — недоуменно переспросил Рэндольф, но тут же широко улыбнулся и громко рассмеялся. — Я понял. Хрустики, капуста, зелень, баксы, то есть всемогущий доллар. И мне еще говорили, что вы настоящее дитя в области финансов. — Улыбка его исчезла, он мгновенно стал деловым. — Сто тысяч?

Оо заколебался, наморщив лоб.

— Пятьсот тысяч, — быстро исправился Рэндольф, и в глазах у него появилось нечто ошеломленное.

Рука Оо нервно затеребила галстук.

— А этого будет достаточно, чтобы купить свободу? — осторожно спросил он. — Видите ли, у меня нет желания быть несправедливым, но мне позарез нужна свобода.

Рот Рэндольфа слегка приоткрылся.

— Вы имеете в виду... — Внезапно он отодвинул Оо поглубже в тень. — Вы хотите сказать, — недоверчиво повторил он, — что у вас на хвосте синие мундиры? Да будь я проклят! Послушайте, называю конечную цену — миллион пятьсот тысяч. За такие бабки вы сможете купить себе любую свободу, какую только захотите. Да вам с рук сойдет даже убийство. Как насчет этого?

Похоже на справедливое предложение, Карайлайраба, — протелепатировал Оо. — *Что ты думаешь? Он сказал, что мы сможем купить свободу за его символы.*

Прекрасно! — донеслась в ответ ликующая мысль Карайлайраба. — *Действуй!*

Оо благосклонно кивнул головой.

— Пойдет. Дело, можно сказать, у меня в кармане.

У Рэндольфа дыхание сперло в горле, и он, казалось, немного заколебался. Затем откашлялся. Потом молча схватил Оо за руку и помчался к перекрестку. Там он поймал гравимобиль, посадил в него Оо и Карайлайраба, а через десять минут уже вводил их в офис компании в деловом центре города. В кабинете Рэндольф усадил их в удобные кресла и принялся названивать по видеофону. Сделав штук пять звонков, он повернулся к Оо, весь мокрый от пота.

— Сейчас придут мои адвокаты, — пояснил он, восхищенно посмотрел на Оо и принялся взволнованно расхаживать по кабинету, потирая руки. Казалось, он был весь охвачен ликованием из-за чего-то, чего Оо не мог понять...

Через час Оо поставил подпись Гарри Робертсона на бесчисленном количестве документов. Был составлен план нового проекта, и Рэндольф выписал чек на нужную сумму. Оо смотрел на все это, пытаясь понять все нюансы.

— Мы хотели бы совершить обмен сегодня же вечером, — неуверенно начал он. — Этот чек...

Рэндольф ошеломленно уставился на него.

— Вы хотите получить все *наличкой*? Святой Боже! Но, похоже, вы, парни, это серьезно... Прекрасно!

Он отдал распоряжение адвокатам, и те поспешно удалились. Буквально через полчаса они столь же поспешно появились вновь, неся сумку, полную перевязанных пачек зеленых листов с напечатанными на них цифрами. Рэндольф бесконечно долго пересчитывал пачки, затем сунул сумку в руки Оо.

— Все честно? — быстро спросил он. — Прекрасно! Спасибо, спасибо, господа!

Он чуть ли не вытолкнул их из офиса и захлопнул дверь за собой.

Они не видели, как, оказавшись один, он тут же без сил рухнул на стул. Рэндольф только что купил планету сокровищ за мизерную часть ее истинной стоимости.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. “Никогда не доверяйте человеку!”

НЬЮ-ЙОРК ЕСТЬ Нью-Йорк, неважно, какого он века. Поэтому Карайлайраба и Оо, немного прогулявшись по Бродвею, нашли человека, который согласился продать им Статую Свободы. Это был пятый джентльмен, которому они задали этот вопрос. Четыре предыдущих просто не ответили на вежливый вопрос Оо, а пробормотали нечто невнятное и поспешно ушли. Пятым же был маленький толстячок, который оперся о телеграфный столб и ковырялся в зубах, с некоторым интересом поглядывая на прохожих. Впрочем, интерес его резко уменьшился, когда Оо извиняющимся тоном обратился к нему со своим вопросом, и цвет лица поменялся на слегка зеленоватый.

Секунд тридцать он пытался проглотить застрявший в горле комок, а потом завопил:

— Значит, вы хотите купить Леди? Надо же, вот это совпадение! Я ведь как раз владелец Леди! — Пальцы его задрожали, когда Оо открыл сумку, и тут же ухватились за нее. — Сколько там у вас? — хрипло спросил он.

Когда Оо сказал ему, сколько, у толстячка сделался вид, что он вот-вот упадет в обморок. Но он все же устоял, и, в конечном итоге, оказалось, что Статуя Свободы, по еще одному удивительному совпадению, стоила ровно полтора миллиона, и тут же перешла в собственность двух существ с Недотепы. Должным образом были составлены все необходимые документы. Толстячок сам произвел их на маленьком печатном устройстве в комнате с обоями, усеянными точками мушиного помета.

Затем толстячок подписал документы, Оо тоже поставил свою подпись, и толстячок взял сумку, пожал обоим руки и указал на дверь. Сделка была совершена.

Оо и Карайлайраба шагали широкими шагами, выпячивая грудь колесом. Они чувствовали, что много чего достигли за один только день. Теперь они владели свободой — и точка! Люди, конечно, удивятся, когда узнают об этом.

ВОТ ТОЛЬКО они не знали, что теперь делать со своей Свободой. Однако, была уже полночь, и их тела-дубли выказывали определенные признаки усталости. Они поймали гравимобиль, вернулись в отель «Аризона» и прошли в свой номер. И здесь их

поджидало нечто исключительное. Включив свет, они увидели, что посреди комнаты на полу сидит Мэри Лу Эванс с растрепанными волосами, с дорожками слез на щеках и термоспреем* в руке.

А у ее ног лежали настоящие Гарри Робертсон и Ангус Пендлер. Они дышали, но все еще пребывали в гипнотическом состоянии.

— Ну, — сказала Мэри Лу Эванс, от ужаса с трудом ворочая языком, — давайте, самозванцы, объясните, что происходит, пока я не вскипятила кровь в ваших венах. Если вы быстренько не разъясните мне все, и если ваши разъяснения не покажутся мне удовлетворительными, то я окончательно сойду с ума! Я уже ломала голову над тем, почему вы не дождались меня после выступления. Теперь я думаю, почему ты вел себя так странно. Ты ведь едва знаешь меня! А у тебя еще хватило нахальства меня целовать. Почему... Почему ты... — Она задохнулась, так что пришлось перевести дыхание. — Что ты сделал с Гарри?

Опасная ситуация, — телепатировал Карайлайраба. — *Мы же не супермены, чтобы выдержать тепловые лучи пистолета. Мы умрем так же, как и любой землянин, если она нажмет на курок. Я предлагаю чистосердечно признаться во всем и убедить ее, что у нас совершенно благие намерения — что бы ни значило это слово. Если она обижена на то, что мы продали планету, так мы вернем Гарри владение Статуей Свободы. Это должно ее удовлетворить.*

Оо согласился с этой цепочкой рассуждений. Он, как и Карайлайраба, знал, что теперь опасно вводить девушку в гипносостояние. Потому что мышцы ее сократятся, и тепловой пистолет выстрелит. И все равно, рано или поздно, им пришлось бы объясниться. У них не было желания никому причинять беспокойство.

— Прошу вас, — застенчиво сказал Оо, нервно косясь на оружие в ее руке, — дать нам возможность объясниться перед тем, как вы... э-э... примените «решительные меры».

— Так объясняйтесь! — завопила Мэри Лу. — И что вы можете объяснить? Тут нет никаких объяснений, если только вы не дьяволы или монстры... или если я не спятила окончательно. Этого просто не может быть. *Я приказываю* вам объясниться!

— Мы — монстры, — смущенно поеживаясь, сказал Оо. — По крайней мере, вы назвали бы нас монстрами. Но у нас нет злых намерений. В действительности мы просто амебы-переростки, по крайней мере, так я считаю. Мы обладаем специфической способностью

* Термоспрей — универсальная быстросохнущая термостойкая эмаль в аэрозольной упаковке. Применяется для наружных и внутренних работ. Специально предназначена для окраски. При попадании в глаза сразу же тщательно промыть водой и обратиться к врачу. (прим.перев.)

копировать любые живые существа. — И он рассказал про их первоначальный опыт превращения в ворон. — Наша основная цель состояла в том, чтобы получить во владение Статую Свободы, — продолжал Оо. — И теперь, когда она стала нашей...

Губы Мэри Лу так и открылись.

— Так значит, вы владеете Статуей Свободы? И как же вы ее получили, безумцы?

— Мы отдали за нее полтора миллиона долларов, — сказал Оо, чувствуя, что ступает на тонкий лед.

— А откуда вы взяли полтора миллиона долларов? — ошарашенно продолжала девушка. .

— От человека по имени Джон Хаггинс Рэндольф.

— Больше ни слова, — со смертельной угрозой в голосе сказала Мэри Лу. — Дальше я догадаюсь сама. Вы продали планету Гарри «Трансвселенской фармацевтике»? Так?

— Ну, да. И взамен...

— Вы купили Статую Свободы! — термоспрей выпал из пальцев Мэри Лу, она согнулась и буквально покатилась по полу, смеясь, как сумасшедшая.

Это истерика, — протелепатировал Карайлайраба. — Хотя не могу понять, почему она вдруг впала в истерику. Но она явно не считает, что Статуя Свободы равна по значимости планете ее возлюбленного.

ОО ПОСТОЯЛ в нерешительности. Истерика была разновидностью шока, а в одной из книжек на звездолете он вычитал, что подобное следует лечить подобным. Он решительно наклонился и вклеил Мэри Лу пощечину. Она перестала смеяться, ошеломленно дотронулась до щеки, затем из ее глаз хлынули могучие потоки слез, а плечи начали вертикально колебаться.

— Вы просто бессмысленные идиоты, — едва выдавила она. — Вы сами не знаете, что творите. Вы самые зеленые из всех зеленых человечков. Это смешно, просто смешно. «Трансвселенская фармацевтика» заботится о своей монополии. Теперь у них есть планета и черви, а описание процесса они могут отыскать в любом научном журнале. И сыворотка, которую планировалось продавать всем страждущим чуть выше себестоимости, теперь станет продаваться с тысячепроцентной прибылью. — Внезапно она вскочила. — Ну, не стойте же столбами! — выкрикнула она сквозь слезы. — Разгипнотизируйте Гарри и Ангуса. А я попытаюсь не дать им убить вас.

Человеческая кожа Оо побледнела, и он протелепатировал Карайлайраба:

— Мы все испортили. Мы всем навредили! Я не хочу оставаться здесь и подвергнуться оскорблениям Гарри и Ангуса, когда они проснутся. Примерно через минуту они начнут шевелиться, Мэри Лу отвлечется от нас, а мы тем временем бесшумно удалимся через дверь. Мы даже можем на время сохранить наши человеческие тела.

Карайлайраба послал в ответ мысленное согласие и нервно переминался с ноги на ногу, пока Оо снимал с Ангуса и Гарри гипноз. Оба человека разом открыли глаза, и Мэри Лу с плачем упала на колени возле Гарри. В ту же секунду Оо и Карайлайраба выскользнули за дверь. Они быстренько спустились вниз в лифте, выскочили на улицу и буквально набросились на ближайший гравимобиль.

— Куда угодно! — напряженно велел Оо водителю гравимобиля, машина стрелой помчалась по улице, и лишь проехав несколько кварталов, парочка инопланетян вздохнула с облегчением. Карайлайраба повернул голову и глянул назад.

— За нами никто не гонится, — ликующе воскликнул он. — Теперь мы можем поехать и завладеть Статуей Свободы! Оо, мне кажется, просто невозможно полностью вникнуть в человеческие дела и поступки.

Оо молчал, погруженный в мысли. Наконец, он повернулся и мрачно похлопал Карайлайраба по колену.

— Нет, Карайлайраба, — угрюмо сказал он вслух. — Мы не будем овладевать Леди. Мы не можем.

— Что? — тоже вслух испуганно спросил Карайлайраба. — Но, Оо... разве не это была наша главная цель? Разве не для этого мы стали Гарри Робертсоном и Ангусом Пендлером? Разве мы не согласились, что в продаже планеты не будет никакого вреда?

— Мне очень жаль, Карайлайраба, — мягко сказал Оо. — Я понимаю, как ты хотел свободу. Я сам хотел ее. Но мы должны бросить все это. У нас нет никакого другого выбора. Мы причинили Гарри Робертсу, Ангусу Пендлеру и Мэри Лу огромный вред. И мы должны попытаться все исправить, неважно, какую боль это причинит нам лично.

Карайлайраба был буквально убит горем. В его человеческом горле застрял комок размером с большое яблоко. Но, тем не менее, он коротко кивнул в знак согласия.

— Но как мы сделаем это?

— Вернем полтора миллиона долларов. Мы просто отдадим деньги Рэндольфу, и тот в ответ отдаст нам планету. Карайлайраба, да с нашими специфическими возможностями у нас вообще не будет никаких затруднений!

НЕРВЫ ВОДИТЕЛЯ гравимобиля совсем сдали, когда он затормозил у ветхого домишки в трущобах и принял банкноту, которую Оо достал из бумажника, продублированного внутри смокинга. Оо с Карайлайраба не знали названия улицы, где жил жулик, продавший им Статую Свободы, но помнили направление. Они тыкали пальцами, приговаривая «здесь направо», «а теперь налево», и все-таки прибыли к месту назначения. Когда Оо велел водителю подождать, тот что-то невнятно заворчал с таким видом, словно его вот-вот хватит апоплексический удар.

Подозревая причину недовольства водителя, Оо сказал извиняющимся тоном:

— Мы ненадолго. А если вы знаете, где живет Джон Хаггинс Рэндольф, то сможете сами выбрать маршрут. — И тут же добавил, очевидно, начиная потихоньку понимать человеческие побуждения: — Если вы подождете, то мы отслонявим вам вдвое больше капусты, чем потребуется.

Очевидно, водитель знал, где живет Рэндольф, а, может, действовала сила убеждения Оо. Во всяком случае, водитель согласился подождать.

Оо удовлетворенно кивнул, позвал Карайлайраба, и оба существа с Недотепы канули в тени здания, поднялись по короткой деревянной лестнице и прошли по длинному, неосвещенному подъезду. Оо хорошо помнил дорогу и открыл дверь. Они оказались в темной прихожей, наполненной острыми запахами съестного. Перед ними была вторая дверь. Оо осторожно попробовал нажать ручку, но дверь оказалась запертой.

Чтобы не шуметь, Карайлайраба использовал телепатию.

Вполне возможно, что человека, которого мы ищем, здесь нет, Оо.

Оо был разочарован, но все же протелепатировал в ответ:

Тем не менее, мы должны убедиться.

Несмотря на то, что Оо хотел использовать тело Гарри Робертсона, чтобы совершить обратный обмен Статуи Свободы на полтора миллиона долларов, они не могли войти никак иначе, чем вернувшись к своим исходным протоплазменным телам. Или просто постучать. Но Оо уже смутно подозревал, что человек, которого они ищут, не будет стремиться увидеть их вновь.

Они потеряли человеческую форму и растеклись на благоухающем пищевой полу влажно мерцающими лужами. Однако, в одной псевдоподии Оо держал документ на право владения Статуей Свободы. Они просочились под дверь. Здесь было не так темно, поскольку из другой приоткрытой двери падала полоска света. Еще через секунду они бесшумно протекли в следующую комнату, лишь

часть которой была освещена настольной лампой. За столом под лампой сидел со злорадным выражением лица нужный им толстячок. На столе было разложено полтора миллиона долларов. И пока оба существа смотрели на эту картинку, сальный толстячок внезапно схватил охапку бумажек, подбросил их и с блаженной улыбкой сидел под зеленым дождем.

— У-уу-ах! — шумно выдохнул он.

Ты уловил какие-нибудь его мысли? — спросил Карайлайраба.

Теперь, вернувшись в свою настоящую форму, они могли переговариваться лишь с собой, а мысли других существ лишь с трудом читать.

У меня создалось впечатление, что голова у него наполнена злом, — добавил Карайлайраба.

Оо согласился с ним.

Я уверен, что это первый по-настоящему злой человек, с которым мы столкнулись. Но, в качестве компенсации, у него чрезвычайно развиты религиозные устремления. Религия, — пояснил он Карайлайраба, — это что-то такое, в чем нуждаются люди, когда испытывают затруднения. Карайлайраба, я теперь подозреваю, что этот человек «развел нас, как сосунков». По крайней мере, эта фраза вертится у него в голове. Я точно не знаю, что значит «развел нас, как сосунков». Но, кажется, он полагает, что получил гораздо больше, чем отдал. Поэтому, я думаю, единственным способом, каким мы сможем его убедить взять обратно Статую Свободы и вернуть нам деньги, должен состоять в том, чтобы обратиться к его религиозным чувствам.

Возможно, — с надеждой предложил Карайлайраба, — ты мог бы стать его conscieitce.*

Превосходно! — с энтузиазмом воскликнул телепатически Оо.

У ОО ЗАНЯЛО примерно двадцать минут, чтобы стать совестью жулика — то есть превратиться в копию самого жулика. Все это время толстячок был поглощен неожиданно упавшим на него состоянием. Он ни разу не взглянул за пределы круга света, пока не услышал из окружавшей его темноты осторожное покашливание.

— Проси прощения, сосунок, — хрипло сказал Оо, выдвигая свое круглое тело в круг света.

Стул жулика загремел, падая. Жулик вскочил на ноги и вытаращил глаза на жуткое явление.

— Что это, черт побери? — вполголоса вскричал он. — Кто ты?

* Conscieitce — совесть (франц.) (прим. перев.)

— Твоя совесть, — заявил Оо. — Я на время покидал тебя, но теперь вернулся. За тобой уже едет тюремная повозка. Ты получишь все, что тебе причитается, а может, вообще станешь холодненьким! Ты сын черной кобылы! Ты мошенник, пузан! Ты обманщик! — Все эти слова о выражения Оо, разумеется, взял из мыслей самого жулика.

Обманщик медленно попятился и прилип к стене. Лицо его стремительно бледнело, пока не приобрело легкий голубоватый оттенок.

— Да? — тупо спросил он. — Да?

— Вопрос решен, — заявил Оо, шагнув к нему. — Ты просто грязный плевок под ногами!

— Я? — напряженным голосом пробормотал мошенник и обманщик.

— Да, ты.

— Я просто брежу, — жалобно заблеял жулик. — Это же я сам стою перед собой!..

— Я — твоя совесть, — повторил Оо. — Я твоя надежда и опора, приятель. Видишь, я никуда не деваюсь? Не исчезаю? Не рассыпаюсь в прах? Теперь понимаешь? Ладно, слизень садовый! Сегодня я добрый, вошь, поэтому даю тебе шанс исправиться. Понял?

Жулик стал медленно сползать по стене.

— Я... — задумчиво выдавил он.

— Ну же, смелее, лузга подсолнечная. Включай же свою булавочную головку! Жми на все педали! — продолжал бушевать Оо, все глубже забираясь в дебри спутанных мыслей жулика. — Играй на моей стороне, иначе будешь плакать кровавыми слезами, и ждет тебя параша, а после электрический стульчак! Я правильный парень, но если и раздавлю такого слизня, то никто по тебе не заплачет. Понял? А теперь хватит болтать, садись за стол!

Жулик, уже сидя на полу с закатившимися глазами, едва слышно пробормотал:

— О чем вы вообще говорите? Я ничего не пони...

С глухим стуком его голова ударилась об пол, он перевернулся, несколько раз дернулся и замер в неловкой позе у самой стены.

Оо сглотнул и склонился над потерявшим сознание толстячком.

— Очевидно, — удивленно сказал он, — совесть взяла над ним верх. Это же превосходно, Карайлайраба! Если я правильно оцениваю ситуацию, в противном случае этот слизняк, имея подобное преимущество перед нами, просто присвоил бы себе хабар и сделал ноги, смывшись от легавых.

Я тоже не понимаю ни слова из тобой сказанного, — пораженно протелепатировал ему Карайлайраба.

Оо захихикал в ответ совсем по-человечески.

Пять минут спустя Оо, по-прежнему копируя жулика, вышел из дома, оставив застывшего за столом настоящего жулика, у которого в руках был зажат документ, дающий право собственности на Статую Свободы. Ни Оо, ни Карайлайраба не могли прийти ни к какому другому решению, кроме того, что обратный обмен должен быть полностью идентичным предыдущему, поскольку, по их рассуждениям, почерпнутым из прочитанных на звездолете книг, именно так и делаются дела на этой планете.

В сумке, которую нес Оо, лежали полтора миллиона долларов, а также протоплазматическая масса Карайлайраба.

Таксист лишь мельком взглянул на Оо, и челюсть у него отвисла, а в глазах появилась усталость от сложностей жизни.

— Я думал... — задушено пискнул он.

— Не бери в голову, что ты там думал, Ральф! Я покинул своего приятеля и получил в обмен новый комплект оборудования. Может, это и не тысячебаксовое оснащение, может, и шито кое-где белыми нитками, но к чему мне претендовать на первый класс? Так что шевелись, поддай газку и — полный вперед!

Оо устроился поудобнее на сидении, и гравимобиль рванул по улице. Жаргон из Оо так и пер, но что поделать, такова была плата за копирование соответствующего оригинального тела.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Справедливый обмен

ОО ИСПЫТЫВАЛ затруднения в сохранении равновесия, поскольку еще не привык к недавно обретенному толстому животу, но в быстром темпе проковылял к двери пригородного особняка Джона Хаггинса Рэндольфа. Там он остановился. Карайлайраба вытянул из сумки псевдоподию, просунул под дверь и открыл защелку замка. Дверь распахнулась, Карайлайраба втянул псевдоподию обратно в сумку, а Оо быстро поднялся по лестнице.

В комнате наверху горел свет.

Оо остановился в прихожей. Из-за двери студии Рэндольфа до него донесся шум возмущенных, гневных голосов.

— Всем молчать! — проревел чей-то голос по бычьей. — Ну, так порвите их, и дело с концом!

— Я отказываюсь рвать документы, офицер, — раздался возмущенный голос Рэндольфа. — Я призываю вас настаивать на соблюдении закона и порядка. Эти люди врываются ко мне посреди ночи вместе с вами и хотят угрозами заставить меня отказаться от собственности, за которую я заплатил своими кровными денежками, и документы о передаче которой скреплены подписью Гарри Робертса в присутствии моих адвокатов.

— Я *не ставил* свою подпись ни на одном из ваших вонючих документов! — заорал еще чей-то голос. — Как я мог что-то подписывать, если меня вообще у вас не было. Я в это время лежал в своем номере под гипнозом. Рэндольф уже много месяцев пытался завладеть моей планетой. Он слушал мою речь, но только меня там не было вообще...

— А я была там все время, пока он толкал речь, а потом даже подумала, что спятила! — надрываясь, вопила Мэри Лу. — После того, как они ушли со сцены...

— После того, как *кто* ушел со сцены? — убитым голосом переспросил полицейский офицер.

— Разумеется, Гарри и Ангус! После того, как они ушли со сцены, они куда-то делись, и я поехала в гостиницу, и там поняла, что это были не Гарри и Ангус, потому что Гарри и Ангус лежали в номере и едва дышали. Я даже подумала, что они мертвы, мир их праху! А потом в номер вошли Ангус и Гарри... Как мне жаль, что я их не пристрелила! Я бы и пристрелила, если бы было, чем! Но под руками у меня был только баллончик с термоспреем...

— О, Небеса! — взревел полицейский. — Только бы мне хватило терпения выслушать до конца весь этот бред!..

— Но все это правда, офицер, — вмешался еще один серьезный голос. — И в этом нет ничего такого уж фантастического. Эти амебы... — Это был Ангус Пендлер.

Но его тут же оборвал Рэндольф. Хор голосов вознесся на предельную высоту и был обрублен бычьим ревом полицейского.

— Всем молчать! А теперь слушайте, мисс, — продолжал офицер, когда воцарилась тишина. — Это касается и вас, мистер Робертсон и мистер Пендлер. Не знаю, что тут происходит, но вы не можете требовать ареста мистера Рэндольфа. Более того, я *не собираюсь* арестовывать его. Если хотите направить это дело в суд — прекрасно, желаю удачи — вам она очень понадобится. Но сейчас я ухожу.

Ситуация выглядит очень плохо, Карайлайраба, — протелепатировал Карайлайраба Оо. — Если мы быстренько что-нибудь не предпримем, то сражение будет проиграно. Пошарься по мыслям существ в комнате. Если найдешь что-нибудь важное, телепатни это мне. Только будь поосторожнее, не вздумай съесть ни одной купюры из денег в сумке.

ОО РАСПАХНУЛ дверь, стремительно переступил порог и тут же наткнулся на здорового краснолицего офицера полиции, который как раз собирался уйти. Полицейский отшатнулся, взглянул на Оо и невольно положил руку на кобуру, где у него был тепловой пистолет.

— Рыбий Глаз! — рявкнул он. — А ты тут какого черта забыл?

Потом глаза офицера радостно сверкнули, Он выхватил у Оо сумку и ловко накинул на его запястье браслет наручников. К тому времени, как Оо успел что-то сказать, обе его руки уже были скованны блестящими кружками металла с цепочкой.

Оо невольно съехался, скользнул взглядом по толпящимся в комнате людям и, наконец, увидел Рэндольфа.

— Ты должен вытащить меня из этой передраги, Джонни, — внезапно выпалил он. — Да, я хотел постричь купоны, но не позволю тебе так подставить меня! Я тебе не тухлая вобла, понял? Ну, да, мы хотели сделать маленький гешефт, но, как видишь, все сорвалось, Джонни, так что пора давать обратный ход.

В комнате наступила мертвая тишина, и в этот момент челюсть полицейского буквально отпала чуть ли ему не на грудь, в то время как он не сводил глаз с Рэндольфа, который беззвучно открывал и закрывал рот в тщетном усилии выдавить из себя хоть слово.

Превосходно, Оо! — спокойно протелепатировал Карайлайраба. — Ты на верном пути. Я уже покинул сумку и теперь подобрался достаточно близко к Рэндольфу, чтобы прозондировать его вплоть до самого либидо. И в самом начале я нашел нечто, что можно назвать «Инцидент на Титане».

От усилий Рэндольф стал лиловым и, наконец, обрел дар речи.

— Не надо глядеть на меня так, офицер! — рявкнул он. — Я знать не знаю этого человека! Я впервые в жизни вижу его. И понятия не имею, как он попал в дом. Если только, — добавил он и резко повернулся к Гарри Робертсону, — это не часть вашего плана, цель которого — отобрать у меня мою собственность.

— Не валяйте дурака, — холодно отозвался Робертсон и шагнул к Рэндольфу. — Дайте мне только малейший повод, — угрожающе прорычал он, — и я изобью вас до полусмерти. Вы уже не раз пытались завладеть моей планетой не совсем законными способами. Я не поддаюсь на ваши уловки прежде, не поддамся и сейчас. Да и как бы я провел в ваш дом этого проходимца? Разве что в его сумке?

— Да? — спросил полицейский и с возобновившимся интересом уставился на Рэндольфа. — Это так?

— А кстати, — сказал Робертсон, — что вообще находится в этой сумке?

Он быстро шагнул вперед, схватил сумку и открыл ее. Полицейский вытянул шею.

— Деньги!

— Это же те самые деньги, которые вы обманом всучили амебам! — пронзительно воскликнула Мэри Лу. — Офицер, Рэндольф и этот жулик — сообщники!

— Это ложь! — взревел Рэндольф, ринулся между Гарри и Мэри Лу, схватил Оо за плечи и принялся безумно трясти его. — Ты негодяй! Лжец! Немедленно говори, где ты взял эти деньги, иначе, клянусь небесами, я добьюсь, чтобы тебя повесили! Ты мелкий мошенник! Откуда у тебя полная сумка денег?

— Инцидент на Титане, — пряча глаза, произнес Оо ровно настолько громко, чтобы Рэндольф услышал его. — Я начну петь, Джонни, если ты не поступишь со мной правильно, понял? Возможно, тебе лучше всего взять обратно свою зелень и отдать документы о продаже планеты Робертсону. Инцидент на Титане, Джонни. — Он снова потупился. — Смола, сок из подножия пальм...

Рэндольф отступил от Оо, глаза его выкатились из орбит.

— Я... — промямлил он. — Ну... это...

Он замолчал, сглотнул, и глаза его в испуганном восхищении уставились на Оо. Затем он медленно отвернулся.

— Это была ужасная ошибка, — прошептал он.

— О-о! — закричала Мэри Лу и отступила от Рэндольфа, поднеся руки к горлу, причем лицо ее стало пунцово-красным. — О-о!.. Мистер Рэндольф! Значит, инцидент на Титане!

Рэндольф внезапно ожил. Рука его нырнула во внутренний карман пиджака и выхватила бумажник. Из бумажника он торопливо достал сложенные документы и сунул их в руки полицейскому.

— Держите, — забормотал он. — Держите, держите. Как я говорю, все мы совершаем ошибки. А теперь, пожалуйста, все уходите. Пожалуйста! Только оставьте мне Рыбье Глаз. Ну-у... для сохранения конфиденциальности информации. Планета, разумеется, будет возвращена, и все документы о продаже аннулированы.

Полицейский был окончательно ошеломлен.

— Я даже не предполагал... — слабым голосом начал он, но бумажки все-таки взял. — Ладно, — сказал он и нахмурился. — Всеобщее молчание означает всеобщее согласие. Инцидент исчерпан. Что же касается тебя, Рыбий Глаз...

Он пнул Оо по голени. Тот прошипел от боли, но ничего не сказал, лишь протянул скованные руки. Полицейский расстегнул наручники, убрал их в карман и вышел из комнаты.

Мэри Лу, крепко сжимая руку смущенно молчавшего Гарри Робертсона, тепло сказала:

— Прекрасно, Рыбий Глаз! Спасибо! И передайте вашему приятелю мои слова благодарности.

И она подмигнула ему. Очевидно, она поняла, что Оо был амебой.

— Вопрос решен, — легко ответил Оо. — Только не позволяйте Рэндольфу снова одурачить вас. Только взгляните на него. Он такой

же жулик, как и я, лишь чуть больше лоска и самомнения. — И он подмигнул Мэри Лу в ответ.

Затем, не дожидаясь дальнейшего развертывания событий, Оо выскочил из комнаты, скатился по лестнице и пулей вылетел из дома. И ничуть не удивился, когда из-за ближайшего фонарного столба с радостным воплем выскочил полицейский офицер. Оо снова ощутил на своих запястьях наручники.

— Послушай, приятель, я не последний лопух и, честно говоря, устал уже от вашей безумной планеты. Я тебе не Диллинджер* и не дам расстрелять себя на улице хоть из пулеметов, хоть из тепловых пистолетов лишь потому, что этого требуют ваши дурацкие законы. Я уйду. Можете смотреть, только, случайно, не рехнитесь окончательно.

Сказав это, Оо растекся лужей протоплазмы, вытянул псевдоподию, обернул ее вокруг ноги офицера и, с силой дернув, заставил его удариться лицом о мостовую. Там он его и оставил и с легким журчанием потек по улице, пока не догнал Карайлайраба, который телепатически почувствовал его приближение.

Полная победа! — ликующе протелепатировал ему Оо. — *Карайлайраба, какое огромное удовлетворение я сейчас чувствую. Правда, нам не удалось достигнуть намеченной цели, но мы весело провели время, хотя и было несколько неприятных моментов. Но все уже позади. Кроме того, меня не оставляет чувство, что все равно нашлись бы скептики, которые стали бы сомневаться, что мы владеем свободой. Так что, возможно, все это к лучшему. Единственно, что я хочу знать, так это что ты нашел там на дне либидо Рэндольфа, что он так легко отдал планету?*

— Ну, на Титане, на самом деле, произошло два инцидента. Один касался растраты в особо крупных масштабах, а другой — какой-то женщины, — ответил Карайлайраба Оо, пока они бодро текли к космодрому.

Однако ни один из пришельцев с Недотепы так и не понял, почему лицо Мэри Лу стало таким пунцово-красным, как только речь зашла об инциденте на Титане. Полчаса спустя, просочившись в гравимобиль, который шел в нужном направлении, они все еще обсуждали эту загадку.

For sale — one world, (Super Science Stories, 1943 № 2), пер. Андрей Бурцев

* Диллинджер — главарь знаменитой банды гангстеров (прим. пер.)

THRILLING FALL
ISSUE

WONDER

STORIES

15¢

POCKET
UNIVERSES

*An Astonishing
Novel!*

By MURRAY
LEINSTER

A THRILLING
PUBLICATION

CALL
HIM DEMON

A Fantastic Novel!
By KEITH HAMMOND

THE *Multillionth* CHANCE
An Amazing Complete Novel By JOHN RUSSELL FEARN

ХОРОШЕЕ ЯЙЦО

О ЯЙЦЕ можно сказать либо слишком мало, либо слишком много. Смотря под каким углом на него посмотреть. Яйцо либо есть, либо его нет. А если оно есть, то возникает вопрос, можно ли его есть?

Док Феррис достал большое, с кулак, яйцо. Он положил его на пухлую ладонь и громко расхохотался.

– Видите? – хохотал он. – Положите его так, и у вас будет нечто овальное, а затем резко повернете, и получите прямоугольное яйцо. Видите? А сейчас оно исчезнет. Оп! Хороший фокус, а?

Бернис все это надоело. Она не проявляла интереса к ловкости рук его отца, который развлекал компанию фокусами и всякими там штучками, насколько себя помнила. В некотором смысле, это всем было на пользу, поскольку она избежала неприятного опыта, через который проходит большинство маленьких детишек. Никогда гости дома не заставляли ее становиться на стул и рассказывать жестокие детские стихи, такие, как «Шалтай-Болтай», «Семьдесят синичек» и тому подобные.

Но, с другой стороны, это было плохо. Отец многократно пытался приучить ее показывать фокусы, но с раннего возраста все иллюзии рушились вокруг нее, как карточный домик. Теперь же, когда она выросла, то вообще ни во что не верила.

Бернис зевнула и послала своему другу скрытый сигнал. Хью Грант тут же выскочил из-за стола, с громким скрипом отодвинув стул. У него были широкие плечи, песчаный цвет лица и ершик коротко стриженных волос. А также серые глаза. Он был демобилизован из армии, а потому носил гражданскую одежду.

Его удивленные глаза не могли оторваться от исчезающего яйца, но сигнал Бернис действовал на его мозг автоматически, помимо сознания. Он не хотел уезжать, но во всем подчинялся Бернис.

– Прости, папа, – сказала Бернис, скромная, но уверенная в себе. – Нам нужно бежать.

Несколько секунд спустя она уже прижималась к Хью в его машине. Но прошло еще несколько минут, прежде чем Хью сумел побороть свое неумное любопытство.

– Фу! – ответила она на его вопрос. – Да не волнуйся ты о старом глупом яйце. Лучше обними меня.

— Это было поразительно, — пробормотал Хью, зарываясь в ее волосы и одновременно управляя машиной одной рукой, поглядывая на дорогу одним глазом.

— Ничего тут нет удивительного, дорогой. Папа полон подобных слащавых загадок. Поцелуй меня.

— Но так мы можем попасть в аварию.

— Все равно, поцелуй меня, — сказала Бернис.

Той же ночью, на обратном пути, Бернис внезапно заинтересовалась будущим Хью.

— Хью, ты ведь еще не нашел себе работу? — спросила она. — Ну, так и не ищи. Думаю, я смогу что-нибудь подыскать для тебя — в моей фирме.

ХЬЮ УЛЫБНУЛСЯ. Он и охнуть не успеет, как Бернис что-нибудь подыщет для него. У нее был просто талант к... Ну, ладно, пусть это будет преувеличение.

Он выбросил ее слова из головы. Док Феррис все еще сидел в гостиной, читая какую-то книгу по магии. Он выглядел ворчливым и сварливым стариком, но Хью хотелось поговорить с ним. Бернис несколько раз намекала Хью, что пора и честь знать, но Хью игнорировал ее намеки. Наконец, Бернис зевнула и саркастически заявила, что собирается пойти спать, так что они могут расходиться. И поднялась по лестнице в спальню.

Хью, нервно ерзая на краешке стула, откашлялся.

— Я хотел спросить об яйце, сэр.

— Что? — спросил Феррис и принялся протирать очки. — А, да, яйцо. Так что вы хотели спросить о яйце, молодой человек?

— Это был великолепный фокус, сэр.

— Просто средний, мой мальчик. Весьма средний.

— И вы можете повторить этот фокус с тем же яйцом, сэр?

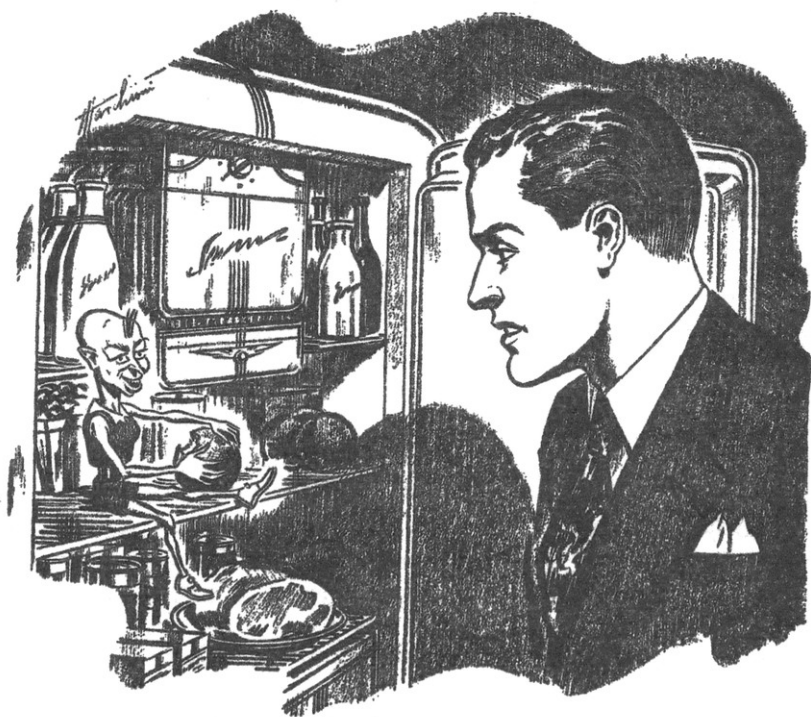
Док Феррис довольно долго сидел неподвижно. Было похоже, что он заснул. Затем он встрепенулся и закрыл рот.

— Конечно, я мог бы сделать этот фокус с тем же яйцом или с любым другим яйцом. Но сейчас я устал. Доброй ночи, молодой человек.

Хью встал. Он волновался, так как не мог выкинуть это яйцо из головы. Он знал, что каждое утро на завтрак у Феррисов была яичница с беконом — в те дни, когда у них был бекон.

— Вы хотите сказать, что это точно такое же яйцо, как и любое другое? Как те, что лежат у вас в холодильнике, например?

Голова Дока Ферриса вяло пошла вверх и вниз. Хью больше ничего не сказал. Он подождал, пока старик заснет. Потом, с бешено

"I may look like a human being, but I'm not," said the fachi

THE GOOD EGG

By ROSS ROCKLYNNE

Square Root, the little imp from outer space, gets the number of some racketeers, and does some fast figuring!

колотящимся сердцем, прошел на цыпочках в холл, а оттуда на кухню. Он собирался совершить преступление.

Он хотел украсть яйцо.

На кухне Хью не сразу нашел это замечательное яйцо. Сначала он обнаружил два десятка в картонной коробке, но ни один из них не проявил свои чудесных свойств. Он вертел их так и этак, пытаясь проверить на деле. Он готов был ходить на голове, чтобы заставить яйца стать прямоугольными, а затем исчезнуть.

Но, к своему огорчению, ему так ничего и не удалось. А затем он увидел еще одно яйцо. Оно просто лежало под самым морозильником. Красивое было яйцо. Совершенное яйцо. Оболочка его

была полупрозрачной. И вокруг нее танцевали маленькие пятнышки света.

Хью взял его, затаив дыхание. Несмотря на то, что оно лежало в самом холодном месте, на ощупь оно было теплым. Он медленно повернул яйцо вокруг продольной оси. Яйцо исчезло.

Он не сказал Доку Феррису, что брал яйцо. Как не сказал ему, после того, как он нашел это яйцо, что почти час играл с ним на кухне, глядя, как оно становится прямоугольным, а затем исчезает, словно бы в какой-то недоступный глазу уголок пространства.

Оно исчезало, но Хью по-прежнему чувствовал его в руке.

А затем поворачивал руку, и оно возвращалось.

Наконец, он унес яйцо к себе домой и убрал в холодильник. После этого он два дня не видел Бернис. А однажды утром – поразительно, но она сама позвонила ему. Позвонила ему, Хью Гранту! При звуках ее сладостного голоса он почувствовал какое-то покалывание на сердце. Он любил Бернис и знал, что всегда будет любить. Ему нравилась ее дерзость – потому что сам он не мог быть таким дерзким. Ему нравилась ее смелость и ее насмешливость – потому что сам он не был смелым и никогда ни над кем не смеялся. Ему нравился даже ее цинизм – а ведь сам он был ужасно наивен.

И все же, если бы он не был таким наивным, то просто бы со смехом отмахнулся от представления Дока Ферриса с яйцом.

– Дорогой, сегодня вечером мы идем в «Испанский клуб», – без предисловий заявила в трубку Бернис Феррис.

– Мы? – хрипло переспросил Хью.

– О, Хью! – судя по голосу, Бернис была взволнована. – Помнишь, я сказала тебе, что найду для тебя замечательную работу? Ну, так вот, мистер Морроу будет сегодня вечером в «Испанском клубе» и хочет встретиться с тобой. Можешь заехать за мной в девять.

Он воспарил к облакам, опьяненный ее голосом, но одновременно принялся подсчитывать в уме доллары и центы. Его финансовые резервы никак не могли бы растопить лед Феррис, мгновенно звучащий в голосе, когда речь шла о деньгах.

Когда вечером он заехал за Бернис и она спустилась из спальни по лестнице, он спросил ее об отце. Оживленность тут же покинула ее лицо.

– Давай, не будем затрагивать неприятную тему, пожалуйста, Хью.

– Неприятную? – не понял он.

– Ты знаешь, что я имею в виду, – раздраженно сказала она. – Папа совсем ошалел. В последнее время он стал еще хуже, чем обычно. Представь себе, вчера я поймала его, когда он заказывал

по телефону пятнадцать ящиков крупных яиц класса А. К счастью, я вовремя остановила его.

СЕРДЦЕ У ХЬЮ упало при этом известии. Он почувствовал первый приступ угрызений совести. Несмотря на протесты Бернис, он пошел искать Ферриса и нашел его на кухне. При его появлении Феррис засуетился, словно пытался скрыть следы преступления. На полу растекалась лужица из нескольких разбитых яиц. Должно быть, он выронил их, пытаясь поспешно спрятать в холодильник. Папа Феррис смотрел на эту желтую лужицу и сопел. Две большие слезы покатались у него по щекам. Он громко сопел.

— Оно исчезло! — едва выдавил он, на грани рыданий. — Оно исчезло!

Хью почувствовал себя лучше и почти забыл о краже этого замечательного яйца, только когда они подъехали к «Испанскому клубу». И виной этому была Бернис. Он вылез из машины с бешено колотящимся сердцем и спутанными волосами. В машине он признался Бернис, что любит ее, и она ответила, что тоже любит его.

Где-то из глубины души внутренний голос проворчал совет остерегаться ее внезапно вспыхнувшей страсти, но ради душевного спокойствия Хью велел ему заткнуться.

Позже вечером Бернис внезапно соскочила со стула.

— Мистер Морроу! Мистер Морроу!

Вошедший в ночной клуб человек улыбнулся и пробрался к их столику. Мистер Морроу был красив, но красив не оскорбительно. Он был всего на пару лет старше Хью, но разница между ним и Хью была такой же, как между начищенными до блеска штиблетами и растоптанными солдатскими башмаками. Все в Морроу было на уровне, и Хью подозревал, что если бы он заметил пятнышко на одной манжете, то тут же посадил бы такое на другую. Но одновременно Морроу выглядел мужественно, и Хью решил понравиться ему. Они обменялись крепкими рукопожатиями.

После представления и небольшой легкой беседы, Морроу убрал с лица улыбку и серьезно поглядел на Хью.

— Я сказал Бер... э-э, миссис Феррис, что буду здесь нынче вечером, и буду рад обсудить с вами одно деловое предложение, — сказал Морроу. — Насколько я знаю, вы были уволены из кавалерии по состоянию здоровья?

— Ну, да, — кивнул Хью. — Я участвовал в кампании в Ливийской пустыне, а позже сражался в Италии.

— Конечно. Главное, вы понимаете в лошадях и умеете обращаться с ними. Седлать там и все такое. Мистер Грант, я бизнесмен.

Я владею маленьким, но довольно прибыльным предприятием по производству седел, сбруи и тому подобному. Точнее сказать, оно было прибыльным, пока я не лишился необходимых материалов. У меня не было Правительственного контракта, и, следовательно, я не мог получить приоритет. И теперь я выброшен на обочину. И вот тут вы можете помочь мне. В обмен, я предлагаю вам партнерство.

— Минутку. Что-то вы слишком быстро... Чем же я могу помочь вам?

— Во-первых, мне нужен партнер, который разбирается в лошадях и их оснащении. Во-вторых, вы отставной ветеран и, как таковой, можете пойти в военное ведомство и добиться приоритета в получении четырех тонн первоклассной кожи, которая поможет мне сохранить бизнес. Теперь вы понимаете?

Обычно Хью не был подозрительным, но теперь почувствовал укол сомнения.

— Это звучит как-то не совсем законно, — пробормотал он.

Морроу встал, глаза его стали веселыми.

— Мистер Грант, мне нравится прямой человек. Я хочу, чтобы вы все же обдумали мое предложение. Что же касается законности, пусть это решает Комиссия по надзору над частным предпринимательством. Вы входите в бизнес в качестве моего партнера. Вы ветеран в отставке, и у вас есть законное право на приоритет при приобретении необходимых материалов. Однако я здесь бываю почти каждый вечер. И если вы согласитесь, то знаете, где меня найти.

Он кивнул Бернис, пересек танцплощадку и подсел за столик, где уже сидело несколько человек. Хью нахмурился. Ему, почему-то, с первого взгляда не понравился вид этих людей. Однако прежде чем закончился вечер, Бернис уговорила его договориться с Морроу о встрече на следующий день, когда будут готовы временные документы о партнерстве. Она указала, что прежде чем они с Хью поженятся, у них должен быть какой-то существенный доход. Разумеется, она была совершенно права, к тому же, она заговорила о женитьбе... О, да!.. Исход был, разумеется, ясен, и Хью снова воспарил в облака.

Тем временем, в квартире Хью лежало яйцо. Оно было правильно помещено в самое холодное место холодильника, но так, как в яйцо тек ток подпространственной энергии из какого-то *другого* места, яйцо оставалось достаточно теплым.

Пятнышки света, танцующие вокруг полупрозрачной оболочки яйца, и были проявлениями этой подпространственной энергии.

А в яйце находилось некое *создание*. И оно размышляло. При чем размышляло оно, в основном, о том, почему еще до сих пор не

родилось. И оно все-таки додумалось, почему. Однажды, наследственная память подсказала ему, что одно из *фачи*, — созданий, живущих в ином измерении той же самой Земли, случайно отложило яйцо в подпространственную деформацию эфира. Это *фачи* было давно уже наказано за неосмотрительность.

Было неважно, что «куриные яйца» — яйца домашней птицы, специфичной для Земли нашего измерения, — по размерам и форме походили на яйца *фачи* и могли бы затеряться в куче яиц *фачи*. Но было очень важно, если яйцо *фачи* попадет в кучу куриных яиц, да еще тот, кто сделает эту ошибку, не исправит ее.

Потому что, долгое время спустя, *фачи* все же вылупится из неправильно отложенного яйца и примется объяснять кому ни попадя, кто он такой и откуда взялся.

СИДЯЩИЙ В ЯЙЦЕ *фачи* в раздумьях своих додумался до теории, что в измерении Земли ему потребовалось гораздо больше времени, чтобы вылупиться, чем в *правильном месте*. В *месте* поток времени детства течет быстрее, а по мере взросления замедляется. В измерении же Земли все происходит как раз наоборот, и годы юности, казалось, длятся вечно, а годы старости мелькают с печальной быстротой.

Но, несмотря на свои прекрасные мыслительные способности, *фачи*, перенесясь в *правильное место* после рождения, будет непременно уничтожен. Потому что он, естественно, окажется загрязнен человеческими мыслями.

В свете этого, *фачи* в яйце понял, что, когда вылупится, то никто не сможет вернуться в *место*.

И пока он так размышлял, Хью Грант вернулся в свою квартиру, весело насвистывая. Яйцо услышало его и содрогнулось от страха. Оно собралось с силами, готовясь к суровым испытаниям, и одновременно попыталось дотянуться до разума Хью и попросить его прекратить эти пытки. Но, будучи еще не вылупленным, *фачи* могло читать мысли Хью, однако, не могло с ним разговаривать.

Распахнулась дверца холодильника. Хью взял яйцо и *скрутил* его.

Это не было обычным скручиванием. Это был ключ к многомерности. Яйцо кричало бы от боли, если бы было чем, когда минуту за минутой его подвергали пытки, частично вонзая в одно измерения, а частью в другое. Наконец, Хью убрал яйцо обратно в холодильник и лег в кровать, все еще насвистывая.

Следующие несколько дней Хью забыл о яйце. Однажды он пришел домой, но направился не на кухню, а напрямую к телефону.

Яйцо почувствовало облегчение. Пока Хью набирал номер, яйцо, которое по-прежнему испытывало к Хью дружеские чувства, несмотря на то, как он с ним обращался, отправило мысль-щупальце в разум Хью, и было потрясено тем, что там увидело. «Вот сосунок!» — изумилось оно.

Хью как раз разговаривал с Бернис.

— Да, любимая, все в порядке. Морроу как раз пишет прошение о приоритете. И наверняка получит заказ. Там, как и повсюду, обычный бюрократизм. Прежде всего, меня направили в Распределительный Центр, и тамошний консультант решил, что это прекрасная возможность. Он позвонил Морроу — чисто для порядка — и после этого дело пошло.

Они еще немного поговорили. Хью спросил Бернис, когда они встретятся. Ее ответ, очевидно, разочаровал Хью. Он удрученно сказал, что позвонит ей на следующей неделе.

— Сосунок! — возмущенно подумало яйцо.

Три дня спустя яйцо треснуло.

Как раз тогда, когда *фачи* занимался утомительным процессом пробивания прочной скорлупы яйца, Хью Грант остановил свой кабриолет перед обветшалым зданием. На первом этаже висела вывеска с надписью: «МОРРОУ ХАРНЕСС И СЭДДИ Ко».

Хью был обескуражен. Мало того, что Бернис отказывалась встречаться с ним с той ночи в «Испанском клубе», так и равно неприятным были слова Морроу, когда он позвонил Хью. Они договорились встретиться на следующий день, причем Морроу туманно упомянул, что у него плохие новости.

Хью пошел с ним на встречу в его офис. Морроу поднялся из-за покрытого зарубками стола и пожал Хью руку. Он выглядел мрачным и потерял прежнюю уверенность и лоск.

— Похоже, наше совместное бизнес-предприятие провалилось, мистер Грант, — нехотя сказал он. — Так что лишь к лучшему, что я подписал с вами лишь временный договор о партнерстве.

— О чем вы говорите, — огрызнулся Хью. — Разве заказ не был одобрен?

— Конечно, был. Пойдемте, я покажу вам.

Морроу через внутреннюю дверь провел Хью на склад, где висел густой запах свежих кож. Вдоль стен были сложены целые груды воловьей кожи.

— Мы получили кожу, Грант, — сказал Морроу. — Все четыре тонны. Видите?

— Тогда в чем проблема? — не понял Хью.

Морроу выглядел измотанным, взволнованным и нервным.

— Я сделал ставку на рынок, грант, и неудачно выбрал товары, — просто сказал он. — Со мной все покончено. Мне придется ликвидировать бизнес, только чтобы остаться без убытков. О прибыли нет уже и речи.

Хью почувствовал себя уязвленным.

— Мне кажется, вы называли себя бизнесменом.

Темные глаза Морроу сверкнули. Он выпрямился.

— Вам не идет быть высокомерным, — холодно заметил он. — Я поставил на вас, и проиграл. Во всяком случае, вы должны быть мне благодарны, что документы о партнерстве еще не были утверждены, иначе вы были бы ответственны наравне со мной.

СЕКУНДУ ОНИ оба впились взглядом друг в друга. Хью понимал, что ведет себя неблагоразумно. Настоящая причина его раздражения крылась в отказе Бернис встретиться с ним, и он не мог понять, почему.

— Ладно, Морроу, — сказал он, наконец. — Пусть все идет как идет. Удачи вам в следующий раз.

Без всякого рукопожатия он развернулся и прошел из склада обратно в офис. Когда он шел к выходной двери, вошли двое сомнительно выглядящих человека, которые были с Морроу в «Испанском клубе». Больше всего они походили на гангстеров, каких Хью видел в детстве в кино. Хью молча прошел мимо них, вышел на улицу, сел в машину и уехал.

Остаток дня он потратил в поисках работы. Он знал, что каждый седьмой отставной военный пользуется законом о Правах военнослужащих, чтобы начать свой бизнес. Но это было не для Хью Гранта. Он понимал, что у него мозги не созданы для бизнеса.

Но почему бы не поискать работу в какой-нибудь научно-исследовательской лаборатории? Наукой Хью интересовался. Это была одна из причин, почему его так чертовски заинтересовало волшебное яйцо Дока Ферриса. Когда Хью подумал о яйце, то мысли его пошли дальше. Почему бы не попытаться провести серьезные исследования такого чудесного поведения яйца? Да ведь это может привести к чему-то большому!

Но едва Хью добрался до своей квартиры и открыл дверцу холодильника, как его румяное лицо побледнело. Он выдавил какой-то задущенный звук и отступил к кухонному столу. На самой верхней полке под морозильником сидел маленький чертенок. И этот чертенок деловито жевал апельсин, поглядывая на Хью яркими алыми глазками.

Затем в голове Хью как бы сами собой появились слова, которые он понял столь же легко, как если бы они были произнесены вслух.

— Да ладно тебе, — сказал *фачи*, до половины лысой головки закопавшись в апельсин. — Расслабься. Я просто вылутился из твоего яйца. Вернее не совсем твоего. Но и ты, и Док Феррис не подозревали обо мне. Понимаешь? Помнишь еще Дока Ферриса, отца той девчонки, которая обвела тебя вокруг мизинца?

Хью издал еще один невнятный звук, склонившись над столом.

— Да, Хью, я не человек, — продолжал *фачи*. — Я могу быть похожим на игрушечного человечка, но я не имею никакого отношения к вашему роду. Я — *фачи*. А *фачи* живут... э-э... скажем, в *другом месте*. Если бы ты *хорве рарсол на мискарс*, то мог бы понять, где это *место*. Но раз ты не можешь пойти прямо *пиддер* отсюда к *боллин* без *говин доот*, тогда это бесполезно. Я, конечно, могу долго и нудно объяснять, что *место* — это как Равнина или четвертое измерение...

Не меньше минуты Хью не отводил своих голубых глаз от алых глаз *фачи*, алых, или даже, точнее, светло-вишневых, как мореное дерево.

— Почему бы тебе не перестать жрать апельсин? — спросил, наконец, слабым голосом Хью. — Половину того, что ты тут сказал, вообще нельзя разобрать.

— Перестать жрать апельсин? — возмутился чертенок. — О Боже, ты что, не понимаешь, что я только что вылутился. Я потратил на это все свои силы! И вообще, апельсин никак не мешает моей телепатической речи, понятно?

— Так, значит, я не могу пойти прямо *пиддер* отсюда к *боллин* без *говин доот*? — сказал Хью, все еще стискивая край стола.

— Что-то в этом роде, — хмуро ответил *фачи*, отложив, наконец, апельсин.

Он с обескураженным видом вытер крошечные ручки о крошечные бедра. Потом встал.

— Сейчас я плюс, понимаешь? — спросил он, повернулся, и фигура его стала расплывчатой. — Видишь? Я просто пошел прямо *пиддер*. — Он повернулся еще немного и вообще стал каким-то неопределенно схематическим. — Сейчас я достиг *боллин*. — Он исчез. — А теперь я без *говин доот*. Следовательно, я — минус.

Он вновь появился.

— Понимаешь?

Хью сел, потому что внезапно кое-что понял.

— Ладно, Квадратный корень, — сказал он.

— Что-что? — воскликнул *фачи*. — Как ты меня обозвал?

— Квадратный корень. Квадратный корень минус один плюс-минус один. Ты Плюс или Минус Один, следовательно, ты — Квадратный корень.

Фачи подумал над его словами.

— Ладно. Можешь называть меня Квадратным корнем.

— Прекрасно, Квадратный корень, — мрачно сказал Хью и поднялся с потемневшим лицом. — Ну, а теперь, повтори, что ты там сказал о Бернис Феррис?

Квадратный корень слегка побледнел.

— Что? Ну... ну, я просто сказал, что она... э-э... играет тобой, как сосунком. Но я потому...

Хью метнулся вперед и схватил Квадратного корня под мышки большим и указательным пальцами.

— Ну, а теперь повтори! — взревел он.

— Не надо! — Голос чертенка почти затерялся среди разъяренных мыслей Хью.

Он принялся вопить и рыдать. Попробовал отбиваться, махая ручонками, крича и проливая слезы.

— *Не делай этого! Не скручивай* меня! *Не скручивай* меня! Ты каждый раз пропускаешь *боллин*. Это так больно, Хью. О, ты даже не представляешь, как это больно!

— Ты клеветашь на нее! — гремел тем временем Хью. — Клеветашь на того, кого даже не знаешь! Убирайся обратно в свое место, где бы оно ни было! Вон из моего холодильника!

И ХЬЮ ПОСТАВИЛ Квадратного корня туда, где взял. Квадратный корень продолжал рыдать с нарастающим ужасом.

— Я не могу вернуться, — прошептал он между всхлипываниями. — Ты не настолько жестокий, чтобы отправить меня туда. Хью, почему я не могу остаться здесь? Я же ничего плохого не сделал, меня просто не туда снесли! — В перерывах между рыданиями, он рассказал Хью, почему его убьют, если он когда-нибудь вернется к своим. — Я сделаю для тебя все, что угодно, Хью, только позволь мне остаться. Я даже... Я даже *докажу*, что все, что сказал о твоей шелковой цыпочке, правда!

— Шелковой цыпочке? — прорычал Хью.

— Милому птенчику, — испуганно закричал *фачи*. — Круглой попке. Кокетливой юбчонке. Мисс поцелуйчику. Любительнице динамо! Хью, когда ты поймешь, что Бернис познакомила тебя с Морроу просто потому, что она любит этого гадкого Морроу?

Хью закрыл глаза. В голове у него был сплошной туман. Но, пробиваясь сквозь него, Хью начал складывать два и два. Так вот почему Бернис не хочет его видеть!

Фачи снова сел на край полки, дерзко болтая ножонками, похожими на кривые ветки вишни.

— Видишь ли, Хью, когда я был яйцом, то разгонял скуку, читая твои мысли. А когда был у Дока Ферриса, то читал мысли Бернис. Ох, уж эта Бернис! Ты давно должен был вывести ее на чистую воду. Тогда она бы стала тебя хоть немного уважать. А так она не испытывает уважения ни к кому, кроме себя самой и, возможно, Морроу.

— Я сверну ей шею! — прорычал Хью.

— Морроу просто мелкий мошенник, — продолжал *фачи*. — Не знаю, какую игру он затеял, но это точно не его уровень. Он весьма умен. Он заводит знакомства с такими подружками, как Бернис, очаровывает их своими манерами, а затем спрашивает, нет ли у них друзей, уволившихся из армии. У девяти девиц из каждой десятки такие дружки находятся. А остальное — плевое дело.

— И что он с этого имеет?

— Получает приоритет на закупку определенных товаров.

— Но зачем?

— Не знаю, — нахмурился *фачи*.

— Зато я знаю! — жестко сказал Хью и повернулся. — Ладно, Квадратный корень, спасибо. Я еще вернусь!

— Эй! — *фачи* совершил длинный, безумный прыжок из холодильника и схватился за край кармана пиджака Хью. — Куда ты?

Но Хью, охваченный гневом, не ответил. Он покинул квартиру, едва ли чувствуя, как *фачи*, пыхтя, залез ему в карман пиджака. Хью прыгнул в машину и ринулся с места на полной скорости, нарушая все правила движения.

А направлялся он к дому Бернис. Когда он свернул на ее улицу, ее автомобиль как раз тронулся с места и, набрав скорость, скрылся за поворотом.

Хью припустил за ней, когда у него в голове появились мысли-слова Квадратного корня.

— Эй! Хью, она, наверное, спешит на встречу с Морроу.

— Вот и прекрасно, — мрачно ответил Хью. — Тогда мы собьем двух птишек одним камнем.

Сначала он ехал за Бернис по пятам, но затем понял, куда она направляется. Как и предположил *фачи*, она ехала к офису Морроу на Коркин-Бульваре.

Хью припарковал свою машину за углом, в полуквартале от переулка, который вел к дальнему концу склада Морроу. Выйдя из машины, Хью прошел в переулок, стараясь красться незаметно, как тень. У склада как раз стоял большой крытый грузовик. Хью прошел мимо него и осмотрелся. Вокруг не было ни души. Тогда он осторожно вошел в склад. И заскрежетал зубами.

Грузовик был наполовину загружен кожами. А груды кож на складе стали значительно ниже. Очевидно, часть их уже перевезли на этом грузовике куда-то в другое место.

— Осторожно! — нервно предостерег его Квадратный корень, когда Хью прошел к ведущей в офис двери в дальнем конце склада и приложил к ней ухо. — Это может быть опасно.

Но Хью уже услышал голос Бернис, ясно доносившийся из щелочки в двери.

— Я ничего не понимаю! — раздраженно кричала она. — Ты не можешь просто взять и уехать из города. Разве не ты говорил, что позаботаешься обо мне? Мы что, не можем поговорить наедине, без этих людей?

В ответ раздался раздраженный голос Морроу.

— Все, что ты хочешь сказать мне, можешь говорить при них. Разве я давал тебе какие-то обещания? Нет!

— Давал! — истерично выкрикнула она и даже топнула ножкой. — Давал, давал, давал! Ты сказал, что мы поженимся, как только твой бизнес встанет на ноги. Ты можешь дурачить Хью той ерундой, что собираешься ликвидировать дело, но меня тебе не одурачить. Ты грязный, мерзкий слизняк! Я пойду в полицию и все расскажу!

ВНЕЗАПНО ОНА взвизгнула. Послышалась какая-то возня.

— Я держу ее, босс, — раздался глубокий, хриплый голос. — Плохо дело. Нельзя доверять никаким дамочкам. По мне, так лучше треснуть ее по башке, связать, заткнуть пасть и делать ноги.

В этот момент Хью, несмотря на протесты Квадратного корня, распахнул дверь и ворвался в офис.

В офисе, помимо Морроу, были еще три человека в грязных, воняющих кожами спецовках. Один из них держал Бернис, зажимая рукой ей рот. Она отбивалась и что-то булькала.

— Отпустите ее! — крикнул Хью.

И тут же вдруг прозрел и понял, что его героизм, по меньшей мере, неуместен. Прозреть ему помогли взгляды, с какими люди уставились на него. Точно таким же взглядом Морроу смотрел на него в их последнюю встречу, раздраженно кривя губы. Грубо говоря, как солдат на вошь.

— Грант, — устало сказал Морроу, — вы создаете мне лишние трудности. Да, именно трудности. Почему вы просто не сидели дома.

— Потому что я хочу поучаствовать в вашей игре, — напряженным голосом заявил Хью. — Вы собираетесь получить не меньше сотни процентов прибыли с четырех тонн кож на черном рынке. Верно?

— А, это уже хорошо, — взволнованно сказал в его голове Квадратный корень. — Слушай. Вот остальная часть его плана.

Обмен мыслями быстрее, чем словами, поэтому буквально за секунду Квадратный корень рассказал Хью обо всех планах Морроу.

— Вы уже много раз работали по этой схеме, — вслух сказал Хью. — Вы открываете четыре-пять компаний, каждая из которых занимается своим бизнесом, и все компании находятся в телефонной книге под одним адресом, но с разными названиями. Когда я пришел в ваш офис, компания называлась «МОРРОУ ХАРНЕСС И СЭДДИ Ко». Когда офис выполняет свое предназначение, вы просто переезжаете в другой город.

Четверо мошенников поглядели друг на друга.

— Мне очень жаль, — мягко ответил Морроу. — Но я не хочу связываться с законом.

По его сигналу двое схватили Хью. Хью вывернулся у них из рук и провел красивую серию ударов джиу-джитсу.

Из одного негодяя он выбил дух, но второй напал сзади и ударил его в основание шеи мешочком, набитым песком. Хью упал. Сквозь ревущую в голове пустоту он услышал протестующие крики Бернис.

— Вы не смеете! — кричала она. — Он ни в чем не виноват! Пожалуйста! Отпустите его, и я с ним поговорю. Я заставлю его пообещать никому не сказать ни слова о вас. Я могу крутить им, как хочу....

На этом Хью потерял сознание.

Когда он очнулся, кто-то сидел у него на лбу. Это был Квадратный корень. Пол под Хью трясся, он слышал стук колес грузовика. В нос ему бил удушливый запах кож.

Лицо Квадратного корня было печальным. Он наклонился и внимательно осматривал правый глаз Хью.

— Хью, ты не должен допускать таких промахов, как в офисе Морроу, — жалобно заявил *фачи*. — Тебя с Бернис связали по рукам и ногам упаковочной проволокой. Как только грузовик выберется из города, они потащат вас обоих на реку. Вы с Бернис слишком много знаете. Им придется избавиться от вас.

Хью лежал на тюке вонючей кожи. За спиной он слышал голос Бернис.

— Я хочу умереть! — рыдала она.

— Не бойся, ты умрешь,— утешил ее Квадратный корень.

Бернис пронзительно вскрикнула, увидев его. Квадратный корень взял было на себя объяснение всех утомительных подробностей, но Хью прервал его на середине.

— Что ты сидишь тут и болтаешь? — закричал он. — Сделай же что-нибудь. Освободи меня. Найди хотя бы кусачки.

В ответ Квадратный корень разразился рыданиями.

— Нет, Хью, я не могу ничего сделать. Если я начну искать кусачки, то меня заметят *они*.

— А ты предпочитаешь умереть незамеченным? — взревел Хью. — Ищи кусачки!

Алые глаза *фачи* стали круглыми от ужаса.

— Хорошо, Хью, — простонал он. — Но если я не вернусь, то знайте, что я геройски погиб.

Под пристальным взглядом Хью Квадратный корень пошел прямо *пиддер* к *боллин*, но не сделал *говин доот*. И исчез.

Хью ждал. Квадратный корень все не возвращался и не возвращался. Внезапно грузовик снизил скорость.

— Хью, до реки осталось километра два, — прошептала Бернис. — Что нам делать?

Хью мрачно уставился на нее.

— Тебе стоило бы подумать об этом раньше.

Бернис заплакала.

— Я думала, что все будет прекрасно. Я и понятия не имела, что он связан с черным рынком.

— Держу пари, что связан, — огрызнулся Хью.

Что-то подсказывало ему, что она говорит правду. И он снова замолчал. Затем он почувствовал, как что-то ползет у него по ноге, медленно им с трудом.

— Квадратный корень! — закричал Хью.

ФАЧИ С ТРУДОМ добрался до груди Хью. Он был весь покрыт подсохшей зеленой кровью. Он явно страдал от боли. По всему было видно, что бедный чертенок схватился с кем-то не на жизнь, а на смерть.

— *Фачи* схватили меня, — возникли в голове Хью слабые телепатические слова. — Мне пришлось вернуться к *месту* за кусачками. Мои собратья *фачи* заметили меня и, естественно, попытались убить. При помощи кусачек мне пришлось убить некоторых из них. — Он показал крошечную трубку с линзой на конце. — Она перережет проволоку.

— Квадратный корень, ты хорошее яйцо, — сказал Хью, пытаясь избавиться от кома в горле.

Фачи пополз к лодыжкам Хью. Послышался треск, что-то блеснуло, и Хью почувствовал, что ноги его свободны. Тогда он повернулся на живот, чтобы Квадратный корень поработал над его запястьями. Когда они с Бернис уже были свободны, Хью почувствовал, как грузовик нырнул в низинку, затем еще больше снизил скорость и свернул к речному мосту.

Хью упал на колени в покачнувшемся фургоне, но тут же поднялся на ноги. Ноги казались ему тяжелыми каменными глыбами. Хью с трудом сохранял вертикальное положение. Он пошарил взглядом в поисках Квадратного корня. *Фачи* лежал на дне грузовика, очевидно, потеряв сознание. «Кусачки» все еще были зажаты в его маленькой красной ручке.

Хью осторожно забрал их, осмотрел, нажал единственную кнопку и едва сдержал возглас, когда из линзы вылетел тонкий лучик. Если этот луч сумел перерезать проволоку, то без труда справится и с человеческим телом. Наверное эту штуку можно назвать дезинтегратором. Возможно, он даже сумеет получить патент на это изобретение. Если, конечно, все они выберутся живыми из нынешней передраги.

С помощью трубки он освободил Бернис, затем сунул ей в руки Квадратного корня.

— Держи, — велел он. — Да поосторожнее. Это тебе не кукла.

Очевидно, было в его голосе что-то такое властное, что Бернис тут же сделалась кроткой и даже не стала спорить.

— Да, Хью, — прошептала она и осторожно взяла Квадратного корня.

Лицо Хью было мрачным, пока он лез по тюкам кожи. Впереди в фургоне грузовика было грязное окошко, через которое можно было видеть кабину водителя.

Там сидели три человека. У окна сидел Морроу с застывшим, решительным лицом. Хью нахмурился, обернул кулак носовым платком и ударил им по окну.

Когда стекло разлетелось со звоном, все трое повернули головы.

— Грант! — завопил Морроу.

Хью направил «кусачки» на водителя.

— Остановись у обочины! — проревел он.

Водитель был ошеломлен и внезапно резко выкрутил баранку. Хью бросило на стенку фургона. Невольно он нажал кнопку на трубке. Вспыхнул тонкий луч, раздался хлопок. Хью не видел, куда

попал, но был уверен, что луч угодил точно в баранку, потому что грузовик упал и покатился по дороге, и Хью катался внутри него.

Тонны воловьей кожи упали на него сверху, почти задушив. Задыхаясь, Хью с трудом выбрался из них и бросился к сияющему ромбу света. Задние двери грузовика были сорваны с петель. Хью выбрался наружу и оказался по пояс в зарослях зеленых сорняков. Грузовик лежал в кювете под каким-то сумасшедшим углом.

Из кабины послышалась какая-то возня. Хью увидел, как из нее на дорогу вылез Морроу. Хью поднял «кусачки» и выстрелил. Луч не попал в Морроу, но осыпал отлогий откос у него под ногами. Морроу отчаянно завопил и покатился вниз по откосу.

Хью прыгнул на него сверху, и они покатались вдвоем, точно безумный бочонок, размахивающий руками и ногами. Когда они остановились, Хью оказался внизу и на фоне неба увидел решительное лицо Морроу. Морроу попытался боднуть его головой, но Хью его опередил, наугад ударил коленом и куда-то там попал, а затем провел классный, из такого положения прямой удар Морроу прямо в подбородок. Морроу буквально взвился в воздух от этих ударов, упал рядом с Хью, содрогнулся и замер.

Хью с трудом поднялся на ноги и полез в грузовик за Бернис. Стиснув зубы, он двинулся на нее.

— Хью! — закричала Бернис.

Но он молча схватил ее, положил через колено и как следует отшлепал по мягкому месту. Затем отпустил и, удовлетворенный, зажег сигарету. Потом нашел Квадратного корня и осторожно положил себе в карман. Вылез из фургона, обогнул грузовик и в кабине увидел обоих приятелей Морроу. Они лежали без сознания с разбитыми головами. Баранка представляла из себя бесформенную массу расплавленного металла.

Ну, скоро он передаст всех троих прямиком в руки ФБР. Хью поднялся по откосу на дорогу, чтобы поймать проезжающий автомобиль.

МНОГО, МНОГО часов спустя Хью проводил Бернис до дверей ее дома и толкнул к лестнице. Она была совершенно подавлена, наказана и заплакана. Поднявшись на ступеньки, она повернулась.

— Позвони мне потом, Хью, — тихонько попросила она.

Хью окинул ее взглядом и ничего не ответил, а прошел мимо нее в дом, ища Дока Ферриса.

В голове Хью раздались ликующие мысли Квадратного корня.

– Теперь ты можешь вертеть ею, как хочешь, Хью! – воскликнул чертенок. – Разумеется, если ты считаешь, что она вообще того стоит.

Хью тяжело вздохнул.

– Не знаю, – пробормотал он.

Однако при этом подумал, что, может, лечение, которое он ей написал, пошло Бернис на пользу.

Дока Ферриса Хью нашел на кухне. Там царил полный разгром и кавардак. Повсюду валялись разбитые яйца. Везде были разбросаны картонные коробки и бумажные упаковки из-под яиц. И посреди всего этого стоял Док Феррис, торжествующе усмехаясь.

– Я нашел его! – закричал он, увидев Хью. – Я искал его, искал и нашел! Смотри! Видишь? Так оно обычной овальной формы, а вот так становится прямоугольным и – хоп! – исчезает! Хо-хо! Хороший фокус, верно?

– Хью, это ужасно! – раздался в голове Хью трагический вопль Квадратного корня. – Еще один *фачи* снес яйцо не в то *место*!

The good egg, (Thrilling Wonder Stories, 1946, Fall), пер. Андрей Бурцев

AMAZING AND STORIES

MARCH

35¢

CALL HIM SAVAGE!

By John Pollard

**NEW
SCIENCE
FICTION!**

Ross Rocklynne • Robert Arthur
Walter Miller • Dan T. Moore • others

ИЗВИНИТЕ, НЕ ТО ИЗМЕРЕНИЕ

Ребенок весь день не плакал, потому что у него появился приятель-монстр. Но я-то не знала, что у него появился приятель, и не ведала, что это был монстр. Это чистая правда, потому что с самого рождения ребенка нервы у меня были на пределе, и я не посмела пойти узнать, почему он вдруг затих. Я занималась глаженьем – заметьте, всего постельного белья, – чинила рабочую одежду Гарри, а также прочитала три выпуска детектива в «Saturday Evening Post», которые вырезала потом и сохранила. Помимо этого, заглянула соседка Мэйбл и мы выпили по две-три чашечки кофе. А также вдвоём нахихикались. Помню, как мы чуть ли не впали в истерику от смеха – две старые клячи и развалины, в свои двадцать три года – уже двадцать три, ужас какой! – очумевшие от домашней работы, которая высасывала все силы.

– Но, слава Богу, ребенок весь день не плачет! – с трудом булькала я, когда мы немножко успокоились.

– Не то, что мой, – со вздохом сказала Мэйбл.

– Мэйбл, милая, ты просто убиваешь меня, – ответила я. – Извини уж, но мне надо причесаться, я ведь еще не развалина. По крайней мере, так говорит Гарри. Он говорит, что я по-прежнему такая же благоухающая розочка, с какой он познакомился в средней школе – а мы женаты уже два года!

И я пошла в ванную, оставив Мэйбл истерично хихикать. Когда я вышла из ванной, она по-прежнему была в истерике, но уже по другому поводу. Она обнаружила, почему Гарри-младший не плачет. Она была в детской, и лицо ее походило на белую яичную скорлупу.

– Он с чем-то играет, – прошептала она. – И это что-то *живое*. Я слышала, как оно воркует в ответ.

Я сделала три шага к детскому манежу и...

– Бэби! – почти закричала я.

Но малыш ворковал, булькал, смеялся и ползал в подгузниках. Он играл с детским зубным кольцом, но что-то пыталось выдернуть кольцо из его ручонки. И ребенку это нравилось.

Наконец, малыш выпустил кольцо из рук и упал навзничь. Вот только кольцо не упало, а осталось висеть в воздухе, затем медленно подплыло к ручонкам ребенка и дало ему поймать себя.

Мэйбл тихонько заскулила.

– Он у ребенка, у ребенка монстр, теперь у ребенка есть монстр! – и вздумала вдруг начать лишаться чувств.

– Только не падай в обморок! – рывкнула я, – а то мне некогда возиться еще и с тобой!

Вся дрожа, я подошла к манежу. Мои руки сомкнулись вокруг чего-то, от чего по позвоночнику у меня словно потекла ледяная вода. Это *действительно был монстр*.

– У него мех, – прошептала я и пощупала еще немного. – И липкая чешуя. – Я вытащила его из манежа. – И хобот...

Я была полна решимости спасти моего малютку. Малютка тут же завопил! Пришлось вернуть его обратно.

Мы с Мэйбл подтащили к манежу стулья и минут десять сидели, прижавшись друг к другу, пока ребенок играл с невидимым монстром.

– Я даже не знаю, что делать, – сказала я. – Эта штука живая. И, может, даже ядовитая. Но она дружелюбная. Может, это тоже ребенок!

– Из другого измерения, – сказала Мэйбл.

– Чушь! – фыркнула я, но, думаю, это выражение я подцепила из детектива в «Saturday Evening Post». – Давай сохранять головы и мыслить здраво.

– Если ребенок сохранит свою голову, – ответила моя подруга Мэйбл, причем это выражение она подцепила явно от меня.

– Я должна позвонить Гарри, – быстро сказала я. – Его начальству не понравится, что Гарри срывают с работы, но я должна немедленно вызвать его домой.

– Ты лишь разволнуешь его, – возразила Мэйбл. – Нужно вызвать полицию.

– Нет! – отрезала я.

Мне самой хотелось закричать. Ребенок был так счастлив. Может, маленький монстр тоже был счастлив. А полиция сделала бы с ним что-нибудь ужасное. Но что делать с моим материнским инстинктом? Он прямо-таки вопил, чтобы я спасала ребенка!

– Я все-таки позвоню Гарри, – сказала я и пошла к телефону.

Длинный гудок звучал как-то странно, но я все же набрала номер конторы Гарри. В трубке раздался бодрый женский голос:

– Скажите, пожалуйста, какой номер вы набираете?

– Х... Харлемонт 7-890, – прошептала я.

– Извините, у вас, должно быть, не то измерение.

Щелчок, и голос пропал. Я стояла столбом, как статуя. Статуя старой клячи в засаленном домашнем платье. Статуя, которая уже два месяца не выщипывала брови. Нервы у меня были на пределе. Я плохая мать и плохая хозяйка. И у меня чудесный муж, который

SORRY: Wrong Dimension

BY ROSS ROCKLYNNE

So the baby had a pet monster. And so nobody but baby could see it. And so a couple of men dropped out of thin air to check and see if the monster was licensed or not. So what's strange about that?

вечно мне льстит. У меня все валится из рук, я уродливая и какая-то засаленная... Я заплакала.

— Мэйбл! — придушенно закричала я.

У нее ушло некоторое время, чтобы вытащить из меня все подробности о телефонном звонке. Затем ее голубые глаза так и засияли.

— Я же говорила тебе! — закричала она. — Из другого измерения!

И она понеслась к выходной двери. Я слышала, как она возится там. Но дверь открыть она так и не смогла. Тогда она попробовала окно. Оно открылось, но Мэйбл не смогла высунуть в него руку. После всего этого она обернулась ко мне.

— Стелла, — сказала она со слегка дрожащей, но все равно красивой верхней губой. — Мы влипли. Мы куда-то провалились вместе с домом. Мы вообще живем в безумном мире, Стелла. Все эти атомные и водородные бомбы... летающие тарелки и полеты в космосе... все то, о чем пишут в рассказах. А теперь мы попали в какое-то другое измерение, а у меня ужин стоит в духовке.

— Пожалуйста, успокойся, — пробормотала я. — Нам нельзя впадать в панику. Нужно действовать планомерно.

Я попробовала все двери и окна в доме и убедилась, что все это правда. Мы влипли. Дом окружал какой-то барьер. В окнах не было видно ничего кроме какого-то белесого пара.

Мы вернулись в детскую проверить ребенка. Он по-прежнему играл с монстром. Я склонилась над манежем и взяла пушистую пятидесятицентовую игрушку. Маленький монстр тут же выхватил ее у меня из руки и пихнул ребенку. Малыш так чертовски счастливо залился смехом. А я начала получать некоторую перспективу.

— Все дело в нашей подозрительности, — сказала я Мэйбл. — Это неправильно. Помнишь статью, которую мы пару месяцев назад прочитали в «Вашем мире»? Вспомни, я решила, что мы никогда не будем подозрительными. Может, в этом как раз и разгадка нашего счастья. Мы никогда не подозревали никого, а просто старались ему помочь — так сейчас не время начать быть недоверчивыми. Монстр — друг моего малыша. Вот и все.

Мэйбл вздрогнула.

— Ладно, — сказала она. — Но я все равно волнуюсь о судьбе ужина в духовке. Билл не любит...

— Эй, ты снова становишься подозрительной, — с достоинством ответила я. — Не нужно волноваться. Я еще раз попробую позвонить Гарри.

На этот раз я была гораздо спокойнее. Я решила чуть больше доверять Вселенной. Я набрала номер Гарри. На этот раз мне ответил грубый мужской голос.

— Простите, но вы используете не то измерение. Почему бы вам просто не освободить линию?

Я провела ногтями по телефонной полочке, чтобы немного успокоиться.

– Послушайте, – сказала я. – Я в беде.

– А, дама, – с любопытством отозвался мужской голос.

– Да-да, дама! – закричала я. – Что тут необычного, что я дама? Почему каждый мужлан с того света непременно должен отметить, что беседует с дамой? Конечно, я – дама, и даже неплохо выглядящая дама! И хотела бы подбить вам глаз, чтобы доказать это!

Он рассмеялся и, должно быть, отвернулся от телефона.

– Это дама, – послышался его голос.

– Ладно, узнайте, чего она хочет, – услышала я еще чей-то далекий голос.

– Что у вас случилось? – спросил первый голос в трубку.

Я объяснила, что случилось.

– Повторите, какой у вас адрес? – спросил он.

Я повторила.

– Нет-нет, – нетерпеливо воскликнул он. – Планета. *Какая планета?* И год.

Я сказала.

Должно быть, он снова отвернулся от телефона, потому что я услышала, как он кому-то говорит:

– Они всего лишь в десяти годах.

Я оцепенела.

– А что вы скажете о маленьком монстре? – спросил он опять в трубку. – Мех? Размеры? Хобот? Размеры Гарри-младшего? Миссис, через секунду мы будем у вас.

И он положил трубку.

Мэйбл что-то затарахтела мне в ухо, но я не успела ничего ей ответить. Дверь в гостиную растворилась, и вошли они.

На полсекунды я увидела за ними корабль, похожий на формочку для кекса, висящую в сером паре. Затем они закрыли дверь и усмехнулись нам. Мы с Мэйбл инстинктивно попытались уменьшить наши бюсты.

– Привет, – сказал более высокий из пришедших, почесал волосатую грудь и усмехнулся еще шире.

Он нес какое-то устройство, походившее на фотокамеру на треноге.

– Позвольте мне представиться, – сказал он. – Джейк Комсток. Мы пришли, чтобы помочь вам, дамы. Мы выпнем вас туда, где вы и должны быть.

– Да, – ответила я. – Это было бы здорово.

– А это Бин Рокин. Он мой партнер. Мы... э-э... сотрудничаем.

— Приветик, — сказал коротышка, почти карлик, Бин. — Где ваш монстр?

— Для начала представьтесь, — сказал Джейк, бросив на нас суровый взгляд. — Манеры прежде всего.

Я представила нас обеих.

— Я миссис Уивер, — сказала я. — А это моя соседка, миссис Аспектия.

— Рад встрече, девочки, — усмехнулся Джейк и глянул на меня. — Должно быть, это вы, блондиночка, говорили по телефону. Мне понравилось, как вы обработали Бина. Правда, мило. — Он поставил штуку на треноге в угол и подошел ко мне. — Ну, и где же этот монстр? — спросил он, просунув руку под мою голую руку и усмехнувшись мне сверху вниз.

Мне тут же захотелось поставить его на место, поэтому я просто уставилась на его руку и глядела, пока он ее не убрал. Усмешка его при этом как-то усохла.

— Так, где же он? — сказал он суровым и неприятным голосом.

— Об этом не волнуйтесь, — сказала я. — На самом деле, монстр меня не волнует. Он весь день играл с моим малышом, и ребенок не возражал. Главное, что я бы хотела, чтобы вы, господа, сделали для нас, так это перенесли бы нас обратно в наше измерение.

— Правильно, — добавила Мэйбл, положив руки на бедра. — И скажите заранее, какая будет плата, если таковая вообще установлена.

— Бесплатно, — сказал карлик Бин, зачарованно уставившись на ее ноги. — Вместо оплаты мы заберем с собой монстра. Они по-настоящему дорогие, эти монстры. Их называют *дринки*. Время от времени они могут заблудиться в измерениях. Их нашли на Плутоне лет пятьдесят — а, может, уже век? — назад.

— Назад? — спросила я.

— Вперед, — поправился он.

— Послушайте, — решившись, сказала я. — Я не отдам вам монстра. С ним ребенок весь день был счастливым. Но я скажу, что я сделаю. Только расскажите мне, чем он питается и как за ним ухаживать, и я оставлю его у себя. А вам я дам взамен двадцать пять долларов, которые выиграла в покер. Идет, Джейк?

Джейк так и покатился со смеху.

— Детка, ты просто потрясная, — сказал он. — Ты не знаешь, какая у него цена. Ты милая!

— Спасибо, — хмуро ответила я. — Вы прямо-таки восстанавливаете мое доверие. Я чувствую, что буквально расцветаю под вашим голодным, пристальным взглядом.

— *Дринки* стоят по паре миллионов за штуку, а ты предлагаешь нам вонючие двадцать пять долларов. Вот что я скажу тебе, блондиночка, — и он подмигнул мне. — Ты, детка, перегрелась на солнце. Это понятно с первого взгляда. Ну, у нас с Бином есть маленький салончик в Измерении-Л, отрезанный от всех остальных. Мы вчетвером могли бы отправиться туда и вспомнить добрые старые времена. Мы могли бы оставаться там месяц и вернуть вас вовремя, чтобы вы поцеловали мужей, вернувшихся с работы. Что скажешь на это, блондиночка? И к тому же, тогда ты сможешь оставить *дринко* себе!

— На этой неделе мы уже не принимаем предложений, — с достоинством ответила Мэйбл.

— Ах, вы, пара зануд! — прорычал Бин и направился в прихожую.

Мэйбл взглянула на меня и сняла вазу с полки над камином. Я кивнула ей в ответ.

— Не трогайте *дринко*, — предупредила она Бина, — иначе будете иметь дело со мной.

Бин дернул плечом, но остановился.

— Все в полном порядке, — засмеялся Джейк, словно все это ужасно его забавляло, и кошачьим шагом направился к Мэйбл.

Взмахнув правой рукой, Мэйбл попыталась швырнуть в него вазу, но Джейк перехватил ее руку, однако, ваза все же полетела и разбилась о телевизор. Джейк схватил Мэйбл в свои медвежьи объятия.

Это взбесило меня. Я даже пожалела, что тут нету Гарри. Он бы размазал по стенке этих жуликов, потому что они действительно были жуликами, просто дешевыми мелкими мошенниками. Я запрыгала на одной ноге, срывая с себя туфлю, и ударила каблуком по курчавой голове Джейка. Пользы это не принесло, а только разозлило его. Он взмахнул рукой... Прежде меня никогда не посылали в нокаут, но после я догадалась, что это был именно он — классический нокаут.

Когда я очнулась, то первое, что услышала, это плач Гарри-младшего. Я нетвердо поднялась на ноги, перешагнула через Мэйбл, которая как раз начала стонать и проявлять признаки жизни, и направилась детскую, где схватила на руки моего малыша.

— Не плачь, — попросила я его. — Не сходи с ума. Я верну твоего *дринко*. Его украли грязные воры, но я его верну. Я посадила его на руку и почувствовала, что штанишки у него мокрые. Я подошла к телефону, набрала номер Гарри и получила знакомый уже ответ.

— У меня нет правильного измерения! — завопила я прежде, чем операторша повесила трубку. — Случилось ЧП! Воры украли моего *дринко*. Пожалуйста, свяжите меня с полицией измерений!

— У вас есть *дринко*? — осторожно спросила операторша. — Должно быть, тут какая-то ошибка. Вы звоните с Земли? Из 1954 года? Мне очень жаль, но Конгресс, правящий Землей 1954, не может быть подключен к системе измерений. И это невозможно, чтобы вы владели *дринко*.

— Какие-то ворюги из 1964 года украли моего *дринко*! — настойчиво повторила я.

— Секундочку, пожалуйста. Инспектор проинформировал меня, что это несанкционированный звонок. Будет проведено полицейское расследование.

В трубке раздалась щелчка, послышалось жужжание, затем неясные, далекие голоса и, наконец, меня соединили с полицией.

— Два бандюгана украли *дринко* моего ребенка! — повторила я на повышенном тоне. — Я требую соблюдения своих прав, как гражданки измерений!

— Два вора украли вашего *дринко*, — послышался в трубке сухой голос. — Очень хорошо. Опишите их, пожалуйста. Опишите характерные фразы, выражения и также речевые интонации.

Я описала.

— Очень хорошо. Вы сказали, Земля 1954? Превосходно. Всего лишь в шести измерениях и тридцати годах. Мы немедленно займемся расследованием.

И он повесил трубку.

— Привет, Стелла, — сказала Мэйбл, стоя на коленях и глядя на меня мутными глазами. — Как ты думаешь, я попаду домой вовремя, чтобы в духовке не успел сгореть ужин для Билла. Ты же знаешь, какой он щепетильный насчет ужина.

— Так преподай ему урок, — огрызнулась я, чувствуя к ней отвращение и направляясь к двери, потому что в нее уже кто-то колол. — Научи его. Разочаруй. Поломай его привычку. Пусть разок не поужинает... Добрый вечер, господа, — сказала я уже не Мэйбл, поскольку открыла дверь.

Вошли полицейские. Они привели с собой Бина. А также и Джейка.

Полицейских было трое. Тот, кто вошел первым, молодой, привлекательный, коснулся своей фуражки и молча улыбнулся.

— Вот ваш *дринко*, миссис, — сказал он, но я и так уже поняла, что *дринко* вернулся, потому что Гарри-младший резко перестал плакать и счастливо забулькал.

Могу держать пари, малыш увидел *дринко*. Я опустила парнишку на пол, а полицейский опустил на пол *дринко*. Мой ребенок буквально взвизгнул от восторга. Молодой полицейский снова улыбнулся безмолвной, загорелой улыбкой.

— Мы хотим поблагодарить вас, миссис. Эта парочка — самые злостные преступники во всей системе измерений. Я хочу, чтобы вы знали, что можете оставить себе *дринко* в качестве награды за вашу помощь в их поимке. Кроме того, я хочу сказать, что восхищаюсь вами за ваше *триппо*, когда вы притворились гражданкой измерений, на самом деле не являясь ею.

— *Триппо*? — не поняла я.

— Мужество, если для вас так предпочтительнее.

— Ну, должна же я была вернуть *дринко* своему ребенку, — скромно сказала я.

— Естественно, — улыбнулся полицейский. — *Дринко* лучшее из всех домашних животных. Наступит день, когда Земля 1954 будет присоединена к системе измерений, и тогда *дринко* будут доступны широкой общественности.

— А не можем ли мы сейчас, — спросила я, — вернуться в наш тихий, скромный уголок пространства?

— Я тоже хотела это сказать, — вернула Мэйбл, поднявшись, наконец, на ноги и откинув назад волосы. — Есть ли у нас шанс выбраться отсюда? Все это, конечно, захватывающе, волнующе и романтично, но Билл должен вовремя получить свой ужин.

— Одну секундочку, миссис! Это всего лишь вопрос расщепления хроно-луча, который, как оказалось, слегка запутался в пространстве-времени с гравитонной структурой нейтронного хроно-поля.

— Прекрасно! — язвительно сказала Мэйбл. — Это все объясняет! Теперь мне все ясно!

Полицейские установили какой-то прибор, очень похожий на тот, что принесли с собой Джейк и Бин, нацелили его по диагонали комнаты и нажали кнопку. Затем открыли дверь.

— Управились за пару минут, миссис, — еще раз улыбнувшись, сказал главный полицейский. — Доброго вам дня. Смею надеяться, что мы еще встретимся.

Они исчезли в двери, за которой, конечно же, висела, чуть колыхаясь в сером паре, форма для кекса. Все погрузилась в нее, и форма поплыла назад, пока не скрылась из глаз.

Минуту спустя серый туман тоже испарился, как и Мэйбл.

Гарри вернулся домой, как всегда, вовремя.

— Ребенок весь день не плакал, — сказала я ему, счастливо улыбаясь. — Какое облегчение! Я починила твою старую одежду, по-

гладила и еще успела прочитать три выпуска детектива в «Saturday Evening Post».

— Отлично! — сказал Гарри, озираясь. — А что еще произошло?

— О, да почти ничего, — сказала я, решив не вываливать на него разом все новости. — Не считая того, что теперь у нас есть *дринко*.

Я повела Гарри в детскую. Ребенок крепко спал. Я предположила, что *дринко* тоже.

— Вот он, — сказал я, указывая на едва заметную вмятину на краешке детского одеяльца. — Это *дринко*.

Тут я не выдержала и рассказала Гарри все. Он выслушал меня с невозмутимым видом.

— Прекрасно! — сказал он, когда я закончила. — Какие у тебя тут были волнующие приключения. Скажи только, а тебя не продирает озноб при виде этого *дринко*?

— Нисколечко, — сказала я, решив накормить его прежде, чем пытаться убедить, что я совсем не шучу. — Все это не выходит за рамки стандартного времяпрепровождения домохозяйки. К тому же, *дринко* совсем не видно. Ну, а теперь мой руки — и за стол! Ужин готов.

Sorry: wrong dimension, (Amazing Stories, 1954 № 3), пер. Андрей Бурцев

СОДЕРЖАНИЕ

МОГУЧЕЕ НИЧТОЖЕСТВО	7
The powerful pipsqueak, (Amazing Stories, 1943 № 9)	
пер. Андрей Бурцев	
ЧЕЛОВЕК ИЗ ЖЕЛЕЗА	27
Man of iron, (Astounding Stories, 1935 № 8)	
пер. Андрей Бурцев	
ОТРАЖЕНИЕ, КОТОРОЕ ЖИЛО	39
The reflection that lived, (Fantastic Adventures, 1940 № 6)	
пер. Андрей Бурцев	
ИСЧЕЗАЮЩИЕ СВИДЕТЕЛИ.....	53
The vanishing witnesses, (Fantastic Adventures, 1941 № 1)	
пер. Андрей Бурцев	
ГОЛОС	75
The voice, (Thrilling Wonder Stories, 1941, № 10)	
пер. Андрей Бурцев	
ВОЗВРАЩЕНИЕ С ЗЕРО	91
Return from zero, (Super Science Stories (British), 1942 № 8)	
пер. Андрей Бурцев	
ЛЕДЯНОЙ МИР	113
The ice would, (Thrilling Wonder Stories, 1946, Summer)	
пер. Андрей Бурцев	
СОЗДАТЕЛЬ	137
The creator, (Future Science Fiction, 1959 № 10)	
пер. Андрей Бурцев	
МИР НА ПРОДАЖУ	153
For sale – one world, (Super Science Stories, 1943 № 2)	
пер. Андрей Бурцев	
ХОРОШЕЕ ЯЙЦО.....	181
The good egg, (Thrilling Wonder Stories, 1946, Fall)	
пер. Андрей Бурцев	
ИЗВИНИТЕ, НЕ ТО ИЗМЕРЕНИЕ	201
Sorry: wrong dimension, (Amazing Stories, 1954 № 3)	
пер. Андрей Бурцев	

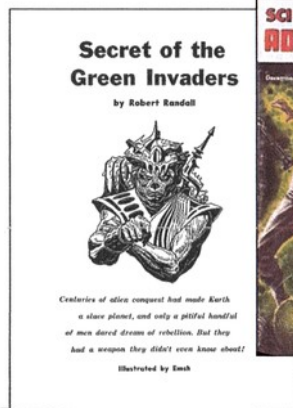
Читайте в
следующем томе:

Роберт Силверберг

«ПЛАНЕТА ГОРГОНЫ»

В том 33 БААКФ входит сборник Роберта Силверберга «Планета Горгоны» – рассказы и повести раннего периода творчества этого замечательного писателя-фантаста. И, как мне кажется, первые лет пятнадцать он писал гораздо лучше, чем начиная с середины семидесятых годов и вплоть до настоящего времени. Сам он, судя по некоторым его интервью, считает иначе, но это его право на личное мнение. В первый том вошли рассказы и повести середины 1950-х годов. Романы я помещать туда не стал, потому что, по моему мнению, именно короткая и средняя форма являются жемчужинами этого талантливого, имеющего все предпосылки стать классиком жанра, автора.

А. Бурцев

the General for a fool. "We can't worry about things like that. If there happens to be some humans in the way of our bombs, we'll just have to call them martyrs and put up a great big monument." He smiled coldly. "We're waiting time, gentlemen. Tomorrow it almost here."

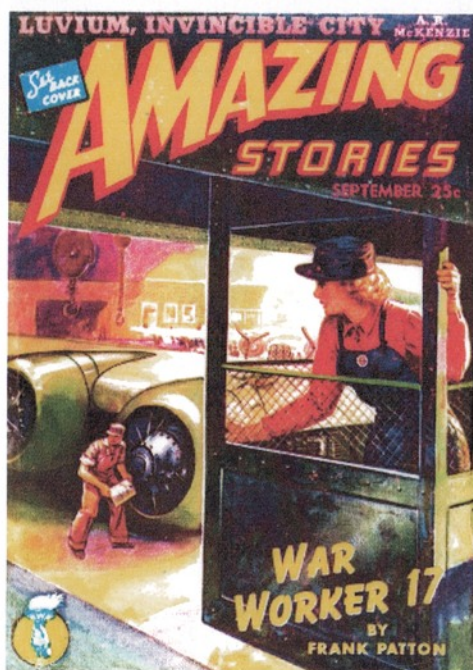
They did not slowly. Carter watched the retreating figures until the last had gone and the door slid shut.

He was right and Mikland was wrong, he thought. The people in the way didn't mat-

ter. If they were stupid enough to get in the way, they merited what they got. It was cruel-overs. Carter admitted that to himself. But it was necessary. The first goal was diving the Kallers off Earth, and any means would do to accomplish that end.

He looked at his watch. In fifteen hours plus, Earth would be free, and it was going to be up to him to keep the show moving from there on. Well, Carter thought, it's what I've dreamed of for years, and there's no point

РОСС РОКЛИНН

Могучее ничтожество